Н. К. Ф.

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

в 1916 г.

ВЫПУСК V–VI

ПЕТРОГРАД
1921

Н. К. Ф.
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

в 1916 г.

ВЫПУСК V–VI

ПЕТРОГРАД
1921

Р. В. Ц. Петроград. Печ. 1500 экз.

26-я Государств. тип., Петроград, Измайловский просп., № 29.

Сельское хозяйство.

Уже в обзоре сельского хозяйства России в 1915 г. было констатировано сильное влияние войны; в 1916 г. оно еще усилилось. Можно без преувеличения сказать, что состояние сельского хозяйства в 1916 г. в сильнейшей степени определялось влиянием войны и способностью сельских хозяев приспособиться к изменившимся условиям.

Говоря о сельско-хозяйственном производстве, мы должны, прежде всего, встретиться с вопросом о влиянии непрекращавшихся призывов в армию.

Об увеличении числа призываемых можно судить по следующим расчетам Мобилизационного Отдела, опубликованным С. Н. Прокоповичем. По этим данным, число призванных в войска составляло:

В мирное время	1.370.000 чел.
1914 г. второе полугодие	5.115.000 „
1915 „ первое „	2.330.000 „
„ „ второе „	2.880.000 „
1916 „ первое „	1.475.000 „
„ „ второе „	630.000 „
Всего	14.440.000 чел.

Таким образом, общее число мобилизованных к концу 1916 г. достигло громадной цифры почти в $14^1/_2$ миллионов человек. Какая часть их была оторвана от сельского хозяйства, мы не можем судить; несомненно, однако, что она очень значительна. Уже в заседании Государственной Думы 18 февраля 1916 г. Министр Земледелия А. Н. Наумов считал, что в армию было взято до четверти всего рабочего населения России. По некоторым приблизительным подсчетам для середины 1916 г. убыль рабочих сил в деревне составляла от трети до половины количества их в до-военное время.

Использование труда беженцев и военнопленных было, конечно, далеко недостаточно: С. Н. Прокопович исчисляет количество их вместе с солдатами, отпущенными на полевые работы, около 2.000.000 человек, т. е. около одной седьмой числа взятых в армию работников. Если к этому добавить, что значительная часть военнопленных использовалась не для сельского хозяйства, то невозможность компенсировать этим путем убыль рабочих рук выступит особенно рельефно. Притом и то количество военнопленных и беженцев, которое использовалось в сельском хозяйстве, распределялось неравномерно. По данным, относящимся к 10 губерниям Европейской России, в крестьянских хозяйствах беженцы и военнопленные составляли лишь $^1/_{20}$—$^1/_{30}$ нормального количества работников, в то время как в частновладельческих хозяйствах—до $23^0/_0$.

Понятно, что при таких условиях в сельском хозяйстве с чрезвычайной остротой должен был сказаться недостаток рабочих рук. В ряде губерний он остро чувствовался и в мирное время; с ним справлялись благодаря массовому приходу рабочих во время полевых работ из других районов; за время же войны недостаток рабочих должен был еще усилиться. По оффициальным данным Главного Управления Земледелия и Землеустройства и Министерства Земледелия, мы имеем следующие цифры роста недостатка в сельско-хозяйственных рабочих по 44 губерниям:

Число губерний, в которых недостаток ощущался:

В абсолютн. цифрах.		В %%.
1914 г.	14	32
1915 „	36	81
1916 „	44	100

Таким образом, в 1916 г. недостаток рабочих отмечается во всех 44 губерниях, даже и в тех, где в до-военное время остро ощущалось избыточное население, уходившее на дальние сельско-хозяйственные работы.

Но эти данные рисуют нам лишь распространенность недостатка, не касаясь вопроса об остроте его. По последнему вопросу мы можем привести чрезвычайно характерный подсчет Н. П. Огановского, пытавшегося определить усиление степени этой остроты.

Число губерний, в которых во время жатвы:	В %% к итогу: 1914.	1916.
Недостатка раб. рук не было	24	—
Наблюдался слабый недостаток раб. рук	14	—
„ средний „ „ „	18	52
„ острый „ „ „	17	45
Неопределенно	27	3
Всего	100%	100%

Таким образом, недостаток рабочих рук в 1916 г. ощущался не только в большом количестве губерний, но и более остро. Губерний со слабым недостатком рабочих рук в 1916 г. мы уже не находим; зато сильно увеличивается число губерний со средним и острым недостатком их. Тем не менее, население, употребляя выражение одного обзора, „как бы применилось к недостатку мужской рабочей силы“. В частновладельческих хозяйствах сильно помог труд военнопленных и беженцев; крестьяне же справились иными путями. Известное влияние здесь оказала повышенная продуктивность труда, наблюдавшаяся в связи с прекращением продажи водки и стремлением к интенсификации труда в переживаемое тяжелое время. Более важным моментом явилось, однако, привлечение к работе женщин и помощь родственников, односельчан и кооперативов.

Участие женщин в полевых работах отмечалось уже в 1915 г.; в 1916 г. оно приняло еще большие размеры: в то время как в 1915 г. женский труд был широко использован в 40% губерний, в 1916 г.—уже в 70%. Характерно при этом, что женщина выступает в деревне уже не только в качестве рабочей силы, но и в качестве хозяина-организатора работ и участника в решении „мирских дел“ [1]).

Что касается помощи семьям призванных, то мирская помощь была чрезвычайно распространена в начале войны. Момент об'явления войны— в разгар уборки полей—вызвал необходимость произвести уборку полей каким бы то ни было путем. Сил в деревне оставалось еще достаточно, сознание необходимости помочь в самый тяжелый момент работ было очень сильно, и помощь не ограничивалась лишь родственниками и соседями. „Помогали везде и всем без различия зажиточности и нуждаемости, и врядли нашелся бы где-нибудь уголок, где не применялась бы мирская помощь“, читаем мы в докладе Н. П. Огановского „О положении труда в сельском хозяйстве в 1916 г.“. Крестьяне помогали „миром“, делали общественные „помочи“, выносили на сельских сходах приговоры относительно запашки и уборки полей, устанавливали в пользу семей призванных самообложение и пр. Словом, мирская помощь в этот период стояла на должной высоте:

---

1) Интересно, что необходимость использовать женский труд в сельском хозяйстве во время войны стала ясно сознаваться не только в России.. В Англии Министр Земледелия лорд Сельборн даже образовал особый Отдел для об'единения всех мероприятий по организации женского сельскохозяйственного труда. Отдел этот действовал в согласии с соответствующими учреждениями Министерств Торговли и Внутренних Дел. В каждом графстве организовались „Комитеты женского сельскохозяйственного труда“, с под'отделами на местах.

она была устойчивой и всесторонней, помогала как натурой, так и деньгами. Иногда помогали и относительно зажиточным, но „обычно трудовая помощь оказывалась лишь бедным, наиболее-нуждающимся, семьям, состоящим из жены и малых детей и не имеющим лошади. Что касается денежной помощи, то она заключается, главным образом, в ассигновках и сборах, произведенных сельскими и волостными обществами. Крестьяне облагали в известных размерах землю и из получаемых средств составляли фонд мирской самопомощи".

„Таково было состояние мирской самопомощи в первые периоды войны. За последнее же время, в виду громаднейшего сокращения рабочих рук, самопомощь сильно сократилась в деревне и потеряла свой прежний облик. Вместо организованной массовой помощи теперь приходится констатировать большею частью совершенно случайные соседские и родственные „помочи". И в последнее время многие корреспонденты указывают на это обстоятельство".

Но уменьшение мирской самопомощи шло параллельно с усилением родственной. Это и понятно. „В нормальных условиях каждая крестьянская семья выставляет обычно рабочую пару, в которой отношение мужчин к женщинам равно 1 : 1. Такая пара представляет собой рабочий аппарат семьи, и все полевые работы, выполняемые этим аппаратом, были распределены между двумя единицами, входящими в него спокон веков, со времени возникновения крепостного права и даже раньше. Рабочее „тягло"— вот древняя кличка этого аппарата. Теперь стройная система „тягла" нарушена, так как отношение рабочих мужчин к женщинам стало равным отношению 1 : 1,6. После последних осенних и грядущих зимних мобилизаций оно, вероятно, приблизится к цифре 1 : 2. Но в каждой рабочей семье имеется обычно лишь одна полнорабочая женщина; второе звено „тягла"— полнорабочие мужчины—в большинстве случаев выпало, а без него немыслимо правильное прохождение цикла полевых работ; это самое обстоятельство и толкает крестьян к складке 2—3 семей в одну" (Н. П. Огановский).

Работа кооперативов часто выражалась в виде помощи при сенокосах и уборке урожая путем организации специальных артелей. Встречаются случаи бесплатного засева полей, уборки кооперативными жнейками, организационная помощь и т. д. Наиболее же часто кооперативы помогали деньгами семьям призванных, как через волостные попечительства, так и непосредственно. По цитированному уже докладу, случаи оказания помощи кооперативами в 1916 г. можно выразить в следующей табличке:

Число случаев помощи составляло в $^0/_0{}^0/_0$ к итогу:

Денежная через кредитн. т-ва и попечительства	19,5
„ непосредственно семьям мобилизованных	34,4
„ на агрономические мероприятия	9,8
Итого денежная	56,7
натуральная семенами	3,3
„ вещами	28,8
„ машинами	7,9
Итого натуральная	40,0
Организаций артелей	3,3

Недостаток рабочих, который пытались компенсировать привлечением женщин и различными видами самопомощи, отразился на разных отраслях хозяйства с различной силой.

Переходя к анализу отдельных видов сельско-хозяйственного производства, остановимся на полеводстве. Здесь недостаток рабочих рук наиболее угрожал правильному ходу работ, но в результате новых видов организации труда населению удалось избежать значительного недосева. Оффициальные данные Отдела Сельскохозяйственной Экономии и Статистики,

характеризуя условия сева яровых, указывают, что, „за весьма редкими исключениями, недостаток рабочей силы, повидимому, не вызовет заметного сокращения посевной площади. Всего менее она при этом может сократиться в крестьянских хозяйствах, так как в них, взамен отсутствующих членов семьи, особенно широкое применение нашел труд женщины, подростков и стариков, регулируемый притом взаимной помощью односельчан. Во владельческих хозяйствах, в которых недостаток и дороговизна рабочих рук ощущаются особенно остро, значительную помощь оказали военнопленные и беженцы. Наиболее сильное, в отдельных местностях даже сплошное, сокращение посевной площади отмечалось только в Донской области, в остальных же губерниях Европейской России оно носило большею частью лишь случайный и частичный характер и преимущественно ограничивалось более крупными экономиями“.

В период уборки хлебов „в рабочих чувствовался повсеместный недостаток, не вызвавший, однако, в большинстве местностей необходимости сократить общий круг работ и, в худшем случае, лишь несколько замедливший ход работ“.

В крестьянских хозяйствах всю тяжесть работ вынесли женщины, подростки и старики, в помощь которым, сравнительно в небольшом количестве, нанимались беженцы и военнопленные. Более широкое применение нашел труд военнопленных во владельческих хозяйствах, в которых недостаток рабочих ощущался особенно остро. Значительное облегчение в работах местами оказали жатвенные машины, успешно распространявшиеся некоторыми земствами.

Недостаток рабочих, естественно, вызвал сильный под‘ем заработной платы. По сообщениям корреспондентов, цены на труд стояли „необычайно высокие“.

О повышении заработной платы можно судить по следующим данным. Заработная плата в день на своих харчах составляла:

РАЙОНЫ.	Конному рабочему.		Пешему работнику.		Работнице.	
	В 1915 г. в %/% к средней за 1909-13 гг.	В 1916 г. в %/% к 1915 г.	В 1915 г. в %/% к средней за 1909-13 гг.	В 1916 г. в %/% к 1915 г.	В 1915 г. в %/% к средней за 1909-13 гг.	В 1916 г. в %/% к 1915 г.
Юго-Западный	152	180	147	171	135	197
Малороссийский	174	176	179	186	166	156
Центрально-земледельческий	178	179	182	185	148	156
Средне-Волжский	182	175	148	188	160	177
Новороссийский	165	149	185	171	169	163
Юго-Восточный	162	154	172	157	174	158
По черноземной полосе	169	171	169	185	159	166
Прибалтийский	117	165	115	163	120	164
Белорусский	157	209	181	221	154	196
Приозерный	176	205	173	221	180	233
Московский промышленный	173	192	283	199	157	193
Северный	196	216	144	203	147	214
Северо-Восточный	199	166	174	193	171	216
По нечерноземной полосе	165	195	168	206	146	202

Таким образом, в 1916 г., за небольшими исключениями, коэффициент возрастания выше, чем за первый период войны (по 1915 г.). Возрастание это очень значительно — не меньше 50 %; во многих районах заработная плата удвоилась.

Что касается, казалось бы, странного факта—более сильного повышения заработных плат в нечерноземной полосе, то он об'ясняется неравномерным распределением военнопленных, громадная часть которых была сосредоточена, именно, в черноземной полосе — преимущественно на юге и юго-востоке. Наличность их существенно ослабляла напряженность недостатка рабочих и препятствовала сильному повышению заработной платы.

Дальнейшими затруднениями, осложнявшими производство сельско-хозяйственных работ, был недостаток и дороговизна посевного материала, удобрения, сельско-хозяйственных машин и орудий и сокращение скота.

Недостаток и дороговизна семян ощущалась в 1916 г. во многих губерниях. По данным Отдела Сельскохозяйственной Экономии и Статистики, недостаток семян констатировался во многих губерниях. В Казанской губернии при посеве яровых „небольшой недосев наблюдался в отдельных крестьянских хозяйствах скорее по необеспеченности семенами, чем по недостатку рабочих рук"; во Владимирской губернии „в некоторых местностях оказался недосев до $^1/_4$—$^1/_3$ яровых по случаю недостатка и дороговизны семян овса, вики и картофеля и по безлошадности". В Московской губ., в виду недостатка семян овса, вместо него сеялся картофель и т. д.

Очень сильно повлияла война на удобрение полей. В связи с сокращением скота сократилось и навозное удобрение. Что же касается минеральных удобрений, то Россия выписывала значительное количество их из заграницы, и с началом войны ввоз этот сильно сократился.

Привоз искусственных туков из заграницы составлял, в тысячах пудов:

В 1905 г.	7.154
„ 1910 г.	22.816
„ 1911 г.	26.380
„ 1912 г.	35.256
„ 1913 г.	34.256
„ 1914 г.	22.574

При плохом состоянии и дороговизне транспорта в 1916 г. ввоз минеральных удобрений из заграницы был чрезвычайно затруднен; производство же внутри страны, поставлявшее лишь 30% употреблявшихся минеральных удобрений, сильно сократилось. Ряд заводов, находившихся в Польше, оказался потерянным для России; некоторые другие заводы прекратили свое производство. Министерство Земледелия и земства принимали меры к организации новых заводов, но до конца 1916 г. производительность их была очень невелика.

Кроме того, цены на минеральные удобрения сильно возросли. Рост цен (за пудо-процент, в копейках) ясно виден из следующей таблицы:

УДОБРЕНИЯ.	1913 г.	1915 г.	1916 г.		
			Весенние.	Осенние.	
Суперфосфат	4 (14%)	9,6 —	10 (14%)	13 (18%)	16—23 —
Томасшлак (15%)	3,3	5,2	6	—	—
Сернокислый аммиак	350	235	220	175	260
Костяная мука (30%) за пуд	2,2	3,2	4	5,5	8

Еще более серьезно было положение с сельско-хозяйственными машинами и орудиями.

До войны значительная часть сельско-хозяйственных машин получалась из заграницы. С началом войны ввоз сельско-хозяйственных машин и орудий сильно сократился, внутреннее же производство также уменьшилось вследствие недостатка металла. Общие данные о потреблении сельско-хозяйственных машин и орудий (в штуках), по сведениям Бюро по сельско-хозяйственной механике, сведены в следующей таблице:

Годы.		Жатки лобогрейки.	Жатки самосброски.	Сноповязалки.	Сенокосилки.	Конные грабли.
1911–13	Внутреннее производство	97.000	8.000	—	7.800	773
	Ввоз	—	30.700	21.000	53.900	61.700
	Всего	97.000	38.700	21.000	61.700	62.473
1916		36.900	13.130	1.480.750	3.750	5.550

Таким образом, констатируется колоссальное уменьшение числа машин.

Ясно, что все эти факты должны были сильнейшим образом отразиться на стоимости производства сельско-хозяйственных продуктов. Мы не располагаем точными сведениями о всех продуктах; о стоимости же производства главнейших хлебов можно судить по данным Отдела Сельской Экономии и Сельскохозяйственной Статистики, произведшего специальную анкету в 1912—1914 гг. и повторившую ее в 1916 г. В виду громоздкости таблиц, мы не можем помещать здесь сведений по отдельным районам; характер происходивших изменений выступает, однако, совершенно ясно и на основании данных по черноземной и нечерноземной полосам и по России. По этим данным стоимость производства возросла следующим образом, составляя в $^0/_0$ к средней до войны (принимаемой за 100):

Район и название работ.		Озимой ржи.	Пшеницы:		Овса.	Ячменя.
			Озимой.	Яровой.		
По черноземной полосе:	Обработка, посев и заделка . .	132	132	136	136	136
	Уборка урожая	281	271	258	273	254
	Перевозка с поля	265	260	256	262	230
	Молотьба и уборка	241	241	207	226	199
	Стоимость посевного материала .	200	193	168	219	198
	Стоимость вывозки навозных удобрений	382	387	400	385	389
	Всего	219	208	187	214	193
По нечерноземной полосе:	Обработка, посев и заделка . .	160	160	176	176	176
	Уборка урожая	292	296	278	296	295
	Перевозка с поля	274	236	258	271	283
	Молотьба и уборка	246	188	230	252	246
	Стоимость посевного материала .	227	236	195	232	211
	Стоимость вывозки навозного удобрения	369	322	409	379	380
	Всего	242	216	220	243	234
По Европейской России:	Обработка, посев и заделка . .	147	147	156	156	156
	Уборка урожая	287	284	269	285	276
	Перевозка с поля	270	248	257	267	255
	Молотьба и уборка	244	211	219	240	223
	Стоимость посевного материала .	216	217	184	227	203
	Стоимость вывозки навозного удобрения	373	347	407	382	383
	Всего	232	212	206	230	216

Как же отразились указанные условия на засеве полей?

По этому вопросу в начале 1916 года господствовали самые пессимистические ожидания, подтверждаемые, казалось бы, об'ективными данными. Анкета о состоянии озимых посевов осенью 1915 г., предпринятая Отделом Сельской Экономии Министерства Земледелия, указывала на значительные недосевы, достигавшие в некоторых уездах до 50%; сведения земств и местных учреждений тоже давали почву для беспокойства. На экономическом совещании Земского Союза в апреле 1916 г. К. А. Мацеевич исчислял предполагаемое сокращение посевной площади:

для нечерноземной полосы	в 2—10%
„ черноземной „	„ 7—15%
„ юга и юго-востока	„ 15—30%

Опасения эти оказались, однако, сильно преувеличенными.

Сокращение посевных площадей, действительно, наблюдалось, но в гораздо меньшей степени, чем это предполагалось первоначально. Местами работы сильно замедлялись, местами был заметный недосев, но, в общем, значительно менее сильный, чем можно было ожидать.

Сравним данные за 1916 г. и предшествующие годы. По данным Центрального Статистического Комитета, сокращение посевных площадей выражается в следующих цифрах:

Общая площадь посева главнейших хлебов составляла по 48 губерниям Европейской России:

В 1909—13 гг.	71,1 милл. десятин
„ 1914 г.	73,1 „ „
„ 1915 „	71,5 „ „
„ 1916 „	66,9 „ „

По отдельным культурам наблюдается следующее сокращение посевных площадей:

Площадь посева в 49 губерниях Европейской России по данным Центрального Статистического Комитета в %% по отношению к средней площади за 1909-13 гг.:

ГОДЫ.	Рожь озимая и яровая.	Пшеница:			Ячмень.	Овес.	Просо.	Гречиха.	ИТОГО.
		Озимая.	Яровая.	ВСЯ.					
1909—13 . . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1914	101,6	111,3	99,2	102,2	109,4	102,7	96,0	97,0	102,7
1915	102,0	111,5	93,8	98,2	107,8	99,3	93,7	89,6	100,6
1916	98,2	104,7	78,8	85,1	101,1	98,8	87,3	88,7	94,5

Итак, общее сокращение посевной площади выражается в цифре 6,5%. Площадь под озимой пшеницей и ячменем даже увеличилась по сравнению с до-военным временем, хотя и уменьшилась сравнительно с 1914 и 1915 г.; мало уменьшилась площадь под рожью и овсом; зато очень сильно уменьшение площади проса и гречихи и, особенно, яровой пшеницы. Но данные эти являются неполными. Прежде всего они относятся только к Европейской России; далее, за 1916 г. они представляют собою лишь итоги предварительного подсчета; наконец, в них даны лишь главные хлеба. Сопоставим поэтому данные Центрального Статистического Комитета за 1909—15 гг. с данными Всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1916 года. Во избежание чрезмерной громоздкости таблиц, ограничимся данными по главным полосам России [1]). Начнем с данных по размерам посевных площадей в абсолютных числах:

[1]) Подсчеты взяты из исследования **Н.** Д. Кондратьева, любезно предоставленного нам автором.

Посевная площадь по частям России, в десятинах.

РАЙОНЫ.	ГОДЫ.	Продовольственные.	Крупяные.	Второстепенные продовольственные.	Картофель.	Кормовые.	ВСЕГО.
По нечерноземной полосе	1909—13	7919084,6	355574,6	222446,6	1052101,6	6247633,7	15796841,1
	1914	8286932	321218	232020	1112704	6382896	16335770
	1915	8158134	281892	212273	1067863	5092726	14812888
	1916	6870884	360608	196347	927523	5998834	14354196
По черноземной полосе	1909—13	31375412,8	3499426,8	1976900,7	1433348	14187049,4	52472137,7
	1914	31502590	3410052	1966439	1523371	15233123	53635575
	1915	31216635	3234591	1862908	1456666	14749874	52520674
	1916	28091962	3375568	1822434	1268441	14182857	48741262
По Кавказу	1909—13	4379186,8	387973,4	613725	82504	2127714,2	7591103,4
	1914	4819809	372824	602026	86466	2394252	8275377
	1915	4421036	372063	626007	71723	2269527	7760356
	1916	3139494	285077	482750	46202	1003149	4956672
По Сибири	1909—13	3533601,2	148269,8	34140,4	115592,4	1921621,6	5753225,4
	1914	4513085	138023	38459	189516	2544796	7423879
	1915	4316942	133148	42380	136090	2442819	7071379
	1916	4116558	178012	31576	109207	2258214	6693667
По Степному краю.	1909—13	1340863,4	308489,4	3647,4	22862,2	305275	1981137,4
	1914	2128810	372617	6091	38593	447719	2993830
	1915	2133795	323721	6964	39088	494925	2998493
	1916	2111111	202546	3569	20642	591191	2929059
По России	1909—13	48548148,8	4699734	2850860,1	2706408,2	24789293,9	83594445
	1914	51251226	4614734	2845035	2950650	27002786	88664431
	1915	50246542	4345415	2750532	2771430	25049871	85163790
	1916	44330109	4401811	2536676	2372015	24034245	77674856

В процентах посевные площади изменялись следующим образом:

РАЙОНЫ.	ГОДЫ.	Продовольственные.	Крупяные.	Второстепенные продовольственные.	Картофель.	Кормовые.	ВСЕГО.
По нечерноземной полосе	1909—13	100	100	100	100	100	100
	1914	104,6	90,5	104,5	105,8	102,2	103,5
	1915	103,0	79,3	95,5	101,3	81,6	93,8
	1916	86,8	101,5	88,9	88,2	96,1	91,0
По черноземной полосе.	1909—13	100	100	100	100	100	100
	1914	100,4	97,6	99,5	106,3	107,4	102,3
	1915	99,7	92,5	94,2	101,6	104,1	100,2
	1916	89,7	96,6	92,4	88,5	100,0	93,0
По Кавказу	1909—13	100	100	100	100	100	100
	1914	109,9	96,2	98,2	104,8	112,4	109,1
	1915	101,0	96,0	102,1	86,9	106,7	102,2
	1916	71,6	73,5	78,7	56,0	47,1	65,3
По Сибири	1909—13	100	100	100	100	100	100
	1914	127,8	93,2	112,7	164,0	132,5	129,0
	1915	122,2	89,8	124,2	117,8	127,0	123,0
	1916	116,5	120,0	92,5	94,6	118,0	116,3
По Степному краю .	1909—13	100	100	100	100	100	100
	1914	158,9	120,9	161,9	168,8	146,8	151,0
	1915	159,1	104,8	191,0	171,0	162,0	151,1
	1916	157,4	65,7	97,8	90,4	193,8	147,9
По **России** . . .	1909—13	100	100	100	100	100	100
	1914	105,6	98,3	99,8	109,0	109,1	106,0
	1915	103,6	92,6	96,5	102,4	101,1	101,9
	1916	91,3	93,8	88,9	87,6	97,0	92,9

Остановимся на этой таблице несколько подробнее. Изменение посевных площадей было различно для отдельных культур и полос России. В нечерноземной полосе по всем графам (кроме крупяных) мы видим увеличение посевной площади в 1914 г. и затем быстрое сокращение ее; по крупяным сокращение заметно уже в 1914 г.; в 1916 г. по крупяным и кормовым, сравнительно с 1915 г., заметен значительный рост посевной площади. Близки к этим и данные по черноземной полосе; единственными отличиями является отсутствие под'ема в 1914 г. для второстепенных продовольственных и правильное понижение с 1915 г. по кормовым. Кавказ мало отличается от них, за исключением некоторого увеличения площади второстепенных продовольственных в 1915 г. По Сибири чрезвычайно сильно увеличение посевных площадей в 1914 г. — на 27% для главных продовольственных, на 12% для второстепенных продовольственных и на целых 64% для картофеля. После этого под'ема посевные площади сильно сокращаются, но все же по главным продовольственным и кормовым они значительно превышают средние до-военные. Площади же под крупяными правильно сокращались до 1915 г., после которого значительно увеличились. По Степному краю посевные площади сильно увеличились к 1915 г., затем сократились. Исключение составляют кормовые площади, площади которых к 1916 г. увеличились почти вдвое сравнительно с до-военными, и крупяные, которые после под'ема в 1914 г. начали быстро сокращаться. В общем по России наблюдается увеличение посевных площадей в 1914 г. и затем правильное падение их за исключением крупяных и второстепенных продовольственных, по которым уменьшение началось уже в 1914 г. и крупяных в 1916 г., давших некоторое увеличение посевной площади. В общем по всем хлебам направление изменений сходно по всем полосам России, хотя и различается по интенсивности: всюду после под'ема в 1914 г. наблюдается правильное понижение. Но в то время, как, в общем, по России и по полосам Европейской России уменьшение составляло 7—9%, на Кавказе оно достигло 35%; по Сибири же и Туркестану, сравнительно с до-военным временем, заметно сильное увеличение, достигшее по Степному краю почти 50%.

Таковы изменения по посевной площади вообще, без различия владельцев, но интересны изменения посевной площади по категориям владельцев, что дает ценный материал для суждения об умении хозяйств различного типа приспособляться к военным условиям и позволило бы сделать некоторые заключения о тех изменениях, которые война внесла в социальное строение русского сельского хозяйства.

Перепись 1916 года показала, что преобладающая часть посевных площадей падает на посевы крестьянского типа. В среднем по Европейской России крестьянским хозяйствам принадлежит приблизительно 9/10 посевной площади. По данным районам наблюдаются следующие колебания:

Районы.	На 100 десятин посевной площади приходится посевов:	
	Крестьянских.	Частновладельческих.
Черноземная полоса.		
Юго-западный	74,8	25,2
Малороссийский	86,7	14,3
Центрально-земледельческий	93,5	6,5
Средне-волжский	87,9	12,1
Новороссийский	86,5	13,5
Нижне-волжский	93,8	6,2
Всего по черноземной полосе	88,1	11,9

РАЙОНЫ.	На 100 десятин посевной площади приходится посевов: Крестьянских.	Частновладельческих.
Нечерноземная полоса.		
Прибалтийский	76,1	23,9
Белорусский	90,8	9,2
Приозерный	89,5	10,5
Московско-Промышленный	95,1	4,9
Северный (Вологодской губ.)	96,1	3,9
Северо-восточный (Вятской губ.)	99,7	0,3
Всего по нечерноземной полосе	92,8	7,2
Итого по Европейской России (44 губ.)	89,1	10,9

Таким образом, черноземная полоса характеризуется относительно большим распространением владельческих посевов: наибольший процент их наблюдается в Юго-Западном крае, где частновладельческие посевы составляют четверть всей посевной площади. Относительно высокий процент (12—14) наблюдается также в Малороссийском, Новороссийском и Средне-Волжском районах. Значительно меньше их в нечерноземной полосе; исключение составляет лишь Прибалтийский район, с исключительно высоким процентом владельческих посевов (23,9). По остальным районам, не исключая даже Приозерного и Белорусского, процент владельческих посевов ниже не только средней по черноземной полосе, но и средней по всей Европейской России.

Перейдем теперь к данным об изменениях посевных площадей по отдельным хлебам, частям России и категориям владельцев:

Посевная площадь в % отношении к средней за 1909—13 гг.

РАЙОНЫ.	ГОДЫ.	Продовольственные:		Крупяные:		Второстепенные продовольственные:		Картофель:		Кормовые:		ВСЕГО.	
		Крестьянские.	Частновладельческие.	Крестьянские.	Частновладельческие.	Крестьянские.	Частновладельческие.	Крестьянские.	Частновладельческие.	Крестьянские.	Частновладельческие.	Крестьянские.	Частновладельческие.
По нечерноземной полосе	1909—13	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	1914	103,5	111,9	89,6	93,4	103,8	107,7	105,7	105,5	101,8	105,4	102,5	108,1
	1915	110,6	55,3	89,8	35,9	101,7	62,0	111,3	65,2	85,4	59,4	100,1	57,4
	1916	96,8	23,2	122,7	13,4	101,9	15,6	105,0	26,6	106,7	33,7	101,9	27,2
По черноземной полосе	1909—13	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	1914	102,0	97,8	97,5	97,5	99,2	100,0	105,8	107,1	105,3	110,4	102,5	101,6
	1915	130,7	45,1	113,6	36,9	124,8	44,7	120,1	51,7	136,0	52,2	130,2	46,8
	1916	126,2	25,0	123,7	25,2	137,0	19,4	111,4	26,8	140,8	34,0	130,0	27,3
Всего по Кавказу	1909—13	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	1914	109,5	112,6	98,0	85,6	101,0	89,8	100,9	130,0	109,8	125,8	108,2	112,2
	1915	109,6	69,9	106,2	37,3	102,8	99,9	86,8	88,2	112,7	74,9	108,6	73,5
	1916	82,9	20,6	83,4	17,9	101,3	54,7	59,5	9,0	53,2	16,0	75,5	17,5
Всего по Сибири	1909—13	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	1914	127,7	128,7	93,3	70,7	112,6	116,9	164,2	122,1	132,1	143,8	129,0	133,0
	1915	122,4	104,0	89,7	118,2	117,0	577,8	118,2	79,8	126,7	168,9	122,9	133,6
	1916	117,1	40,3	120,5	20,3	93,5	27,7	95,0	49,6	118,1	55,8	116,9	46,0
Всего по Степному краю	1909—13	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	1914	155,6	242,3	120,5	173,9	156,1	347,8	162,5	290,8	142,2	222,6	148,0	236,8
	1915	155,0	278,2	104,8	114,9	178,0	407,6	166,5	253,1	156,3	259,2	146,3	268,8
	1916	160,3	71,0	66,0	28,2	102,5	22,1	94,5	12,2	203,7	34,1	151,0	59,1
Всего по России	1909—13	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	1914	107,8	100,2	98,6	96,8	100,3	98,7	109,5	107,5	108,3	110,9	107,1	103,3
	1915	125,0	48,2	109,3	37,1	117,2	54,8	116,0	57,7	118,2	55,0	121,2	50,3
	1916	116,8	24,7	114,9	24,0	224,2	16,9	106,0	26,5	120,8	33,1	117,7	26,9

Таблица эта ярко рисует изменения в посевной площади владельцев различных категорий. Прежде всего, посевная площадь в хозяйствах частновладельческого типа изменялась совсем в ином направлении, чем в крестьянских. По всей России посевная площадь крестьян сильно выросла, частных же владельцев—уменьшилась. В итоге по всем хлебам крестьяне к 1915 г. увеличили свою площадь на $^1/_5$, в то время, как владельцы—уменьшили на половину. К 1916 г. крестьянские посевы несколько сократились, частновладельческие же уменьшились с поражающей быстротой. Всего у последних сохранилось лишь несколько больше четверти посевов, бывших у них до войны. Наименее сократилась у них площадь под кормовыми культурами, но и здесь они сохранили лишь треть посевов, бывших у них до войны. Наиболее же сократилась у них посевная площадь под второстепенными продовольственными культурами. Не прослеживая колебаний по отдельным годам и полосам, укажем лишь, что частновладельческое хозяйство повсюду стремительно сокращало свои посевы как там, где крестьяне сильно увеличили свои, так и там, где крестьяне несколько уменьшили их. Таким образом, в процессе приспособления к изменившимся условиям крестьянское хозяйство оказалось жизнеспособнее, устойчивее, чем владельческое.

Перейдем теперь к оценке урожая. По качеству урожая 1916 год в Европейской России может быть охарактеризован следующей таблицей:

ГОДЫ.	СРЕДНИЙ УРОЖАЙ, В ПУДАХ, С 1 КАЗЕННОЙ ДЕСЯТИНЫ.						
	Рожь озимая.	ПШЕНИЦА: Озимая.	ПШЕНИЦА: Яровая.	Ячмень.	Овес.	Просо.	Гречиха.
1909—13 . .	52,7	61,2	42,0	58,5	54,5	47,8	36,6
1914	50,7	55,1	41,1	46,8	45,8	38,5	28,5
1915	60,8	68,1	42,2	57,7	50,6	51,5	39,8
1916	57,0	72,0	29,0	49,0	51,0	39,0	37,0

Эти данные указывают, что урожай озимой ржи и пшеницы был отличный, значительно выше среднего за 1909—13 гг., а по озимой пшенице выше даже урожайного—1915 г. Относительно яровой пшеницы мы должны констатировать урожай значительно ниже среднего; ячмень и просо дали цифру ниже среднего и овес и гречиха—приблизительно среднюю. По частям России мы наблюдаем хороший или даже отличный урожай—в юго-западных губерниях, на юго-востоке—неурожай и в остальных губерниях—средний урожай. В общем урожай можно считать несколько ниже-среднего.

Переходя от данных о посевных площадях и качестве урожая к данным о размерах валового сбора, мы можем привести следующие данные. Валовой сбор составлял, в тысячах пудов:

ТЕРРИТОРИИ И ГОДЫ.		Рожь: озимая и яровая.	Пшеница: озимая и яровая.	Ячмень.	Овес.	Просо.	Гречиха.	Итого главных хлебов.
Европейская Россия (без Кубанской области и Закавказья)	1909—13 . .	1154622	993146	509190	747343	133130	64095	3541526
	1916	1181209	683243	432024	673801	104318	68251	3142846
	1916 в %% к 1909—13 прин. за 100	102,3	73,2	84,8	90,2	78,4	106,5	88,7
Сибирь	1909—13	47259	141458	10522	86208	10029	2786	298262
	1916	50652	186446	11966	116593	10332	2967	378956
	1916 в %% к 1909—13 прин. за 100	107,2	131,8	113,7	135,2	102,8	106,5	127,1
Итого	1909—13	1201881	1074604	519712	833551	143159	66881	3839788
	1916	1231861	869689	443990	790394	114650	71218	3521802
	1916 в %% к 1909—13 прин. за 100	102,5	80,9	85,4	94,8	80,1	106,5	91,7

Относительно этих цифр следует, однако, отметить, что данные за 1909—13 гг. являются, несомненно, преуменьшенными. Однако, если мы даже примем их без оговорок, то и в этом случае мы должны будем констатировать увеличение сбора ржи, уменьшение—ячменя и овса и очень значительное уменьшение пшеницы. Значительно сократился сбор проса. Сокращение это особенно характерно, если принять во внимание высказывавшееся в литературе мнение о преуменьшении данных за 1909 — 13 гг., следовательно есть основание предполагать, что сбор был относительно еще хуже. Сбор гречихи увеличился, но и относительно сбора гречихи в 1909 — 13 гг. есть основание предполагать, что цифра здесь также преуменьшена.

Однако, данные эти неполны: в них имеются сведения лишь о главнейших хлебах. Остановимся подробнее на вопросе о сборе. По России без оккупированных губерний и тех, о которых мы не располагаем сведениями по всем годам, валовой сбор составлял (в тысячах пудов) [1]:

ГОДЫ.	Продовольственные.	Крупяные.	Второстепенные продовольственные.	Картофель.	Кормовые.	ВСЕГО.
1909—13 .	230755,9	199942,2	160304,9	1248503,1	1360939,1	5277245,2
1914 . . .	2401317,0	152624,6	155668,9	1346630,9	1222322,5	5278563,9
1915 . . .	2685009,7	205029,7	151565,4	1372136,7	1326767,5	5740509,0
1916 . . .	2081823,2	179278,8	121403,9	1094484,4	1133116,7	4753431,0

Тоже в °/₀°/₀ к средней за 1909—13 гг.

ГОДЫ.	Продовольственные.	Крупяные.	Второстепенные продовольственные.	Картофель.	Кормовые.	ВСЕГО.
1909—13 .	100	100	100	100	100	100
1914 . . .	104,1	76,3	97,0	108,0	90,0	100,0
1915 . . .	116,4	102,6	94,7	109,8	97,5	108,8
1916 . . .	90,2	89,7	76,0	87,7	83,4	87,3

Таким образом, в 1916 г. было сильное сокращение валового сбора сравнительно не только с урожайным 1915 г., но и со средним за последнее до-военное пятилетие. Особенно сильно сокращение сбора второстепенных продовольственных—на 24°/₀; сильно сократился также сбор кормовых; слабее—другие культуры, в особенности же главные продовольственные (на 10°/₀). Общее сокращение валового сбора достигает почти 13°/₀.

Уже одно это сокращение могло вызвать серьезное продовольственное затруднение. Продовольственный кризис оказывал сильнейшее влияние на условия сбыта хлебов.

[1]) Подсчеты из цитированной работы Н. Д. Кондратьева.

Как известно, в начале войны были сильно распространены опасения, что закрытие экспорта создаст для России чрезвычайные затруднения в виду перепроизводства хлебов и падения хлебных цен. В этом отношении чрезвычайно характерен доклад Д. Н. Шаховского, прочитанный в самом начале войны в Московском Обществе Сельского Хозяйства, высказывавший очень распространенное мнение о гибельном падении хлебных цен от прекращения экспорта. Особенно это должно было отразиться на наиболее экспортных хлебах. Пшеница при таких условиях „на время может потерять для держателей ее всякую ценность, потому что на внутреннем рынке найти ей покупателя нельзя, а, следовательно, при необходимости продать ее в срок, цена ее тоже может падать бесконечно низко“. Но ожидания эти, как известно, не оправдались, и уже в первый год войны мы видим сильный рост цен, все увеличивающийся и увеличивающийся.

В 1916 г. государство еще не вмешивалось в область сельско-хозяйственного производства, органичиваясь лишь некоторыми мерами, имеющими целью содействовать работе отдельных хозяев и помочь им в преодолении возникающих затруднений. Зато в области сбыта роль государства в 1916 г. чувствуется уже чрезвычайно сильно. Вместо свободно устанавливаемых на рынке „вольных“ цен мы постепенно подходим к созданию „указных“, твердых цен. Мы не можем здесь прослеживать деятельность правительства в этом направлении; отметим лишь основные звенья той цепи, которая, начав с предоставления командующим войсками прав закупок по устанавливаемым ими ценам, логически развиваясь, привела нас при Временном Правительстве к закону о передаче хлеба в распоряжение государства. Первоначально предполагалось, что уполномоченные Министерства Земледелия будут производить заготовки хлеба для армии по вольным ценам. Однако, скоро выяснилось, что уполномоченные с трудом справлялись с этой задачей даже в то время, когда хлеба в стране был несомненный избыток, и на хлебном рынке наблюдалась понижательная тенденция. Но если таково было положение при относительно благоприятных условиях, то понятно, что, с началом повышения цен, уже зимой 1914 года они оказались не в состоянии произвести намеченные закупки. Поэтому правительство скоро сочло себя вынужденным отказаться от соблюдения вольных цен и уже в начале 1915 года (указом 15 февраля) предоставило командующим войсками право: 1) воспрещать из своих губерний вывоз припасов, нужных для армии, 2) устанавливать цены на них и 3) в случае отказа от добровольной продажи продуктов по установленным ценам — реквизировать их, понижая при этом цену на 15% сравнительно с установленной ими.

В результате применения этого указа на местах создалась невероятная путаница. „Страна была“, по выражению одного исследователя, „превращена во множество разгороженных друг от друга территорий со своими ценами, правилами продажи и т. д.“. Скоро правительство сочло себя вынужденным сделать дальнейший шаг, создав центральное учреждение, ведающее продовольственное дело. 17 августа 1915 г. создается совещательный орган при Министре Земледелия — „Особое Совещание для обсуждения и об‘единения мероприятий по продовольственному делу“. Надежды на то, что отличный урожай 1915 г. даст понижение хлебных цен и вызовет усиленное предложение хлеба на рынке, не оправдались, и Особое Совещание сочло себя вынужденным поставить на очередь вопрос об установлении твердых цен в общеимперском масштабе. Хлебом, недостаток которого чувствовался особенно остро, был овес, и 5 октября мы находим первые твердые цены на овес, заготовляемый для нужд армии и предприятий, работающих на оборону, и для образования запаса семенного овса. В декабре устанавливаются твердые цены на просо, пшено, гречиху, гречневую муку, рожь и ржаную муку простого помола, а скоро и на все хлебные продукты „для заготовок распоряжением правительства запасов в целях снабжения армии или населения“.

Мы подчеркиваем слова „распоряжением правительства", так как в них и заключается самая характерная черта правительственной политики этого времени. Единый рынок и единые цены уничтожаются во всей России. Создаются двойные цены — „твердые" — для закупок распоряжением правительства и „вольные" для всех прочих.

Таково было наследие 1914—1915 гг. Нетрудно было видеть, что в 1916 г. эта двойственность цен должна была чрезвычайно сильно отразиться на условиях рынка. Она била и по потребителю и по правительственным организациям. Торговец, вынужденный продавать хлеб правительству по более низкой цене, естественно стремился продать ему как можно меньше и перелагал все свои убытки на покупающих по вольной цене. При недостатке хлебов, падении курса рубля и сокращении товаров у производителя естественно возникало стремление держаться выжидательно и не торопиться с реализацией хлеба, вместо которого он получал все более и более падающие в цене деньги. Уже одни эти факты должны были сокращать предложения и способствовать под'ему цен; указанная же двойственность цен неизбежно должна была еще усиливать повышательную тенденцию. О росте цен за первую половину 1916 г. мы можем судить по следующим подсчетам Экономического Отдела Всероссийского Союза Городов.

Цены составляли в % % к средней за 1913-14 гг.:

Месяцы и годы.	Пшеница.	Рожь.	М У К А:		О в е с.	Ячмень.	Среднее по хлебам.
			Пшеничная.	Ржаная.			
Май 1915 г. .	136	172	123	171	209	153	161
Июль „ .	113	139	121	144	193	109	137
Декабрь „ .	161	176	154	183	225	142	174
Январь 1916 г.	167	176	157	184	232	144	177
Февраль „ .	172	175	160	184	237	145	179
Март „ .	175	179	162	187	248	145	183
Апрель „ .	177	181	163	196	257	150	187
Май „ .	174	182	164	195	254	154	187
Июнь „ .	182	183	164	199	251	154	189

Таким образом, к июню цены возросли, в среднем, почти вдвое (на 89%). Однако, повышение это относительно было не так велико; по многим продуктам цены возросли гораздо сильнее. Так, по тем же данным и за то же время сильно возросли цены на масло (на 124%), миткаль (на 113%), металлы (медь на 119%; чугун на 99%) и особенно на лен (на 165%), мясо (вчетверо — на 332%) и соль (почти в шесть раз — на 483%). В общем же по 19 продуктам повышение составляет 114%, а за вычетом хлебов — 125%. Из хлебных цен обращает на себя внимание особенно сильный рост цен на овес. Это и понятно. Урожай овса в 1914 г. был очень неблагоприятен, а спрос армии и продолжавшийся вывоз заграницу был значительно выше, чем вывоз в до-военное время.

Повышение цен на 80% является очен значительным, особенно если принять во внимание, что это средние цены. В крупных потребительных центрах рост цен был еще больше, а в глухих местах Севера и се-

веро-запада „цены достигли прямо невероятных размеров“. Предпринимаемые меры оказывались мало действительными, и правительство должно было выделять то тот, то другой район и снабжать их „средствами и распоряжением правительства“. Наконец, правительство почувствовало то, что уже многократно указывалось общественными организациями — что нельзя создавать настолько разные условия снабжения армии и населения, что необходимо выработать единый государственный план. Уже в июне твердые цены на муку распространяются для товарных мельниц на все сделки. Это постановление неизбежно должно было повлечь за собой установление твердых цен на зерно для всех сделок. Неизбежность этого шага сознавалась настолько ясно, что ни на с'езде уполномоченных 25 августа, ни в Особом Совещании он не встретил серьезных возражений. Раз встав на путь установления твердых цен, правительство логически неизбежно должно было идти до конца. Спорным являлся не вопрос о том, следует ли устанавливать твердые цены, но на какой высоте их надо установить.

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о твердых ценах, отметим только, что проведение системы твердых цен на все хлеба требовало наличности некоторых основных предпосылок, которые едва-ли были на-лицо в России в 1916 г. Трудностями, стоявшими при проведении этих цен, были, во-первых, трудность калькуляции уровня цен (особенно в связи с падением ценности денег), во-вторых, — возможность ускользания части сделок изпод контроля правительства и образование на-ряду с легальным также и второго — нелегального рынка и, в зависимости от этого, установление спекулятивных цен, в третьих, в виду отсутствия необходимости немедленно реализовать урожай — выжидательно — спекулятивная тенденция на рынке и, наконец, четвертое — затруднительность установления твердых цен на хлеб при отсутствии твердых цен в других отраслях народного хозяйства.

Все эти условия создавали на рынке выжидательное настроение. Недостаток хлебов ощущался все острее, и цены стремительно повышались. Буквально из всех мест мы имеем указания на крайнюю сдержанность в предложении хлеба. На хлебном рынке господствовало ожидание значительного повышения твердых цен. С июня цены повышались следующим образом:

Цены составляли к средней за 1913-14 гг.

МЕСЯЦЫ и ГОДЫ.	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Всего по зерновым продуктам.	МУКА:		Средняя по всем хлебам.
						Пшеничная.	Ржаная.	
Июнь 1916 г.	182	172	239	154	187	162	199	185
Июль 1916 г.	182	172	254	156	191	168	198	188
Август 1916 г.	210	190	267	175	211	176	211	205
Сентябрь 1916 г. . . .	224	223	283	197	232	190	243	227

При таком настроении рынка, естественно, даже самые высокие твердые цены могли скоро оказаться недостаточно высокими. Мы не будем останавливаться на приемах определения себестоимости хлебов местными совещаниями, вызывавшими постоянные протесты представителей потребляющих групп населения и особые мнения представителей государственного контроля. На совещании с'езда уполномоченных по продовольственному делу 25 августа представители почти всех ведомств стояли за „величайшую осторожность“ при повышении твердых цен. Общественные организации заняли также чрезвычайно определенную позицию, подчеркивая

крайнюю опасность установления цен, предложенных совещанием уполномоченных. Всероссийский Земский и Городской Союзы, Военно-Промышленные Комитеты и ряд других организаций энергично протестовали против цен, установленных местными совещаниями и предлагаемых Управлением Делами Особого Совещания. Принятые Особым Совещанием цены были опротестованы Военным Министром и в конце концов понижены соединенным совещанием двух Особых Совещаний и утверждены 9 сентября 1916 года.

Легко представить атмосферу рынка в это время и вполне понятно, что даже очень высокие цены, установленные 9 сентября, оказались ниже рыночных.

Мы видели, насколько сильно было повышение цен в сентябре. Сопоставим их с утвержденными:

Увеличение цен в % к средней за 1913—14 гг.

	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Средняя по зерновым продуктам.
Сентябрь 1916 г. . .	224	223	283	197	232
Твердые цены	201	209	248	180	210

Таким образом, рост хлебных цен в сентябре значительно превысил твердые цены: в то время как сентябрьские были выше средних за 1913-14 гг. на 132%, твердые превышали указанные средние лишь на 110%. Если мы сопоставим эти данные с данными предшествующей таблицы, то увидим, что уже в августе средний уровень цен равнялся твердым ценам, а по некоторым хлебам (пшеница, овес) обогнал их. Понятно при таких условиях, что твердые цены не представлялись населению особенно заманчивыми, тем более, что колебания Министерства заставляли население не считать их особенно устойчивыми; установление же этих цен слишком поздно, когда часть производителей уже продала свои запасы по более высоким рыночным ценам, заставляло население считать эти твердые цены и маловыгодными. Сразу по установлении твердых цен подвоз хлеба стал резко сокращаться и через 2-3 недели прекратился почти совершенно. Ноябрьские заготовки идут крайне неудовлетворительно, и 29 ноября появляется постановление Министерства Земледелия А. А. Риттиха „о разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороною“. Производится принудительная разверстка хлебов, причем председатель Особого Совещания (Министр Земледелия) устанавливает губернские наряды, губернские земские управы—уездные наряды, уездные управы — поволостные и владельческие и волостные и сельские сходы производят разверстку между отдельными селениями и хозяевами.

Интересно, что это же постановление предусматривает некоторые льготы производителям, поставившим хлеб до 6 января. Однако, уже в начале декабря эти льготы не только были продлены до 1 марта, но, сверх того, были установлены и новые.

Понятно, что новые льготы подтвердили производителю, что устойчивость „твердых“ цен — весьма условна. Население выжидало нового под'ема твердых цен и в некоторых местах даже характеризовало их, как „мягкие“. Анкета, произведенная экономическим отделом Всероссийского Земского Союза, получила единодушные ответы с указанием, что эти льготы не только не оказали положительного влияния на постановку, но, напротив, лишь убедили население, что цены могут и повышаться.

Не останавливаясь на деталях и недостатках разверстки, укажем, что мера эта с самого начала считалась на местах невыполнимой. Несоответствие нарядов с запасами хлебов в губерниях делало выполнение нарядов фактически невозможным. На практике большинство губернских

земств произвело „теоретическую“ разверстку, сложив с себя всякую ответственность за выполнение ее.

Несмотря на чрезвычайно решительные оптимистические заявления оффициальной и оффициозной прессы, было несомненно, что разверстка не помогла делу. И, действительно, в начале 1917 года продовольственный вопрос обострился до крайности.

Такова была попытка правительства заменить условия стихийного образования рыночных цен — назначением их. Встав на путь регулирования, правительство логически неизбежно должно было идти по нему дальше и дальше. Однако, старое правительство не могло справиться с грандиозной задачей регулирования сельско-хозяйственного рынка, взятой им на себя.

Перейдем теперь к анализу данных об отдельных промышленных растениях. Начнем со льна, играющего такую важную роль в крестьянском хозяйстве Северных губерний.

В начале войны, как известно, предполагалось, что русский льняной рынок сразу утратит $^{2}/_{3}$ обычного спроса и будет, по выражению проф. А. В. Чаянова, „раздавлен миллионами пудов избыточного товара“. Это заставило бы крестьянина реализовать свой лен по небывало низким ценам и влекло бы за собою разорение целых районов. И общественные организации намечали ряд мер, могущих предотвратить грозящую катастрофу. Однако, прибегать к таким мерам не пришлось уже в силу небывало низких сборов: урожай 1914 года дал всего около 9 миллионов пудов, т. е. меньше половины обычного (по проф. Чаянову с оккупированными губ. 26 м. п.), урожай 1915 года — около 16 миллионов пудов, т. е. немного больше $^{3}/_{5}$, в 1916 г. сбор упал до 13 миллионов пудов.

Здесь прежде всего сказалась потеря нами значительной посевной площади (напр., в Курляндской, Виленской, Минской губерниях), а также сокращение площади посева в виду недостатка рабочих рук.

Сравнительно с 1914 г. мы имеем следующие данные о посевной площади:

РАЙОНЫ.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
I. Псковский			
(Псковская, Петроградская), в десятинах	169.908	158.603	136.399
В %%	100	88,9	74,4
II. Смоленско-Тверской			
(Новгородская, Тверская, Смоленская, Московская, Калужская), в десятинах	434.237	394.728	356.512
В %%	100	91,3	83,2
III. Ярославско-Костромской			
(Вологодская, Ярославская, Владимирская, Нижегородская, Олонецкая, Костромская), в десятинах	220.950	213.301	207.997
В %%	100	96,4	94,1
IV. Вятско-Пермский			
(Вятская, Пермская), в десятинах	214.779	215.024	192.524
В %%	100	89,8	79,8
Итого	1.066.874	981.656	893.414
В %%	100	92,1	83,8

Таким образом, наблюдалось довольно сильное сокращение посевной площади, уменьшившейся, в среднем, на 16%. По отдельным районам колебания довольно значительны: сильнее всего площадь посева сократилась в старом экспортном — Псковском районе (на 25%); сходную цифру (20%) мы находим и в Вятско-Пермском районе, работающем на внутренний рынок. Цифру, близкую к средней, дает экспортный Смоленско-Тверской район. Наименее же изменения заметны в Ярославско-Костромском районе, связанном с внутренним рынком.

Подесятинный сбор уменьшился; однако, тем не менее, урожай 1914 г. был настолько плох, что в 1915 г. заметно сильное повышение сбора, несмотря на сокращение посевных площадей. В 1916 г. же сбор сильно сократился сравнительно с 1915 г.

Сбор льняного волокна в России составлял:

РАЙОНЫ.	В 1914 г.	В 1915 г.	В 1916 г.
I. Псковский.			
Пудов	1.427.227	2.632.809	2.241.582
В %%	100,0	184,4	157,0
II. Смоленско-Тверской.			
Пудов	3.214.116	6.865.792	5.451.259
В %%	100,0	213,6	169,6
III. Ярославско-Костромской.			
Пудов	1.901.794	3.078.132	3.169.190
В %%	100,0	161,8	166,6
IV. Вятско-Пермский.			
Пудов	2.359.246	2.983.564	2.102.901
В %%	100,0	126,5	89,1
ВСЕГО.			
Пудов	8.902.383	15.560.297	12.964.932
В %%	100,0	174,7	145,6

Уже самый факт сокращения сборов должен был в значительной мере ослабить остроту ожидающегося кризиса. Условия рынка действовали в том же направлении: за время войны сильно возрос спрос со стороны как русской, так и английской промышленности. В России на льнопрядильнях

произошел переход к выработке более низких нумеров пряжи, что подняло потребление льна на 30—35%; в виду отсутствия джута, большинство джутовых фабрик приступили к переработке льна, наконец, спрос на мешки сильно поднял кустарное изготовление грубых холстов. Все указанные обстоятельства, по расчетам проф. Чаянова, подняли русскую переработку льна до 12—13 миллионов пудов, вместо обычных 9—10.

В Англии отсутствие льна побудило промышленников интересоваться не только покупавшимися раньше низкими льнами, но и высокими, поставлявшимися раньше Бельгией и Голландией. В результате наблюдался колоссальный рост цен. Приведем лишь один пример — рост цен на высшие сорта волокна на трех рынках:

Рынок.	Цена волокна за пуд, в рублях.				
	Ноябрь 1914 г.	Март 1915 г.	Ноябрь 1915 г.	Март 1916 г.	Ноябрь 1916 г.
Город Ржев.					
Тверской губ.	5,60	7,20	10,60	12,95	23,00
Станция Шаховская.					
Московской губ.	5,60	7,50	10,60	12,00	24,00
Сычевка.					
Смоленской губ.	4,50	6,80	7,25	10,80	20,66

Следует, однако, отметить, что возросли, конечно, не только цены, но и себестоимость производства. По материалам анкеты Совета С'ездов Представителей Льняного Дела, относящимся к сентябрю-октябрю 1916 г., себестоимость пуда волокна составляла в Волоколамском уезде:

в 1914 г. . . . . . 7,32 руб.
„ 1916 „ . . . . . . 17,00 „

Следовательно, себестоимость пуда волокна возросла более, чем в 2 раза.

Определяя стоимость производства на основании бюджетных данных, получим еще более сильное увеличение:

в 1914 г. . . . . . 5,06 руб.
„ 1916 „ . . . . . 16,40 „

Перейдем теперь к данным о культуре сахарной свекловицы. По данным Всероссийского Общества Сахарозаводчиков, благодаря затруднениям, стоящим перед сельским хозяйством в этом году, площадь первоначальных посевов кампании 1916—17 г. сократилась, сравнительно с кампанией 1915—16 г., на 10%. До известной степени уменьшение это компенсируется, однако, повышением урожайности, составлявшей в среднем около 5% (4,8). В результате, по предположениям на 1 сентября, сбор свекловицы должен был уменьшиться на 5%. Данные по этому вопросу сделаны в следующей таблице:

Ведомость о посевах свекловицы и ожидаемом сборе ее по сведениям заводов на 1 сентября 1916 г.

РАЙОНЫ.	Площадь первоначальных посевов.			СБОР:					
				С 1 десятины.			Всего, в тысяч. пудов.		
	В 1915—16 гг.	В 1916—17 гг.	В 1916 — 17 гг. больше или меньше, в %%.	В 1915—16 гг.	В 1916—17 гг.	В 1916—17 гг. больше или меньше, в %%.	В 1915—16 гг.	Ожидается по данным на 1 сент. 1916 г.	В 1916—17 гг. больше или меньше, в %%.
Юго-западный . .	390211	327387	— 16,1%	933,9	996,0	+ 6,6	342271,3	314656,0	— 8,1
Центральный . .	249541	250072	+ 0,2%	1216,3	1215,6	— 0,1	299403,1	294773,0	— 1,5
Восточный . . .	39305	32229	— 18,0%	1141,7	1101,0	— 3,6	43091,1	32116,0	— 25,5
Кубанская область	4000	3695	— 7,6%	704,3	840,2	+ 19,3	2817,6	2701,0	— 4,1
ВСЕГО . .	683057	613383	— 10,2%	1040,5	1090,5	+ 4,8	687583,1	644246,0	— 5,2

Это уменьшение выступит особенно рельефно, если мы возьмем цифры за ряд лет. По данным конторы Всероссийского Общества Сахарозаводчиков, площадь посева свекловицы и сбор ее составляют:

ГОДЫ.	Площадь посева, в тысяч. десятин.		Сбор, в тысяч. пудов.
	Первоначальные посевы.	Сохранившиеся.	
1911—12	721,0	707,4	825.538
1912—13	699,0	609,4	692.913
1913—14	663,3	647,7	752.838
1914—15	731,0	719,0	783.564
1915—16	683,1	660,8	682.497
1916—17	613,4	571,4	539.123

Вестник Сахарной Промышленности, основываясь на сведениях заводов, указывает, как причину уменьшения свекловичных плантаций, прежде всего на недостаток и дороговизну рабочих рук и перевозочных средств, которые могут обнаружиться при уборке и возке свекловицы; затем высказывает опасение неполучения топлива и неуверенность в возможности своевременной перевозки свекловицы по железным дорогам. Наконец, некоторые заводы высказывают опасения, что установленные 9 октября 1915 г. предельные цены будут повышены не соответственно повышению стоимости выработки в настоящее время сахара. Одна из главных причин уменьшения

посева свекловицы крестьянами и плантаторами—это увеличение посева на своих полях овса и мешанки вследствие высоких цен, существующих на эти продукты. Также многие крестьяне плантаторы, вследствие призыва на военную службу, лишены были возможности производить полевые работы. Еще хуже обстояли дела во время уборки; недостаток рабочих вынуждал заменять взрослых мужчин рабочих женщинами и подростками, труд которых был гораздо менее производителен, и платить очень высокие заработные платы. Недостаток и дороговизна рабочих, отсутствие перевозочных средств, наконец, несвоевременное получение вагонов поставили заводы в чрезвычайно тяжелое положение. С заводов, расположенных буквально во всех районах, поступили единодушные заявления, что положение безвыходно, что необходима срочная помощь — в противном случае значительная часть собранной свекловицы погибнет. Помощь эта до достаточных размеров не могла, однако, быть оказана.

Отметим еще одну характерную черту в области свекловичного хозяйства. Как известно, свекловица получалась с хозяйств двух типов: часть свекловицы возделывалась на собственных заводских землях, часть же—на так называемых плантаторских (частновладельческих и крестьянских). За время войны наблюдалось стремление заводоуправлений увеличить площадь своих посевов.

По данным Всероссийского Общества Сахарозаводчиков, площадь посевов распределялась следующим образом:

Г О Д Ы.	% ПОСЕВОВ НА ЗЕМЛЕ:		
	Заводской.	Плантаторской:	
		Частновладельческой.	Крестьянской.
1914.	39	34	27
1915.	41	32	27
1916.	54	26	20

Перед нами, таким образом, любопытное явление: заводы считают поставку свеклы плантаторами мало обеспеченной и дорогой и предпочитают переходить к посевам на заводской земле.

В заключение упомянем вскользь о данных по хлопководству. По данным Центрального Хлопкового Комитета, общая площадь хлопковых посевов составляла;

	За 1915 г.	За 1916 г.
По Средней Азии	679.033	703.911
По Закавказью	108.000	86.400
Итого	787.033	790.311

Таким образом, площадь посева русского хлопка возросла на 04,4%, т. е. осталась почти без изменения.

Но это отсутствие изменений получилось только благодаря тому, что возросла площадь под посевами хлопка в Средней Азии. По Закавказью положение значительно хуже. Как известно, в этом районе население переходило к хлопководству, забрасывая производство относительно мало выгодных продовольственных продуктов. Закавказье жило привозным хлебом; поэтому расстройство транспорта должно было отразиться на нем с чрезвычайной остротой. Население начало уменьшать посевы хлопка и увеличивать посевы хлебов. В том же направлении действовали и особенности хлопководства: как известно, оно является чрезвычайно трудоемкой культурой. С уменьшением населения, вследствие призывов в армию, должно было остро чувствоваться недостаточное количество работников Следствием этого являлся сильный под'ем заработных плат. Рабочему в день на своих харчах платили:

ГУБЕРНИИ.	1915 г.	1916 г.
Эриванская.	105	159
Елизаветпольская	159	195
Бакинская	110	144
Тифлисская.	165	285

Заработная плата подростка возросла еще сильнее: в среднем на 50—60%; иногда даже удвоилась. Мы уже привели цифры о площади посевов хлопка по материалам Центрального Хлопкового Комитета. По другим данным, уменьшение посевов еще значительнее: было засеяно, в тысячах десятин:

в 1910 г.	77,2
„ 1911 „	125,0
„ 1912 „	112,5
„ 1913 „	127,5
„ 1914 „	148,9
„ 1915 „	115,5
„ 1916 „ около	87,0

Таким образом, площадь посевов хлопка правильно возрастала до 1915 года, когда началось уменьшение, в 1916 г. она уменьшилась на 25% сравнительно с 1915 г. и на 40% сравнительно с 1914 г.

Переходя к анализу скотоводства в 1916 г., мы должны, к сожалению, отметить, что данные переписи 1916 года не могли быть сравниваемыми с данными ветеринарного управления, регистрирующими погодные изменения скотоводства. Поэтому нам придется прибегнуть к менее точным и менее показательным приемам сравнения.

Остановимся, прежде всего, на данных о рабочем скоте — количестве лошадей. Мы не можем, к сожалению, проследить изменение количества лошадей в военное время; мало того, для характеристики до-военного положения дел мы вынуждены брать данные военно-конской переписи 1912 г. По вопросу этому исчерпывающая сводка сделана Н. П. Огановским. Количество лошадей изменилось за исследуемое время следующим образом:

	ЧИСЛО ЛОШАДЕЙ, В ТЫСЯЧАХ.		+ или —
	1912 г.	1916 г.	
У крестьян	17.731,3	19.053,5	+ 7,5
У частных владельцев. . .	1.345,1	1.390,6	+ 3,2
Всего. . .	19.076,4	20.444,1	+ 7,2
В том числе:			
Взрослых	14.745,4	15.172,4	+ 2,9
От 1 до 4 лет	3.231,8	3.327,3	+ 2,9
Жеребят.	1.099,2	1.944,4	+ 76,9

Мы видим прежде всего, что за время с 1912 г. по 1916 г. количество лошадей возросло на 7%, притом особенно сильно у крестьян — на 7,5%. У частных же владельцев, которым принадлежит приблизительно лишь

7% всех лошадей, рост этот значительно слабее, составляя лишь 3,2%. Конечно, нельзя думать, чтобы увеличение это имело место в 1914—16 гг.; конские мобилизации, несомненно, взяли очень большое количество лошадей, и прирост, вероятно, падает на период 1912—14 гг.

По данным, приводимым С. Н. Прокоповичем, было взято лошадей (без купленных на вольном рынке), в тысячах голов:

в 1914—15 гг. 1.310,3
„ 1915—16 „ 568,6
„ 1916—17 „ 220,4

Несомненно, однако, что убыль лошадей за 1914—16 гг. не была особенно сильной, так как за 2 года число лошадей не могло особенно резко увеличиться. Интересно далее, что наиболее сильно возросло число жеребят: в то время, как количество взрослых лошадей и лошадей среднего возраста увеличилось лишь на 3%, жеребят—на 77%.

Приведем более подробные данные по этому вопросу.

По районам на 100 лошадей каждого возраста в 1912 г. оказалось в 1916 г.:

РАЙОНЫ.	У КРЕСТЬЯН.			У ЧАСТНЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ.		
	4-х лет и старше.	1—4 г.	Жеребят.	4-х лет и старше.	1—4 г.	Жеребят.
Юго-западный	114,2	102,6	79,1	79,8	89,8	106,6
Малороссийский	105,6	150,0	176,7	98	157,3	164,8
Земл. центральный	100,3	80,8	164,0	91,8	104,9	119,5
Средне-волжский	105,8	90,2	194,3	92,3	98,0	127,6
Новороссийский	103,1	101,7	171,9	131,8	176,4	174,1
Юго-восточный	104,9	83,5	206,1	150,7	231,3	332,1
Всего по черн. пол.	104,6	95,7	137,1	101,5	136,9	150,1
Прибалтийский	82,9	126,8	184,3	105,7	140,0	183,3
Белорусский	116,5	187,9	283,1	51,1	75,8	106,0
Приозерный	99,4	159,6	257,9	56,5	119,2	133,3
Московско-промышленный	96,6	110,6	187,1	64,8	109,3	126,5
Северный (без Архангельска)	106,1	97,8	235,8	37,1	20,0	100,1
Северо-восточный (Вятской губ.)	96,4	91,0	164,2	58,8	75,0	200,0
Всего по нечерн. пол.	101,2	123,3	211,3	64,0	36,5	125,2
Итого по Европ. России	103,6	100,6	179,7	92,3	131,4	147,3

Мы видим чрезвычайно ясно выраженный процесс омоложения состава конских стад. У крестьян количество взрослых лошадей увеличилось

незначительно, молодых лошадей — почти не изменилось и жеребят — возросло почти на 80%. У частных же владельцев число взрослых лошадей сократилось на 8%, среднего почти на треть (31,4%) и жеребят — увеличилось почти на половину (47,3%).

Перейдем теперь к данным о крупном рогатом скоте. По этому вопросу мы можем привести интересный подсчет П. А. Вихляева, сравнившего данные переписи 1916 г. с данными земских переписей по уездам, допускающим сравнение. Результаты его сведены в следующей таблице:

Распределение уездов по числу коров на 100 душ населения.

ГРУППЫ УЕЗДОВ по количеству коров на 100 душ.	Число уездов. В до-военное время (по данным земских переписей).	Число уездов. В 1916 г. (по материалам Всероссийской с.-х. переписи).
I. 9,64—11,79	15	1
II. 11,81—12,99	14	7
III. 13,01—14,98	20	21
IV. 15,01—17,97	14	33
V. 18,01—19,81	15	17
VI. 20,18—23,40	15	15
VII. 23,53—25,35	14	7
VIII. 25,40—28,98	15	12
IX. 29,04—34,00	14	16
X. 34,54—49,44	16	12

Эта таблица ярко рисует нам изменения, происшедшие в обеспеченности населения коровами. Географически произошло выравнивание соотношения между количеством коров и количеством населения около некоторой средней. Прежде всего, сильно сократилось количество уездов, наименее обеспеченных коровами: так, по земским переписям число уездов, в которых на 100 душ приходилось 11,8 коров, составляло 15, в 1916 г. — лишь 1. В эту группу вошли уезды Полтавской и Тульской губерний. В многоскотных северных и промышленных губерниях—и особенно во Владимирской, Ярославской и Костромской—наблюдалось относительное сокращение числа коров, об'ясняемое крупным недородом кормов в 1914 г. и ростом цен на кормовые средства в 1915 г. Наиболее же возросла группа с количеством скота, соответствующим средней норме потребительного скотоводства—с 15—18 коровами на 100 душ: в то время, как по земским переписям в эту группу входило лишь 14 уездов, в 1916 г.—уже 33.

Едва-ли, однако, можно думать, чтобы эта эволюция об'яснялась исключительно влиянием войны. Основные земские переписи, данными которых пользовался П. А. Вихляев, производились во многих губерниях задолго до войны, и можно предположить, что изменения в сторону повышения обеспеченности наблюдались и в до-военное время.

Следующим важным моментом является увеличение значения молодняка (до 1 года) в стаде, характеризуемое следующей таблицей:

Группы уездов по %% молодняка.	Число уездов.	
	1896—1913 гг.	1916 г.
I. 5,01—18,17	18	4
II. 18,30—20,40	17	2
III. 20,47—22,30	17	1
IV. 22,34—23,79	17	8
V. 23,81—25,63	17	8
VI. 25,10—27,00	17	7
VII. 27,10—29,21	17	19
VIII. 29,35—32,64	17	35
IX. 32,77—35,45	17	32
X. 35,49—21,62	17	56

Таким образом, значительно возросло количество уездов, сильно обеспеченных молодняком, и значительно сократилось—слабо обеспеченных. Если будет иметься возможность вырастить этот молодняк, то убыль скота, сильно затронутого реквизициями, будет пополнена.

К сожалению, на это мало можно расчитывать. Уже в мирное время, задолго до войны, у нас остро чувствовался мясной кризис.

По данным проф. А. Н. Челинцева, недостаток говядины составлял для Европейской России, в тысячах пудов:

В 1894 г. . . . . 54 тыс. пудов
„ 1906—09 гг. . . . . 3.337 „ „
„ 1913 г. . . . . 2.764 „ „

Дефицит этот покрывался лишь растущими поступлениями скота и говядины из Азиатской России. Достаточно было затруднить поставку из нее крупно-рогатого скота и говядины, чтобы страна ощутила сильнейший недостаток мяса. Но за время войны наблюдалось почти полное прекращение поставки скота из-за Урала. Далее следует иметь в виду, что за время войны потребление говядины сильно возросло—по некоторым исчислениям — на 50%, наконец, в первый период войны бесхозяйственное распоряжение нашими запасами скота повело к тому, что, по мнению некоторых губернских собраний, уже можно констатировать уничтожение основного капитала страны, причем убыль скота выражается в колоссальной сумме 5—7 миллионов голов.

Параллельно с этим наблюдался сильный рост цен на мясо, значительно обогнавший повышение цен на зерно.

По уже цитированным данным Всероссийского Союза Городов, рост цен на мясо шел следующим образом:

Принимая среднюю цену за 1913—14 гг. за 100, в 1915 и 1916 гг. получаем:

В мае 1915 г. 122
„ июле „ 121
„ декабре „ 168
„ январе 1916 г. 175
„ феврале „ 183
„ марте „ 208
„ апреле „ 222
„ мае „ 240
„ июне „ 332

Напомним, что за то же время цены на хлеба возросли на 89% по 13 продуктам (без зерновых на 125% и по всем продуктам—на 114%).

Перейдем теперь к данным о другой стороне крупного рогатого скотоводства — к молочному хозяйству. Здесь влияние войны отразилось чрезвычайно резко. О сбыте продуктов молочного хозяйства в виде свежего молока, сосредоточенного в подстоличных районах, в Прибалтийском крае и около крупных городских центров, мы не имеем подробных сведений; зато относительно хорошо изучено влияние войны на производство и сбыт молочных продуктов в районах с сильным развитием маслоделия.

Прежде всего, мы должны констатировать, что война непосредственно затронула 2 важных района—Северо-Западный и Юго-Западный. Здесь, по выражению проф. Н. П. Макарова, „просто исчезли районы рыночного молочного хозяйства".

Реквизиция скота и неурожай кормов в 1913 и 1914 гг. чрезвычайно сильно повлияли на сокращение числа коров в маслодельных районах. Сравним данные земских переписей с данными Всероссийской Сельско-хозяйственной переписи 1916 г.

Обеспеченность коровами сократилась следующим образом:

Губернии:	Число коров на 100 душ насел.: с 1886 г. по 1914 г.	1916 г.
Смоленская	24,21	16,7
Костромская	24,74	21,35
Владимирская	21,07	18,54
Ярославская	25,65	23,87
Вологодская	35,50	33,51

Сокращение коров хотя и повело к относительному улучшению качества стад (продавались худшие экземпляры), тем не менее, должно было сократить количество молока. Далее, „война отняла рабочих и мастеров, отняла кооперативных работников, что тоже повело к сокращению производства".

До известной степени поддерживал и расширял производство лишь под'ем цен на масло. По цитированным уже данным Всероссийского Союза Городов, рост цен на масло составлял:

В среднем за	1913—14 гг.	100
„ мае	1915 г.	111
„ июле	„ „	114
„ декабре	„ „	233
„ январе	1916 г.	244
„ феврале	„ „	237
„ марте	„ „	230
„ апреле	„ „	230
„ мае	„ „	218
„ июне	„ „	224

Чрезвычайно сильное сокращение производства масла наблюдалось в Сибири. Народная газета—„Оффициальный орган технического союза маслодельных артелей"—определяла его в сентябре 1916 года в 31%; аналогичные данные находим и в „Справочном листке" — органе правительственной инструкторской организации.

Запрещение вывоза масла из Сибири повело к сильнейшему падению цен на масло; твердая цена была повышена на 25 — 30% сравнительно с ценами 1913 года, в то время как цены на остальные продукты возросли на 135%. При таких условиях крестьяне нередко продавали коров на мясо. Производство сокращалось; новый пересмотр цен произошел уже слишком поздно.

В общем, по России мы имеем чрезвычайно сильную убыль производства. По данным Особого Совещания по Продовольствию, производство масла сократилось с 7 миллионов пудов до 4,5 миллионов. Недостаток этот, конечно, не мог быть компенсирован привозом, который хотя и возрос с 94 до 148 тыс. пудов, тем не менее, является совершенно ничтожным.

Само по себе сокращение прихода масла с 7.094 т. пуд. до 1.648 т. п. является, конечно, громадным, но нужно иметь в виду сокращение вывоза (с 4.764 т. пудов до 0,6 тысяч пудов). Но дело в том, что потребление внутри страны чрезвычайно возросло: в то время, как в 1913 г. потреблялось 2.330 тыс. пуд., в 1916 г. оно составляло уже 4.648 тыс. пуд. Данные о потреблении армии указывают, что армия требовала колоссальное количество масла; в 1914 г. было закуплено 3.369 тысяч пудов, в 1915 г. 5.116 тысяч пудов, с 1 октября 1915 г. по июнь 1916 г. 3.011 тысяч пуд. Понятно, что для населения оставалось чрезвычайно мало, несмотря на то, что спрос на масло должен был сильно увеличиться. К этому следует еще добавить состояние транспорта, благодаря которому сибирские запасы масла фактически на вольный рынок не поступали. Таким образом, положение маслоделия внушало самые серьезные опасения.

Приведем теперь данные об изменении количества овец в 1916 г. По этому вопросу мы имеем расчеты П. А. Вихляева, сопоставившего обеспеченность овцами различных уездов Европейской России по данным земских переписей 1896 — 1913 гг. с данными Всероссийской Сельскохозяйственной переписи 1916 года.

ГРУППЫ УЕЗДОВ по количеству овец на 100 душ.	Число уездов.	
	1896—1913 гг.	1916 г. (по данным Всероссийской с.-х. переписи).
I. 2,85—19,79	13	30
II. 20,20—22,56	13	7
III. 22,68—26,92	14	11
IV. 27,09—30,57	14	9
V. 30,87—36,88	13	16
VI. 37,33—42,95	13	14
VII. 43,10—51,07	13	15
VIII. 51,20—55,07	13	6
IX. 55,25—63,89	13	12
X. 64,50—92,12	13	12

Сравнивая уезды по обеспеченности овцами, мы можем, прежде всего, констатировать сильное увеличение количества уездов, наименее обеспеченных овцами. Несколько возросло число уездов со средним количеством овец и сократилось — наиболее многоовечьих уездов. Наибольшее сокращение наблюдалось в северных нечерноземных уездах и об'яснялось сильным уменьшением числа овец в 1909 г., вследствие сильного распространения в этом году печеночного глиста.

О количестве свиней можно судить по следующим данным:

ГРУППЫ УЕЗДОВ по количеству свиней (с поросятами) на 100 душ.	Число уездов.	
	1896—1913 гг.	1916 г. (по материалам Всероссийской с.-х. переписи).
I. 0,14— 2,99	11	16
II. 3,28— 5,98	10	5
III. 6,22— 9,82	11	4
IV. 7,69— 9,82	11	8
V. 10,06—11,97	10	7
VI. 12,12—13,77	11	11
VII. 14,00—19,14	11	11
VIII. 17,17—19,33	11	12
IX. 20,19—25,77	10	16
X. 26,14—57,32	11	17

Мы видим таким образом, что в уездах со слабым развитием свиноводства количество свиней относительно сократилось; в уездах же, где оно сильно распространено, наблюдалось увеличение его. Особенно сильно это увеличение в Псковской, Вятской и пограничном с нею уезде Костромской губернии.

Условия сбыта скота в 1916 г. также не были предоставлены стихийно складывающимся условиям рынка, и в этой области мы встречаемся с попыткой регулировки снабжения. Уже 16 февраля 1916 года Отдел заготовок продовольствия и фуража для действующих армий обратился к губернским земствам со следующим предложением:

Отдел заготовок, снабжающий армию мясом, исчислил количество мяса, нужного для удовлетворения армии, в 100 тысяч пудов в день. По этому расчету, до 1 января 1917 года потребуется до 3 $^{1}/_{2}$ миллионов голов скота. Количество это не может быть получено путем свободной покупки в виду сильного сокращения мясных рессурсов страны. Поэтому Особое Совещание постановило привлечь население всех губерний и областей к обязательной поставке мяса для нужд армии. На основании последних статистических сведений было определено количество скота, которое должна была поставить каждая губерния. В пределах установленных норм земство должно было оказать активное содействие правительству в получении нужного количества мяса. Отдел заготовок предлагал поэтому губернским земствам выработать твердые цены на скот и мясо и, согласно постановлению Особого Совещания, выработать план обязательных покупок, производить реквизицию, запрещать, регулировать и разрешать вывоз скота и мяса. Для урегулирования поставки скота созывались совещания представителей местных учреждений по заготовкам скота, и 12 мая было издано постановление Министра Земледелия, устанавливающее твердые цены на скот и мясо, окончательно установившее права земств назначать реквизицию скота, устанавливать порядок разверстки скота и запрещать вывоз и вывод скота. Для согласования деятельности по поставке скота земствам предоставлено право созывать порайонное совещание.

Мы не будем здесь останавливаться на деталях организации и деятельности земств по этому вопросу. Укажем лишь на принципиальную

важность введения обязательной разверстки скота, как попытки регулирования хозяйственной жизни и в этой отрасли сельского хозяйства.

В заключение остановимся на вопросе о влиянии условий 1916 г. на экономическое положение сельских хозяев. Сколько-нибудь точно учесть происшедшие изменения, конечно, нет возможности. Тем не менее, сделаем некоторые выводы самого общего характера.

Мы, прежде всего, должны констатировать убыль работников в крестьянском хозяйстве и недостаток рабочих рук во владельческом, далее уменьшение обеспеченности инвентарем—живым и мертвым, трудность ремонта, недостаток семян и т. д. Таким образом, хозяйство, как таковое, сильно пошатнулось. Это не значит, однако, что денежные поступления хозяйств сократились; напротив, повышение цен, крупные суммы, уплачиваемые при реквизициях, в крестьянских хозяйствах, кроме того, влияние прекращения продажи водки и выдача пайков — все это должно было усилить приток денег. С. Н. Прокопович, произведший сводку материала, имеющегося по вопросу об изменении положения крестьянства во время войны, делает следующий расчет. Бюджет крестьянской массы за 3 года войны дал следующее изменение (в миллионах рублей):

	1914—15.	1915—16.	1916—17.
Поставка лошадей и упряжи	310	180	90
Прекращение продажи водки и пива	600	600	600
Пособия семьям запасных	340	585	1.386
Всего	1.250	1.365	2.076

Сопоставляя эти данные с подсчетами Управления Экономического Совета при Временном Правительстве, мы можем сказать, что денежный расход крестьян уменьшился на 32%, а денежный доход увеличился: в первый год войны на 35%, во второй на 41% и в третий на 79%.

Влияние войны оказалось, однако, различное для крестьян черноземной и нечерноземной полосы.

Крестьяне черноземной полосы, продающие хлеб, расширили собственное потребление, сократили предложение продуктов своего хозяйства на продажу, повысили спрос на предметы своего денежного потребления и сократили отпуск своих рабочих сил на сторону, сократив свое участие в местных и отхожих сельско-хозяйственных заработках и аренду частновладельческой земли. Рядом со спросом со стороны армии в первые полтора года войны на рынке появился усиленный, сравнительно с временем до войны, спрос со стороны крестьян черноземной полосы, сопровождающийся сокращенным предложением продуктов собственного хозяйства.

Крестьянство крайних северных, промышленных и приозерных губерний оказалось в совершенно ином положении. Свои денежные расходы оно покрывает не столько отчуждением продуктов своего хозяйства, сколько заработками на фабриках и в городах; хлеб оно в значительной мере покупает; следовательно, рост цен на сельско-хозяйственные продукты был для него не положительным, а отрицательным явлением, которое нужно было компенсировать ростом заработков. Крестьяне промышленных губерний занимают среднее положение между крестьянами черноземной полосы и фабричным пролетариатом. Они ведут свое сельское хозяйство, но фабричные заработки играют в бюджете весьма крупную роль. Поэтому их материальное благосостояние в годы войны явилось результатом борьбы двух тенденций—повышательной и понижательной. В общем, уровень их жизни мало изменился, хотя некоторое улучшение в условиях их жизни наблюдалось.

Вообще рост цен на все товары повысил благосостояние тех классов населения, которые покрывают свои расходы продажею изделий и продуктов, в том числе и крестьян черноземной полосы. Война дала крестьянам черноземных губерний огромное количество денег. „Принуждение к продаже продуктов собственного хозяйства отпало, и питание крестьян за годы

войны, несомненно, улучшилось. Зато ухудшилось снабжение покупными продуктами и изделиями, особенно в третий год войны, когда на рынке установилось абсолютное бестоварие. Вместе с тем при избыточном снабжении крестьянского хозяйства денежными знаками, реквизиция лошадей и коров и отсутствие необходимого ремонта мертвого инвентаря ослабили его производительные силы“ (С. Н. Прокопович).

Косвенным показателем экономического положения крестьянства могли бы служить данные сберегательных касс. К сожалению, мы не имеем данных о том, какая часть притока сбережений 1916 года падает на сельских хозяев. По данным за 1913—1914 и 1915 гг., количество вкладов изменялось следующим образом:

Группы:	Вклады, в миллионах рублей.		
	1913 г.	1914 г.	1915 г.
По всем группам	+79,5	+130,1	+578,1
В том числе:			
Землевладение	— 0,3	— 0,4	+ 9,7
Земледелие и сельские промыслы	+21,7	+ 21,4	+136,1
Работа на фабриках, заводах и рудниках	+ 7,6	+ 4, 4	+20, 7
Торговля	+ 5,0	+18, 1	+116,1

Землевладельцы, у которых в 1913 и 1914 гг. наблюдалась убыль вкладов, дали значительный прирост; в земледелии и сельских промыслах прирост вкладов близок к средней по всем группам; торговля дала прирост вкладов значительно выше среднего, и работа на фабриках, заводах и рудниках — значительно ниже среднего. Как изменились условия в 1916 г. мы не знаем; едва-ли, однако, можно сомневаться, что значительный прирост вкладов в сберегательные кассы в немалой мере приходится на долю сельских хозяев.

Б. Книпович.

Русское мукомолье.

Положение мукомольной промышленности в начале 1916 г.

До весны 1916 г. деятельность русской мукомольной промышленности протекала, в общем, без особых отклонений от нормальных условий; вмешательство власти в эту промышленность выражалось только в установлении твердых цен на муку для казенных закупок и в введении такс на муку на отдельных рынках. Но весною 1916 г., в связи с обострением продовольственного кризиса, в положении мукомолья стало наблюдаться известное расстройство, и чрезвычайно усилились затруднения в отношении снабжения населения мукою. Эти обстоятельства побудили власть обратить большее внимание на мукомольную промышленность. В связи с этим продовольственное ведомство произвело обследование нашего мукомолья и наметило ряд мер для смягчения кризиса. Указанное обследование было осуществлено в 19 наиболее мукомольных губерниях Европейской России и коснулось 700 товарных мельниц I—V разрядов, что составило около 47% общего числа подобных мельниц в упомянутых губерниях.

Согласно результатам сделанного обследования оказалось, что из означенных 700 мельниц работали полным ходом только 382 мельницы (55,4%), сократили свое производство 206 мельниц (29,4%) и совершенно приостановились 106 мельниц (15,1%). Общее сокращение производства в 19 губерниях определилось, по данным обследования, в 28%, причем устранение из рассмотрения мельниц, работавших на армию, повышало этот процент до 33%. Это явление определенно указывало на неблагоприятное положение мукомольной промышленности и на необходимость принятия Правительством ряда мер к ослаблению мукомольного кризиса.

Правительственная регулировка мукомолья.

Приступив к осуществлению этой задачи, Правительство, прежде всего, создало 30 июня 1916 г. особый орган для регулирования мукомольной промышленности—Центральное Бюро по мукомолью при Особом Совещании по продовольственному делу. На этот орган было возложено распределение между отдельными районами заготовок муки распоряжением Правительства для армии, а также населения в тех случаях, когда оно нуждается в муке; установление порядка выяснения всех фактических данных, характеризующих положение мукомольной промышленности и, в частности, запасов зерна, топлива и мешков, хода производства и потребности в зерне, топливе и мешках; предварительное рассмотрение проектов твердых цен на муку, в связи с проектом твердых цен на зерно; разрешение общих вопросов, касающихся содействия мукомолам в заготовке и подвозе зерна, в снабжении мельниц топливом, мешками и т. д.; выработка проекта плана перевозок зерна, муки и топлива; выработка проекта норм снабжения мукой для отдельных местностей; выработка проекта обязательных норм производства однотипных сортов муки.

Кроме упомянутого Центрального Бюро по мукомолью первоначально намечалось также и создание районных органов для об'единения дела регулировки мукомолья по нескольким, связанным между собою, губерниям.

Подобными органами предполагались районные уполномоченные по мукомолью, с соответствующими при них Комитетами. Этот проект не получил, однако, осуществления в виду того, что было признано излишним создание промежуточной инстанции между центром и губернскими органами.

Независимо от Центрального Бюро по мукомолью, постановлением Министра Земледелия от 10 октября 1916 г., была образована при Главноуполномоченном по закупке хлеба особая Мукомольная Комиссия, в круг ведения коей было включено распределение между отдельными районами заготовок зерна, муки, крупы и гороха для армии и населения, выработка плана перевозок этих продуктов и норм снабжения для отдельных районов. Означенные органы—Центральное Бюро и Мукомольная Комиссия—фактически работали лишь до зимы 1916 г., так как, со времени занятия места Министра Земледелия А. А. Риттихом, эти органы более не имели собраний, и все важнейшие мероприятия в области мукомолья стали проводиться единоличными постановлениями Министра Земледелия.

Первыми серьезными мерами, проведенными Центральным Бюро по мукомолью, явились твердые цены на муку при частных сделках и установление однотипных сортов муки. Этот последний вопрос стоял на очереди уже давно, но сначала к нему подходили только с точки зрения удобства таксировки. Осенью же 1916 г. был выдвинут ряд новых целей, а именно: а) усиление производительности мельниц путем упрощения процесса размола, б) облегчение транспорта через уничтожение перекрестных перевозок зерна в целях подбора мукомолами соответствующих сортов зерна для их смесей, в) облегчение распределения муки в предвидении возможности введения карточной системы и т. п. мер.

Выработка однотипных сортов муки.

Что же касается вопроса о выработке однотипных сортов муки, то по этому предмету состоялось решение Центрального Бюро по мукомолью, приведенное в действие постановлением Министра Земледелия от 19 сентября 1916 г. Означенным постановлением была введена новая обязательная сортификация муки. Согласно последней, кроме простого помола пшеницы, устанавливался обязательный трехсортный помол с следующими обязательными нормами выхода каждого сорта муки из пшеницы: I сорта, в зависимости от района, от 47% до 50% (для Приуралья — 40%), II сорта 20% и 21% (для Приуралья 30%), III сорта для всех районов 4%, общий же выход муки из зерна от 72% до 75%.

Ржаной муки было установлено два сорта—простого помола и отсевная с выходом из ржи в 72%.

Независимо от сего, упомянутым постановлением Министра Земледелия твердые цены на муку были распространены и на частные сделки и, кроме того, был установлен особый порядок закупок муки через посредство уполномоченных в пределах плана снабжения. При этом в основание расчета твердых цен для губерний, вырабатывающих муку из смеси твердых и мягких пшениц, был положен состав смеси в 25% твердой и 75% мягкой пшеницы.

В дальнейшем, циркулярным распоряжением была допущена выработка сеяной пшеничной муки, норма выхода которой из зерна устанавливалась равной определенному для данного района общему выходу всех трех сортов муки трехсортного помола.

Выработку манной крупы предполагалось сначала производить по особым заказам Центрального Бюро, но позднее означенную крупу было разрешено вырабатывать (но не более 5%) тем мельницам, которые были принуждены молоть один перерод из-за отсутствия мягкой пшеницы, тогда как твердые цены на муку в их районе были установлены на основе нормального состава смеси в 25% твердой и 75% мягкой пшеницы.

Твердые цены на муку.

Переходя к вопросу о твердых ценах на муку из урожая 1916 года, следует, прежде всего, отметить, что, в отличие от твердых цен предшествующего с.-хоз. года, означенные цены были сделаны обязательными не только для правительственных, но и, вообще, для всех торговых сделок и, кроме того, действие твердых цен было распространено не только на районы производства, но и на районы потребления.

Твердые цены на муку из зерна урожая 1916 г. были установлены постановлением Министра Земледелия от 19 сентября 1916 г. и об'явлены неизменяемыми до урожая 1917 г. Помимо определения твердых цен на муку для отдельных губерний, это постановление содержало в себе и ту единую общую схему, на основе которой были исчислены твердые цены на муку для всего производительного района страны, и которая явилась результатом работы Центрального Бюро по мукомолью, его технической комиссии, а равно состоявшегося в августе 1916 г. с'езда уполномоченных Председателя Особого Совещания по продовольственному делу и Министерства Земледелия по закупкам хлеба для армии.

Согласно означенной общей схеме, предписывалось для муки пшеничной и ржаной простого помола и муки ржаной отсевной в районах, мельницы которых перемалывают местное зерно, исходить при исчислении общей стоимости переработанного продукта из твердой цены на зерно, прибавляя 5% с твердой цены на заготовку и доставку и 20 к. за помол, включая в эту сумму расходы на доставку зерна со станции или пристани на мельницу и муки с мельницы на станцию или пристани; в районах, мельницы которых перемалывают привозное зерно, прибавлялся, кроме того, средний тариф (фрахт). Подобный же метод исчисления твердой цены был принят и для муки пшеничной сортовой, с тем, однако, отличием, что плата за помол была определена в 50 к., включая в эту сумму расходы на доставку зерна со станции или пристани на мельницу и муки с последней на станцию или пристань и, помимо этого, расходы на мешки. Независимо от сего, на основании упомянутой схемы, при исчислении цен на сортовую пшеничную и ржаную отсевную муку надлежало исходить из твердых цен на зерно, применительно к кондициям прежнего года в отношении натуры и влажности; при исчислении же твердых цен муки пшеничной и ржаной простого помола указанною схемою предписывалось исходить из твердых цен на зерно применительно к кондициям прошлого года только в отношении влажности.

Таким образом, важнейшие элементы общей схемы, принятой для построения твердых цен на муку, сводились к следующему:

1) твердая цена на зерно, применительно к кондициям прошлого года в отношении натуры и влажности или только в отношении влажности;

2) 5% с твердой цены на заготовку и доставку и

3) 20 или 50 к. за помол, включая в эту сумму расходы по доставке зерна на мельницу и муки с мельницы на станцию или пристань.

Изложенная общая схема построения твердых цен на муку встретила ряд серьезных возражений со стороны уполномоченных и мукомолов. Эти возражения сводились, главным образом, к следующему. Во-первых, указывалось на то, что действительно среднее качество зерна в некоторых районах оказалось значительно более высоким, чем принятое при установлении твердых цен на зерно, вследствие чего из-за приплат за повышенное качество зерна стоимость муки превышала установленную на нее твердую цену. Далее было обращено внимание на то обстоятельство, что установленная за помол плата в 20 и 50 к. является недостаточною и явно убыточною, так как при ее определении были упущены из вида некоторые существенные издержки по производству муки (например: распыл, угар зерна на обойке и т. д.). Засим, была отмечена неправильность включения в плату за помол расходов по доставке зерна со станции или пристани на

мельницу и муки с мельницы на станцию или пристань, так как по разным мукомольным районам стоимость подобной доставки была весьма различна. Кроме указанных затруднений, вызванных применением новых твердых цен на муку, дальнейшие затруднения в их применении обусловливались тем, что для мельниц, расположенных в мукомольных центрах районов производства зерна, твердая цена на муку была исчислена без прибавки среднего железнодорожного тарифа к твердой цене на зерно, тогда как эти мельницы получали значительную долю необходимого им зерна по железным дорогам или гужем, хотя и из своего района, но весьма часто из отдаленных пунктов, уплачивая при этом расходы по доставке, которые нередко полностью поглощали, а иногда даже превышали предусмотренную законом 5% прибавку с твердой цены зерна на заготовку и доставку.

Вследствие указанных заявлений со стороны уполномоченных и мукомолов, Центральное Бюро по мукомолью, в конце октября 1916 г., постановило: 1) предложить уполномоченным созвать местные совещания с обязательным участием представителей Государственного Контроля и мукомолов для определения действительного среднего качества зерна, стоимости железнодорожной перевозки и гужевой доставки зерна на мельницы и, 2) на основании установленных этим путем данных, внести поправки к твердым ценам на муку. Особое Совещание по продовольственному делу, согласившись, в принципе, с заключением Центрального Бюро о необходимости пересмотра твердых цен на муку, постановило поручить уполномоченным произвести подобный пересмотр по определенной программе, внести исправление в означенные цены и самим немедленно ввести измененные цены в действие.

Результатом указанного пересмотра твердых цен явилось их исправление в большинстве заинтересованных губерний. Из 35 губерний производительных по ржаной муке изменили цены 26, а из 32 губерний и районов, вырабатывавших пшеничную сортовую муку, изменили цены 29. Так как означенный пересмотр по губерниям и районам твердых цен был произведен без взаимного между ними согласования, то в результате этого пересмотра обнаружилось, что существовавшая до него связь между ценами на муку с ценами на зерно оказалась порванною, так как если прежде для обнимающих несколько губерний районов с одинаковыми твердыми ценами на зерно были установлены одинаковые для ржаной и приблизительно одинаковые для пшеничной муки цены, то после пересмотра оказалось столько цен, сколько губерний, причем, на-ряду с крайней несогласованностью цен по губерниям, появилась и полная несогласованность цен на муку с ценами на зерно. Таким образом, путь пересмотра твердых цен на муку, избранный Особым Совещанием по продовольственному делу, привел к нежелательным последствиям. Вместо прежней системы твердых цен, построенной на последовательно проведенных одинаковых для всей страны принципах, со времени пересмотра стали действовать цены, не сведенные в одну систему, не согласованные по соседним губерниям и районам, построенные на различных принципах и в некоторых случаях исчисленные совершенно неправильным образом. Вследствие указанного обстоятельства обнаружилось стремление владельцев зерна направлять его туда, где цены на муку стояли выше, что нарушало правильность снабжения зерном мукомольных предприятий. В таком положении оставался вопрос о твердых ценах на муку до конца 1916 г., так как пересмотренные указанным выше путем цены были введены в действие на срок до 1 января 1917 г.

Положение мукомольной промышленности к концу 1916 г.

Центральное Бюро по мукомолью, с первых же шагов своей деятельности, встретило большие затруднения из-за отсутствия достоверных статистических данных о положении русского мукомолья, а тем более о текущей его работе. Для устранения этого пробела Управлением Делами Особого

Совещания по продовольствию было установлено с октября 1916 г. через местных уполномоченных собирание сведений о состоянии и работе мельниц. За октябрь и ноябрь 1916 г. означенные сведения были собраны по краткой программе, по телеграфу, начиная же с декабря, эти сведения стали собираться по более обширной программе, путем единообразных опросных листов, ежемесячно заполнявшихся мельницевладельцами. Означенная отчетность была установлена для мельниц I—Ѵ разрядов в 42 наиболее мукомольных губерниях, в которых находилось 2.460 мельниц этих разрядов из 2.879 общего числа всех подобных мельниц в России.

Таким образом, декабрь 1916 г. был первым месяцем, за который были собраны сведения по опросным листам, чем об'ясняется известная неполнота полученных за этот месяц данных, так как некоторые уполномоченные не прислали в Управление Делами Особого Совещания никаких сведений или же ограничились присылкою телеграмм со сведениями, собранными по старой краткой программе. В результате сведения были представлены лишь по 27 губерниям и касались 938 мельниц I—Ѵ разрядов, т. е. 59% находившихся в этих губерниях мельниц означенных разрядов. На основании этих данных обнаружилось крайне неблагоприятное положение русского мукомола в конце 1916 г. Фактический перемол в декабре этого года составил всего 43% обычного месячного перемола по отношению к пшенице и 22% по отношению ко ржи. Отношение фактического перемола за декабрь к обычному по отдельным районам было следующее: в Волжском 38% для пшеницы и 62% для ржи; в Приуральском — соответственно 63% и 42%; в Юго-Западном — 43% и 32%; в Черноморском — 46% для пшеницы.

Декабрьский перемол почти равнялся декабрьскому поступлению зерна на мельницы, в виду чего можно заключить, что остатки зерна на мельницах к началу декабря почти без изменения перешли на конец этого месяца. Размер остатков пшеницы составлял около 40% обычного месячного перемола учтенных мельниц и около 90% фактического перемола за декабрь. Малая производительность мельниц при сравнительно значительных запасах зерна об'яснялась неравномерностью распределения запасов по районам и отдельным мельницам, а равно воздержанием мукомолов от полного израсходования запасов. Например, во всем Юго-Западном районе запасы зерна к началу декабря были почти совершенно исчерпаны, и работа мельниц поддерживалась лишь текущим поступлением зерна: наоборот, в Ярославской губ. при ничтожном поступлении зерна (188 т. п. пшеницы) мельницы работали за счет запасов. Что же касается воздержания мукомолов от израсходования своих запасов, то это явление особенно отчетливо проявилось в Нижегородской губ., где, при остатке пшеницы на 1 декабря в 919 т. п. и поступлении за декабрь в 730 т. п., мельницы, будучи обеспечены и топливом и рабочими, перемололи всего 80 т. п. пшеницы.

Необходимо еще отметить, что, согласно упомянутым анкетным сведениям, преобладающими причинами приостановок мельниц в конце 1916 г., помимо праздников и обычного ремонта, был недостаток зерна, топлива, а в некоторых случаях и в рабочих. Главным же образом сокращение работы русского мукомолья, приблизительно на 50%, было вызвано недостатком зерна; остальные же из указанных причин имели, сравнительно, меньшее значение в указанном отношении.

Мучной рынок в 1916 г.

Со времени возникновения войны русский мучной рынок стал испытывать разобщенность отдельных районов между собою, оторванность друг от друга производительных и потребительных центров. Это явление было вызвано, главным образом, транспортными затруднениями, так как, вследствие того обстоятельства, что мукомольная промышленность в России не

всегда сосредоточена в наиболее хлебородных районах, иногда даже почти вовсе отсутствуя в этих последних, а нередко сконцентрирована в немногочисленных пунктах, транспорт в деле снабжения населения мукой имеет особо важное значение. Кроме того, невозможность в достаточном количестве подвезти зерно к мельницам приводила к постепенному сокращению деятельности мукомольной промышленности; это обстоятельство, в связи с затруднениями, имевшими место в отношении вывоза муки с мельниц, вызывало во многих местностях недостаток в мучном товаре, создавая, вместе с тем, благоприятную почву для спекуляции и сильного повышения цен. Попытки таксировки муки в отдельных средоточиях ее потребления, не будучи в состоянии, при чрезвычайной конкурренции в спросе, оказать сдерживающее влияние на рост цен в местах производства, весьма часто имели своим последствием лишь дальнейшее сокращение поступления муки на соответствующий рынок, что приводило, в результате, к необходимости повышения, а часто и полной отмене таксы. Следует, однако, заметить, что совершенно независимо от спекуляции рост цен на муку имел, несомненно, под собою вполне реальное основание, ибо недостаток в муке, в отличие от наблюдавшегося в некоторых случаях недостатка в зерне, был отнюдь не искусственного и не только местного характера, а являлся действительным и общим для всей страны.

Как уже выше было указано, затруднения, испытывавшиеся русским мукомольем с начала войны, поставили его к весне 1916 г. в тяжелое положение, приведя к приостановке работ или к частичному сокращению производства на многих мельницах. Наиболее серьезною причиною затруднений в мукомольном производстве являлся недостаток зерна и топлива, вызывавшийся, главным образом, невозможностью своевременно подвезти к мельницам закупленное ими зерно и топливо. Наиболее сильно означенные затруднения давали себя чувствовать для мельниц юга и центра России; мукомольные же предприятия Поволжья, благодаря преобладающему для них значению водного пути — р. Волги, находились в несколько более благоприятном положении.

Упомянутое сокращение деятельности русского мукомолья определенно указывало, что наблюдавшийся в России недостаток муки, главным образом сортовой, вырабатывавшейся на товарных мельницах, являлся вполне реальным. Это обстоятельство, в свою очередь, было причиною отсутствия достаточного количества муки во многих районах и связанного с этим явлением заметного роста цен на муку. Независимо от этого, помимо сокращенного предложения мучного товара по вышеуказанной причине, усиливавшегося иногда спекуляцией, имел место и значительный спрос на высшие сорта муки со стороны как армии, так и некоторых групп населения, которые в прежнее время почти вовсе не потребляли муки означенных сортов.

В нижеследующей таблице приведены некоторые данные, позволяющие судить о росте цен на муку в течение 1916 г.:

I. Цены на пшеничную муку,

в копейках за пуд.

Рынки.	Сорта.	Средняя цена в 1913 г.	1916 г. Январь.	Март.	Май.	Сентябрь.
Воронеж	Крупчатка	211	351	393	410	540
Пермь	„	219	345	350	380	405
Рыбинск	„ I с. гол. кл.	244	386	398	450	560
„	„ II с. кр. кл.	191	348	375	402	520
Саратов	„ I с. гол. кл.	244	348	347	382	405
„	„ II с. кр. кл.	211	313	327	362	380

II. Цены на ржаную муку.

Рынки.	Сорта.	Средняя цена в 1913 г.	1916 г. Январь.	Март.	Май.	Сентябрь.
Москва	Сеяная	138	249	255	253	253
„	Обойная ведрен.	104	196	207	195	174
Рыбинск	Сеяная	133	266	261	275	317
„	Обойная	95	195	203	220	258

Приведенные данные свидетельствуют о сильном росте цен, в особенности на пшеничную муку, в течение 1916 г. Это в особенности заметно в Рыбинске, где цена на крупчатку (I с. голуб. кл.) была в январе 1916 г. 3 р. 86 к. за пуд, к маю поднялась до 4 р. 50 к., а к сентябрю дала новое весьма сильное повышение до 5 р. 60 к. за пуд. Следует, однако, заметить, что приведенные цены (биржевые) не вполне могут охарактеризовать положение мучного рынка, так как они нередко являлись номинальными, а именно по той причине, что существовавшие различного рода обязательные цены на муку побуждали продавцов к сокрытию истинных цен при совершаемых сделках.

К сказанному нужно добавить, что слабое предложение муки и огромный на нее спрос имел место в 1916 г., в особенности во второй его половине, на всех вообще рынках как производительных, так и потребительных районов. Нередко на местах наблюдалось полное отсутствие сделок на муку на бирже из-за недостатка предложения. При этом спрос, главным образом, направлялся на высшие сорта муки, но при слабом предложении находил сбыт по высоким ценам, вообще, всякий мучной товар.

В подобном положении находился мучной рынок к моменту издания упомянутого выше постановления Министра Земледелия от 19 сентября 1916 г., которым были установлены новая сортификация муки, твердые на нее цены, распространенные и на частные сделки, а равно определенные правила купли-продажи муки не только для казенных и общественных, но и для частных закупок. Таким образом, с этого момента обнаружилось глубокое государственное вмешательство в мучной рынок, имевшее своим последствием почти полное прекращение на нем свободного оборота с мучным товаром, в виду чего можно считать, что с этого времени мучной рынок, в обычно понимаемом под этим термином смысле, перестал фактически существовать.

Проф. **А. Рафалович.**

Сахарная промышленность и торговля.

1916 г. протек при исключительно неблагоприятных условиях производства и потребления сахара. Расстройство железнодорожного транспорта, недостаток и дороговизна рабочих рук, отсутствие достаточного количества топлива, с одной стороны, и усиленное, вследствие прекращения продажи водки и значительных требований для армии, потребление сахара — с другой—вызвали небывалые в истории русской сахарной промышленности затруднения как в производстве, так и в снабжении внутреннего рынка сахаром. Уже с осени 1915 г. нормальное течение сахарной промышленности было в корне нарушено, вследствие неподачи вагонов для перевозки свекловицы, которая портилась и гнила на станциях, отсутствия правильного снабжения рафинадных заводов песком, конфискации дров и невозможности подвезти на заводы уголь в достаточном количестве. Призыв на военную службу рабочих, в том числе специалистов, и массовый вызов рабочих на окопные работы вызвали крайнее вздорожание рабочих рук. При этих условиях сахарная промышленность не в силах была своевременно выработать достаточное, для равномерного снабжения потребительных центров, количество сахара. Началось сильное повышение цен, вызванное как неблагоприятными условиями производства и снабжения, так равно и деятельностью повышательной спекуляции. Между тем, указанное выше усиленное требование на сахар усугублялось, кроме того, всеобщим стремлением делать запасы и закупать сахар свыше потребного для текущих нужд количества. Обострившееся положение потребовало вмешательства правительственной власти в дело урегулирования производства и снабжения. Вмешательство это оказалось мало удачным. Назначенные правительством твердые цены оказались не вполне согласованными с действительною себестоимостью продукта. Отдельные мероприятия по отношению к сахарным заводам, выпуску сахара на рынок, контролю за доставкой сахара в потребительные районы принимались на-спех, исправлялись последующими дополнительными постановлениями и проводились в жизнь с отсутствием необходимой последовательности и планомерности. С своей стороны, сахарозаводчики во многих случаях оказывали пассивное противодействие централизации продажи сахара и не проявляли никакой склонности производить затраты на расширение производства.

В результате летом 1916 г. обнаружилось весьма существенное сокращение площади свекловичных посевов.

Постепенное сокращение сахарного производства за последние годы иллюстрируется следующими данными о размерах свекловичной культуры, собранными финансовым ведомством (в десятинах, на 1 сентября):

1914 г.:		
	с Западным краем	697.466
	без Западного края	689.498
1915 г.	„ „ „	670.384
1916 „	„ „ „	591.624

Копка и доставка свекловицы на заводы протекали вяло, и обусловленный этим затяжной характер сахарного производства вызвал понижение выходов сахара из свекловицы. Крестьяне - плантаторы нередко

находили выгодным для себя нарушать заключенные с заводами условия и продавали свекловицу на сторону тем заводам, которые давали наивысшую цену. Все это содействовало повышению расценки сырья, которая достигла в среднем 3 р. 5 к. за 10-пудовый берковец.

С наступлением кампании 1916—17 г. прежние затруднения выступили с новой силой. Вследствие недостатка рабочих рук и транспортных средств, к 20 сентября было выкопано всего 20%, а доставлено на заводы 13% ожидавшейся свекловицы, тогда как в 1915 г. при весьма неблагоприятных условиях было выкопано на тот же срок 68%, а доставлено на заводы 45% урожая. Неуспех выделялся в 1916 г. особенно сильно в Юго-Западном крае, где выкопано было всего 12%, а доставлено на заводы 5% сбора. Вследствие такого замедления в уборке свекловицы из 167 заводов могли начать сокодобывание лишь 66 заводов, против 109 в 1915 г.

Всего переработано было свекловицы в периоде 1916—17 гг. около 54 милл. берковцев, против 68.810.011 берковцев в 1915—16 гг. и 77.489.053 берковцев в 1914—15 гг. До 1 января 1917 г. оставалось невыкопанной свекловицы с площади в 22.777 десят., что составляло около 3,6% всей площади свекловичных плантаций; непереработанными на заводах оставалось 8.289.155 берковцев, т. е. 15,4% всей ожидавшейся свекловицы, из которой могло бы быть получено 9.896 тыс. пуд. сахара.

Общая картина производства и потребления сахара в отчетном году представляется, в цифровых данных, в следующем виде (в пудах):

	1914/15 г.	1915/16 г.	1916/17 г.
I. Оставалось к началу периода:			
а) на заводах	16.936.961	20.456.315	7.603.145
б) в местах торговли и временного хранения	3.620.615	4.899.050	1.177.915
Выработано из собранной свекловицы:			
а) песка	47.584.454	38.229.485	84.145.361 (а + б)
б) рафинада	59.426.732	54.067.271	
Ввезено из заграницы	5.105	6.901	—
Общая наличность	127.573.867	116.649.022	92.926.421
II. Поступило в потребление:			
а) песка	37.292.107	48.793.763	—
б) рафинада	57.304.397	54.135.632	—
Вывезено заграницу	6.656.804	4.206.212	—

Цифра в 84.145.000 пудов производства сахара определилась лишь во второй половине кампании 1916—17 г.; в начале же кампании представлялось возможным расчитывать всего на 70 милл. пудов, а вместе с перешедшими остатками—на общую наличность сахара в размере около 78 милл. пудов. Между тем, потребление сахара в стране, быстро возрастая, составляло за последние три периода 84,5 милл. пудов в 1913—14 г., 94,6 милл. пудов в 1914 — 15 г. и 102,9 милл. пудов в 1915 — 16 г. В новом периоде 1916—17 г. предвиделся дальнейший рост расходования сахара.

Из сопоставления цифр производства, наличности и потребления сахара выясняется та степень остроты сахарного вопроса, которая проявилась к концу отчетного года.

После приведенной общей характеристики сахарного производства и снабжения сахаром внутреннего рынка, перейдем к обзору правительственных мероприятий по урегулированию сахарного дела, насколько о них представляется возможным судить по оффициальным данным Особого Совещания по продовольственному делу и Центрального Бюро в Киеве.

Мероприятия по урегулированию сахарного дела в 1916 г.

Стремление урегулировать снабжение сахаром армии и населения, оказать все вызываемые необходимостью и условиями военного времени меры содействия сахарной промышленности, в целях успешного развития ее деятельности, и ограничить справедливыми пределами повышательное течение

цен—таковы были основные задачи, о которых официально об'являли правительственные органы, направлявшие в 1916 г. наше сахарное дело.

Первые, принятые в этом отношении, меры относятся к концу 1915 г., когда, в связи с сокращением площади свекловичных посевов, уменьшением числа заводов, транспортными затруднениями, неурядицами в области снабжения сахарных заводов необходимыми материалами и рядом других неблагоприятных причин, положение сахарного рынка испытало серьезные осложнения, и резко усилилась деятельность повышательной спекуляции.

Первым шагом в деле борьбы с деятельностью сахарных спекулянтов явилось постановление главноуправляющего землеустройством и земледелием, в ведении которого находилось „Особое Совещание для обсуждения и об'единения мероприятий по продовольственному делу", от 9 октября 1915 г.

Постановление это определило предельные цены на сахар рафинад и песок и предоставило уполномоченным председателя „Особого Совещания" на местах право реквизиции, в случае отказа владельцев от продажи сахара по установленным предельным ценам.

Однако, постановление это осталось в значительной мере безрезультатным; фактом опубликования установленных 9 октября твердых цен повышательная тенденция расценки сахара не была приостановлена, и возможность получения населением сахара по фиксированным ценам не получила действительного обеспечения. Частные спекулятивные сделки продолжали совершаться с полным игнорированием твердых цен, и уже в декабре 1915 г. цена рафинада в Киеве достигла 8 р. 50 к. пуд. Постепенно, но последовательно, на рынке стала все в большей степени проявляться раздвоенность цен — твердой и вольной, причем расхождение их достигало все больших размеров. В результате получилась полная невозможность регулировать цены на местах потребления в соответствии с нормами, установленными 9 октября; доставать продукт по твердой цене представлялось невозможным.

Из создавшегося положения вытекала необходимость усиления, в целях борьбы с раздвоенностью цен, посреднической деятельности уполномоченных председателя „Особого Совещания".

В этих видах уполномоченным было предложено (30 октября 1915 г.), в случае отсутствия сахара и невозможности его получения по твердым ценам, установленным 9 октября 1915 г., закупать его за счет городов, земств, организаций, ведающих продовольствием населения, а также, в исключительных случаях, за счет торговцев, при условии обеспечения перепродажи сахара населению по соразмерным ценам. Закупки эти должны были производиться за наличный расчет упомянутых учреждений и лиц— в районах производства непосредственно через местных уполномоченных, в районах же потребления—путем обращения уполномоченных районов закупок к уполномоченным районов производства.

В целях белее широкого развития этих закупок, некоторым уполномоченным, а именно — киевского, харьковского, полтавского и тамбовского районов, был открыт особый кредит (3 января 1916 г.).

Дальнейшей мерой явилось об'единение всех закупок, совершаемых в порядке постановления 9 октября.

Составленный в соответствии с этой целью проект Центрального Бюро в Киеве был рассмотрен в заседании под председательством главноуправляющего землеустройством и земледелием в Киеве. 20 января 1916 года проект был утвержден, и закупки были об'единены в Киевском Центральном Бюро.

Местонахождением Ц. Б. являлся Киев. Все закупки сахара в порядке постановления 9 октября, независимо от закупок для армии, должны были, согласно положению о Ц. Б., совершаться не иначе, как через уполномоченных „Особого Совещания" по месту назначения сахара (п. 4). Все требования по закупке сахара учреждений, ведавших снабжением армии, и уполномоченных „Особого Совещания" направлялись в Ц. Б. (п. 5). Требо-

вания отдельных уполномоченных не должны были превышать размеров, устанавливаемых для отдельных губерний „Особым Совещанием“ (п. 6). Все поступавшие в Ц. Б. требования на закупку сахара распределялись им между отдельными заводами, причем в основание разверстки принималась как производительность отдельных заводов, так и сравнительная близость их к месту назначения покупаемого сахара, а равно и условия перевозок (п. 8). Сахар по нарядам Ц. Б. немедленно, под угрозой реквизиции, по цене на 15% ниже установленной постановлением 9 октября, должен был передаваться за наличный расчет в распоряжение надлежащих лиц и учреждений (п. 9). Сахар по частным закупкам мог отпускаться заводами не иначе, как по обезпечении наличными на заводе запасами свободного сахара исполнения всех нарядов Ц. Б., поступивших на завод (п. 10). Все заводоуправления и владельцы складов должны были представлять о всех заказах, принятых вне посредничества Ц. Б., отчеты в означенное Бюро с указанием контрагента, количества и места назначения сахара (п. 11).

Для проведения в жизнь означенных правил „Особое Совещание“ пользовалось содействием чинов акцизного надзора, которые обязаны были вести наблюдение за исполнением заводами правил и доставлять в Ц. Б. все сведения о запасах сахара на заводах и складах, а равно о текущем и предполагаемом производстве сахара (циркуляр Гл. Упр. неокл. сб. от 8 февраля 1916 г.).

Учреждение Ц. Б., как можно усмотреть из приведенных пунктов положения (п. п. 10 и 11), не устраняло вначале возможности и свободной торговли.

Это оффициальное признание известной свободы частных сделок оказалось слабым местом постановления 20 января. При весьма значительной разнице между твердыми и рыночными ценами, разрешение свободных сделок побуждало держателей сахара вступить в соревнование с Ц. Б., развивая операции по вольным ценам. Через короткое время стало уже очевидным, что сохранение, на-ряду с правительственными закупками, частной торговли убивает возможность добиться урегулирования снабжения сахаром населения и армии по однообразным ценам. „Особое Совещание“ оказалось поэтому вынужденным пойти далее по пути урегулирования закупок, и с 24 марта 1916 г. вывоз сахара из губерний производства сахара стал допускаться только по удостоверениям Ц. Б., причем сахар, закупаемый для населения, направлялся не иначе, как в адрес уполномоченных председателя „Особого Совещания“; вывоз же сахара из губерний и областей, не производящих сахар, допускался не иначе, как по удостоверениям местных уполномоченных в адрес уполномоченных же.

Однако, и это постановление 24 марта не внесло урегулирования в дело снабжения страны сахаром: с одной стороны, в обход этих правил, распространявшихся на железнодорожные и водные перевозки сахара, стал практиковаться вывоз с заводов сахара гужем, достигавший весьма широких размеров; с другой же стороны, согласно п. 6 этих правил, за уполномоченными было сохранено право свободной закупки сахара, вне Ц. Б., по частным сделкам, и уполномоченные, во избежание задержек в доставке, стали выдавать удостоверения по частным закупкам, произведенным по высшим ценам.

„Особому Совещанию“ пришлось поэтому прибегнуть к дальнейшим мерам. Постановлением 26 мая все закупки сахара на заводах и заводских складах разрешалось производить не иначе, как по требованиям главноуполномоченного министерства земледелия или уполномоченных председателя „Особого Совещания“ через посредство Ц. Б. и с производством денежных расчетов не непосредственно с заводами, а через Центральное Бюро. Перевозки сахара в пределах отдельных губерний и областей постановлено допускать не иначе, как по удостоверениям местных уполномоченных председателя „Особого Совещания“ по продовольственному делу.

Опубликованием постановлений от 24 марта и дополнявшего его постановления от 26 мая сосредоточение всех сделок по продаже сахара в Киевском Центральном Бюро вылилось в форму вполне законченную и определенную. Необходимо поэтому остановиться теперь на работе этого учреждения и ознакомиться детально с условиями, в которых протекала его деятельность.

Центральному Бюро пришлось, при осуществлении поставленных ему задач, встретить немалые препятствия и противодействия. Особенно вредным на первых порах его деятельности оказалось, как отмечено выше, допущенное постановлением 20 января 1916 г. разрешение отпуска сахара заводами по частным закупкам. Этими частными продажами и запродажами работа Центрального Бюро по разверстке заказов между заводами осложнялась в сильнейшей степени.

В значительной степени тормозилась работа Центрального Бюро также и задержками со стороны сахарозаводчиков выполнения нарядов Бюро. Задержка эта производилась, в большинстве случаев, в расчете если не на полную отмену предельных цен, то на значительное повышение их или на установление определенного контингента сахара, подлежащего сдаче по предельным ценам, с освобождением остального количества сахара для торговли по вольным ценам.

Надо еще отметить и то обстоятельство, что остававшееся на заводах количество сахара выражало далеко не весь запас наличности сахара, который имелся в России, а именно—помимо сахара, имевшегося на заводах, который находился в распоряжении Центрального Бюро, страна располагала громадными невидимыми запасами. Об'яснялось это тем, что в марте и в апреле, в связи с усилившимся грузовым движением и слухами о предстоявшем запрещении вывоза с заводов без разрешения Ц. Б., с заводов ушло большое количество сахара как гужем, так и по железным дорогам. Всего было вывезено с заводов в марте 6.733.000 пуд. сахара, в том числе по нарядам Ц. Б. 1.935.000 пуд.; в апреле всего вывезено 5.097.000 пуд., в том числе по нарядам Ц. Б. 3.589.000 пуд. На станциях железных дорог лежало на 1 мая, по подсчетам Ц. Б., в ожидании отправки, приблизительно, до 2 миллионов пудов. Эти невидимые запасы, осложнявшие в значительной степени дело регулярного снабжения населения по твердым ценам, хранились в разных местах страны—на складах заводов, банков, оптовиков, розничных торговцев, спекулянтов, а также железных дорог.

Далее, на заводах оставалось вне контроля Ц. Б. около 7 милл. пуд. сахара неприкосновенного запаса. Этот последний остаток старой нормировочной системы был упразднен в июне 1916 г.; циркуляром от 9 июня все это количество было перечислено в категорию свободного сахара и стало свободным для выпуска на внутренний рынок в зависимости от распоряжений Ц. Б. Этим актом было закончено дело об'единения всей продажи сахара в руках Ц. Б., и прекратилось применение мер урегулирования сахарной промышленности по законам 20 ноября 1895 г. и 12 мая 1903 г. (сахарной нормировки).

Во многих губерниях, вопреки категорическому требованию постановления 24 марта (п.п. 3 и 6), такс на сахар установлено не было, в других же таксы совершенно не были сообразованы с предельными ценами, вследствие чего в эти губернии стал производиться контрабандный ввоз сахара гужем и водою из соседних губерний за счет снабжения последних. Кроме того, многими уполномоченными разрешения на ввоз сахара в свою губернию давались слишком щедро без всякого соображения с нормами и в количестве, превышавшем эти нормы в несколько раз.

В целях наблюдения за срочным исполнением нарядов сахарозаводчиками, министерство финансов предложило управляющим акцизными сборами распорядиться безотлагательно, чтобы чины акцизного надзора были осведомляемы заводоуправлениями о всех срочных нарядах Ц. Б. на вывоз

сахара, и чтобы они наблюдали за своевременным исполнением этих нарядов, при неисполнении же их в срок немедленно же сообщали бы о том в Центральное Бюро.

Кроме того, для устранения наблюдавшихся зачастую задержек в погрузке, Особое Совещание по продовольственному делу уполномочило председателя Центрального Бюро, в случаях указания заводчиков на трудности гужевой перевозки, что являлось обычной отговоркой заводоуправлений, срочно организовывать гужевую перевозку за счет заводов, вычитая при расчете стоимость перевозки; в случаях же обнаружения намеренной задержки погрузок, удерживать сверх того при расчете 15%.

Из всех поставленных на разрешение Киевского Центрального Бюро по распределению закупок сахара задач особенное значение принадлежит приведению в исполнение двух предначертаний правительства—мероприятий по снабжению населения и армии сахаром, с одной стороны, и по оказанию сахарной промышленности содействия в деле приобретения всех необходимых для производства предметов—с другой.

Распределение сахара внутри страны.

На необходимость урегулировать снабжение населения сахаром Особое Совещание обратило внимание с первых же дней своего существования. При этом, на-ряду с назначением предельных цен, в целях обнаружившегося повышательного течения расценок, деятельность Особого Совещания была направлена на изучение наблюдавшегося несоответствия между сильно возросшим спросом и сократившимся предложением и на организацию целесообразного и равномерного распределения сахара между отдельными потребительными центрами. В соответствии с этим была разработана и проведена в жизнь система об'единения закупок сахара в центральном органе (Центральное Бюро по об'единению закупок сахара в Киеве).

Весь сахар, предназначенный для нужд населения, направлялся Центральным Бюро, согласно принятой Особым Совещанием для всей страны разверстке, в адрес местных уполномоченных председателя Особого Совещания, которые, в свою очередь, должны были распределять его в порядке, установленном местными его органами, между отдельными торговыми и потребительными учреждениями.

Сахар для армии отпускался Центральным Бюро интендантству, которому равным образом передавался весь сахар, предназначенный для снабжения заводов, работавших на оборону, а также всех тех организаций, которые находились в пределах фронта.

Всероссийскому земскому и городскому союзам сахар отпускался через посредство Центрального Бюро по ходатайствам главных комитетов этих союзов непосредственно в адрес этих союзов.

Сахар для Финляндии отпускался на общих основаниях распределения нарядов между отдельными заводами тоже через посредство Центрального Бюро в адрес Финляндского Сената.

Сахар для Персии передавался в первый период деятельности Центрального Бюро также через его посредство в распоряжение Наместника на Кавказе, коим образовано было Особое Совещание по вывозу сахара в Персию. Затем, однако, организация вывоза сахара в Персию была передана учетно-ссудному банку в Персии на особых договорных условиях, предусматривавших, с одной стороны, возможность получения для наших войсковых частей, находившихся на границах с Персией, персидских кранов, а с другой — обязательство ввоза из заграницы сахара в количестве, равном разрешенному к вывозу.

Для того, чтобы иметь возможность располагать в каждый данный момент необходимыми данными относительно деталей производства, в со-

ставе Ц. Б. был образован особый статистико-экономический отдел, на обязанности которого лежало собирание сведений об условиях выработки сахара, размерах производства, запасах сахара различных сортов на заводских складах и т. д. Помимо сведений, собиравшихся этим отделом, учет вырабатывавшегося сахара производился Главным Управлением неокладных сборов через посредство акцизного надзора; сведения о наличности и расходе сахара на всех заводах представлялись управляющими акцизными сборами ежемесячно как в Главное Управление, так и в Центральное Бюро.

За выполнением своих нарядов заводами, независимо от надзора акцизного ведомства, Ц. Б. следило через посредство своих инспекторов, которые производили расследование причин случаев неправильного выполнения заводами нарядов или отказа от них.

В целях распределения общей наличности сахара между районами потребления, управлением делами Особого Совещания по продовольственному делу стал периодически составляться план разверстки. В основу разверстки управление положило погубернские нормы потребления сахара. При определении этих норм Особое Совещание столкнулось со значительными трудностями; с одной стороны, совершенно отсутствовали статистические данные для погубернского потребления, с другой —вопрос осложнялся наблюдавшейся тенденцией населения делать запасы и стремлением уполномоченных производить закупки для своих районов в значительно превышавшем действительные потребности размере.

Особое Совещание принуждено было поэтому произвести самостоятельную работу по учету потребления. Произведена она была на основании данных транспортной статистики: был вычислен средний годовой ввоз и вывоз сахара в каждую губернию за трехлетие 1911 — 1913 гг., далее, в губерниях производительных были приняты во внимание выпуск учтенного сахара с заводов по накладным и разница между остатками сахарных продуктов на чисторафинадных заводах к началу и к концу периода, каковая разница или прибавлялась к размеру выпусков, если запасы сокращались, или, наоборот, вычиталась из выпусков, если запасы увеличивались; из полученной величины вычиталось превышение вывоза сахара из губернии над ввозом или, наоборот, прибавлялось превышение ввоза над вывозом.

Данные эти были дополнены итогами перевозок по внутренним водным путям малым и дальним каботажем и итогами таможенного оборота сахара.

В результате произведенных этим путем вычислений среднее за трехлетие 1911—1913 гг. потребление в 47 губерниях Европейской России выразилось в 54.254.947 пуд., в кавказских губерниях—в 5.254.690 пуд., в Сибири—в 2.974.528 пуд., в средне-азиатских владениях в 3.263.697 пуд. и в губерниях, занятых неприятелем, в 9.825.916 пуд.

В общей сложности среднее для всей страны годовое потребление определилось в 76.006.007 п., а, соответственно этой цифре, величина душевого среднего потребления сахара составила в 1911—1913 гг. 18,13 ф.; в частности, в 1912/13 г. среднее душевое потребление исчислялось в 19,3 ф.; в 1914/15 г. в 21,3 ф.

Исходя из этих данных, управление делами Особого Совещания определило среднюю месячную потребность сахара—в 1911/12 г. в 2 милл. пуд., в 1912/13 г. в 6,9 милл. пуд., а, в среднем, за оба года в 6,3 милл. пуд.

Исчисленная таким путем средняя годовая душевая норма потребления сахара (18,13 ф.) являлась, как усматривается из изложенного, результатом чисто-теоретического вычисления и требовала существенных исправлений как в смысле увеличения, так и уменьшения, в зависимости от местных и бытовых условий.

В заседании 24 мая 1916 г. Особым Совещанием были приняты твердые нормы потребления, достаточных обоснований которых или связи с предшествующими статистическими работами в трудах его, однако, не представляется возможным найти: для Петрограда и Москвы месячная норма была определена в 4 ф., для городов с населением свыше 150 тыс. человек в $2^1/_2$ ф., для прочих городов в $1^1/_2$ ф., для всех остальных местностей страны в $^5/_6$ ф. Нормы эти были предложены Центральному Бюро для руководства при определении количества сахара, подлежащего отпуску в отдельные местности страны.

Руководствуясь этими последними нормами, были определены предположительные размеры потребления сахара отдельными губерниями. При этом был, однако, принят во внимание и учтен ряд дополнительных данных, как-то: новейшие данные о численности населения городского и сельского (к началу 1915 г.), полученные в Центральном Статистическом Комитете; данные всероссийского общеземского союза о числе беженцев, осевших в городах и прочих местностях (на 1 апреля 1916 г.); данные о количестве фабрично-заводских рабочих (по телеграфным сведениям министерства торговли и промышленности, относившимся к концу 1915 г.), причем на каждого рабочего, как мужского, так и женского пола, была сделана надбавка сверх причитавшейся им соответственной нормы городского или сельского населения; данные о добавочном отпуске для рабочих, работавших в Донецком бассейне; данные о числе рабочих, занятых в предприятиях, связанных с обороной, поскольку эти предприятия не вошли в упомянутые выше подсчеты министерства торговли и промышленности, и, наконец, сведения об отпуске сахара по отдельным ходатайствам (как, например, для строившихся стратегических железных дорог, для рабочих сахарных заводов и т. д.).

В цифровых данных месячные назначения сахара по главнейшим потребительным группам в том размере, которого они достигли ко второй половине отчетного года, представляются в следующем виде (в пудах):

Столицы: Петроград, Москва и Киев	427.000
Города с населением свыше 150 тыс. человек	337.000
Прочие города	717.545
Уезды	2.794.384
Беженцы	32.021
Работающие на оборону	183.560
Горно-заводские рабочие	105.210
Остальные рабочие	19.100
Всероссийский земский союз	125.000
Городской союз	100.000
Перерабатывающая сахар промышленность	300.000

В отношении приведенных выше, установленных Особым Совещанием в заседании 24 мая 1916 г., душевых норм снабжения необходимо сделать некоторые добавочные пояснения. Так, для столиц душевая норма установлена была в 4 ф. в том предположении, что фактически населению будет выдаваться по 3 ф. в месяц, а 1 ф. пойдет на удовлетворение специальных потребностей и нужд предприятий, перерабатывающих сахар, как это в действительности вначале и осуществлялось при распределении сахара в обеих столицах.

Начиная с сентября 1916 г., был, однако, установлен особый отпуск сахара для предприятий, перерабатывающих таковой, а также для отдельных категорий заведений, потребляющих сахар в больших количествах, как-то: для чайных, трактиров без крепких напитков и т. п. Несмотря, однако, на установление этого особого отпуска, душевая норма потребления обеих столиц была оставлена прежняя—4 ф., в том расчете, чтобы за октябрь, ноябрь и декабрь образовался некоторый запас сахара. Начиная с января 1917 г., норма снабжения сахаром столиц была понижена до 3 ф. в месяц, т. е. до фактически осуществлявшегося со времени введения карточной системы распределения.

Городское население Московской и Петроградской губерний, а также Московский и Петроградский уезды расчитаны были при составлении разверстки сахара между губерниями и областями по 2 ф. на душу, в виду того, что по укладу жизни население указанных районов приближается к городскому. Для сельского населения столичных губерний норма потребления принималась в 1 ф. на душу.

Далее, для рабочих, работающих на оборону, производилась, сверх обычной дачи по норме городского или сельского населения, надбавка в размере 5 ф. по следующему расчету: 2 ф. на рабочего и по 1 ф. на каждого из трех членов семьи. Для горно-заводских рабочих надбавка установлена была в размере $2^1/_2$ ф. Для остальных рабочих—в 2 ф. Кроме того, производился еще ряд надбавок различным категориям трудящихся, среди которых надо еще упомянуть разрешение Центральному Бюро (с августа 1916 г.) отпускать в распоряжение администрации сахарных заводов, для удовлетворения потребности в сахаре рабочих сахарных заводов, количество, не превышающее $1^0/_0$ годовой выработки по каждому заводу.

Что касается армии, то суточная норма дачи сахара, установленная приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 7 апреля 1916 г., для войск, находившихся в районе военных действий, составляла на 1 нижнего чина 18 золотников (т. е. $5^5/_8$ ф. в месяц). Из них 13 золотников (около $3^7/_8$ ф. в месяц) выдавались натурою, а остальное деньгами. Для нижних чинов, находившихся вне района военных действий, норма выдачи сахара установлена была в 6 золотников в сутки (около $1^7/_8$ ф. в месяц).

Дальнейшим этапом в деле урегулирования снабжения сахаром населения и армии явилась выработка плановых перевозок сахарных грузов в отдельные губернии и области. Мероприятие это было вызвано общим затруднительным положением железнодорожного транспорта и необходимостью обеспечить регулярную доставку сахара в места потребления. Особенно обострилось положение в середине марта 1916 г. в связи с массой внеочередных грузов. Периодические нехватки, наблюдавшиеся в предложении сахара на отдельных потребительных рынках, настоятельно требовали выработки определенного плана перевозки сахара, который не подвергался бы изменениям в связи с закрытием тех или иных станций. Твердый и однообразный порядок внеочередной перевозки был выработан управлением делами Особого Совещания по соглашению с ведомством путей сообщения и введен в действие с июня 1916 г. Начиная с этого времени, сахар перевозится по группе Аз раздел 4 на основании планов, ежемесячно разрабатывавшихся управлением делами Особого Совещания и утверждавшихся временным распорядительным комитетом по железнодорожным перевозкам.

На основании действовавших таким образом правил перевозки сахара, начальники станций могли принимать сахар только по удостоверениям, исходившим от Центрального Бюро по об‘единению закупок сахара. Изложенный способ перевозок совершенно исключал возможность бесконтрольного отпуска сахара с заводов.

Проведение в жизнь мероприятий по разверстке сахара между отдельными губерниями и областями, а также по организации регулярного функционирования системы плановых перевозок, встретило на первых порах многочисленные затруднения. Частью затруднения эти были временного характера, будучи связаны с подготовительной организационной работой (статистические подсчеты, разверстка нарядов между заводами, сношения с железными дорогами, присылка уполномоченными сведений о пунктах назначения причитающегося им сахара и т. д.), частью же затруднения носили, наоборот, длительный характер (задержки в выполнении нарядов Ц. Б. сахарными заводами, загруженность складочных помещений на железнодорожных станциях, препятствовавшая свободному приему сахарных грузов, и т. д.) и потребовали продолжительной и упорной борьбы; наконец, к

третьей категории затруднений надо отнести такие, которые обнаруживались периодически и лежали вне сферы воздействия продовольственного ведомства. К затруднениям этой последней категории надо отнести, например, случаи закрытия от времени до времени некоторых железнодорожных станций в связи с усиленными воинскими перевозками.

Разработанные и примененные продовольственным ведомством меры борьбы с различными нарушениями правильного отправления разверсточной и плановой системы вылились, между прочим, в форму следующих основных положений:

1) Надзор за своевременным исполнением сахарными заводами нарядов Центрального Бюро производился чинами акцизного ведомства; с другой стороны, однако, Центральное Бюро производило через своих агентов (членов инспекторского отдела) расследование каждого отдельного случая неисполнения нарядов и организовывало собственными средствами гужевую перевозку сахара с заводов на станции за счет заводов, задерживавших исполнение нарядов.

2) Взвешивание сахара на заводах производилось под наблюдением акцизного надзора, который и устанавливал точный вес упаковки и сахара.

3) Установленные для отдельных районов потребления нормы снабжения сахаром исчислялись по чистому весу этого продукта без включения веса упаковки. Таким образом, причитающееся отдельным уполномоченным количество сахара отпускалось Центральным Бюро полностью, независимо от вместимости или веса тары.

4) В целях ускорения погрузок Центральное Бюро передавало наряды с заводов, удаленных от железнодорожных станций или расположенных в районе частого закрытия станций для приема грузов, на другие заводы, расположенные при станциях железных дорог или в полосе меньшего вероятия прекращения грузового движения.

5) Установленный порядок перевозки сахара распространялся не только на рафинад, сахарный песок, но и на все вообще продукты свеклосахарного и рафинадного производства, как-то: на блонды, желтые пески, бастры, лумпы, рафинадную патоку и т. д., а также на все сорта и разновидности свекловичного сахара, в том числе на сахар-леденец и кандис.

6) По получении Центральным Бюро сведений о произведенной погрузке сахара по выданным Бюро нарядам, оно извещало уполномоченных о времени отправки сахара с указанием станций отправления и назначения, а также количества вагонов, отправленных с каждой станции. В виду того, однако, что получение Центральным Бюро от сахарных заводов дубликатов накладных не всегда совпадало с фактической отправкой сахара, начальникам станций было вменено в обязанность немедленно по отправлении сахара, особыми, на этот случай установленными, карточками извещать Центральное Бюро о последовавшей отправке сахара.

7) Далее, Центральным Бюро было организовано, в целях урегулирования незамедлительного выполнения нарядов Бюро в соответствии с плановыми перевозками, использование для сахара складочных и станционных заводских помещений для избежания случаев возвращения со станций заводских подвод. Для этого Центральное Бюро предложило заводам, не имевшим приписных железнодорожных складов, приписывать к железным дорогам свои складочные помещения.

Таковы были главные мероприятия, разработанные и проводившиеся в жизнь, по мере того, как практика обнаруживала те или иные слабые стороны в системе плановых перевозок сахарных грузов.

Данные о размерах сахарных железнодорожных перевозок имеются с сентября 1916 г. За последнюю треть этого года они представляются в следующем виде (в пудах):

Сентябрь	5.781.000
Октябрь	6.708.000
Ноябрь	7.224.000
Декабрь	7.228.000

На январь 1917 г. было назначено к перевозке 7.634.000 п.; таким образом, в общей сложности, для первых пяти месяцев периода 1916—17 г. было отпущено 34.575.000 пуд. Месячная норма определилась соответственно этому в размере, приблизительно, 7 милл. пуд.

По отдельным районам потребления средний месячный отпуск сахара, считая, сверх того, специальные назначения, не считая, однако, количества, назначенного для армии и флота, определился в 5.322.000 пуд., как это можно усмотреть из следующих данных (в пудах):

Европейская Россия	3.75 .000
Кавказ	387.000
Сибирь	246.000
Средняя Азия	252.000
Служащие железных дорог	229.000
Сверх того:	
Бухара	25.000
Финляндия	150.000
Земский и городской союзы	100.000
Предприятия, перерабатывающие сахар	170.000
Пчеловодство	7.000—8.000

Весь сахар с заводов брался Центральным Бюро по твердым ценам, приведенным в предшествующей главе и значительно повышенным для последней трети года.

Продажная цена на местах потребления определялась в соответствии с твердыми ценами, стоимостью провоза, накладными расходами и соразмерной прибылью. На местах все дело распределения сахара сосредоточивалось в руках уполномоченного председателя „Особого Совещания“ и в организованном при уполномоченном совещании. Все внеочередные и плановые перевозки продовольственных, а в том числе и сахарных, грузов осуществлялись не иначе, как по удостоверениям и в адрес уполномоченных, в задачу коих входило привлечение необходимого количества сахарных грузов, наблюдение за равномерным распределением его и продажа по соразмерным ценам.

В помощь уполномоченным на местах были образованы более мелкие продовольственные единицы, в виде уездных, городских и районных совещаний, а в некоторых случаях и волостных продовольственных организаций. Все они об‘единяли деятельность общественных и частных учреждений и лиц в деле продовольствия.

В целях равномерности распределения сахара среди отдельных потребителей на местах, в отчетном году стала вводиться карточная система. В зависимости от характера нормировки выдачи сахара она распадалась на две, отличные друг от друга, категории—распределительную и нормирующую.

Распределительная система устанавливала норму выдачи сахара только в качестве предельного размера выдачи, т. е. при которой потребитель не имел гарантий получения определенного минимума; карточки при этой системе выдавались переменные и имели целью распределить равномерно каждый данный запас, причем норма выдачи менялась в зависимости от размеров поступления сахара.

Вторая категория карточной системы обеспечивала регулярное периодическое получение определенного количества, отвечавшего размерам действительной потребности.

Район распространения карточной системы распределения сахара осенью 1916 г. был еще сравнительно невелик. В Европейской России насчитывалось около 30 губерний, как соприкасавшихся друг с другом, так и расположенных по одиночке, в которых карточная система была введена частью повсеместно, частью же в наиболее крупных городских поселениях и других наиболее населенных центрах. Центральную группу этих губерний составляли: Московская, Тульская, Калужская, Владимирская, Тверская. На север от этой группы распространялись — Новгородская, Петроградская

и далее Вологодская и Архангельская. С востока к центральной группе примыкали: Уфимская, Вятская, Пермская, Оренбургская, Казанская, Симбирская, Самарская; с юга—Тамбовская, Рязанская, и далее—на юго-востоке—карточная система находила применение в Екатеринославской и Киевской губерниях. На западе и северо-западе насчитывались лишь единичные районы применения ее—в Могилевской, Лифляндской и Эстляндской губерниях, в Сибири карточная система введена была осенью 1916 г. только в Тобольской губернии.

В губерниях, в которых карточная система, по тем или иным соображениям, не нашла применения, сахар распределялся среди населения, по мере поступления, посредством кооперативов или городских лавок, или благонадежных частных торговцев (за определенное комиссионное вознаграждение) по определенной цене и, в большинстве случаев, с обязательством продажи в одни руки не свыше определенного количества. Эта форма продажи представляла из себя переходную ступень от свободной продажи к карточной системе.

В зависимости от владельца, карточки были на пред'явителя—в более крупных центрах, или именные—в менее населенных пунктах; кроме того, они могли быть личные, выданные одному определенному лицу, или семейные, причем в последнем случае в состав семьи могла быть включена и прислуга; в некоторых же местностях прислуге выдавались отдельные карточки.

В общем, в характере применявшейся в 1916 г. карточной системы наблюдалась значительная пестрота.

Контроль за исправным осуществлением установленной карточной системы распределения сахара и основная организационная работа производились в городах, в большинстве случаев, городскими самоуправлениями через посредство городских продовольственных комиссий; в уездах же—через местные комитеты или совещания, через земские учреждения или иные уездные продовольственные организации, а также через кооперативы, в некоторых местностях—через кредитные или ссудо-сберегательные товарищества, в единичных случаях (Курская губ.)—через акцизный надзор и через церковные попечительства (Казанская губ.). В волостях к этому делу были привлечены волостные правления, сельские старосты и сельские и волостные кооперативные организации.

Что касается частных торговых предприятий, находившихся в единоличном владении, то таковые привлекались к делу распределения сахара с большими ограничениями лишь в немногих губерниях и только в том случае, если принадлежали благонадежным торговцам.

Урегулирование рыночных цен сахара.

Для обеспечения заготовки распоряжением правительства необходимых для нужд населения запасов сахара и в видах прекращения спекулятивных сделок, изданными 9 октября 1915 г. правилами „Особое Совещание“ установило предельные цены на сахар—песок и рафинад, продажа по которым правительственным органам, а равно общественным и торговым организациям, „коим сие будет поручено“, являлась обязательной.

Основная твердая цена на сахарный песок за пуд чистого веса, при бесплатной таре, франко станция отправления, была установлена этими правилами на время до 1 сентября 1916 г. в районе юго-западных железных дорог в 5 р. 10 к. при продаже с заводов и складов комиссионных и оптовых торговцев, а также со станций железных дорог или из вагонов в местах нахождения заводов. В других районах производства к установленной основной цене песка (5 р. 10 к.) добавлялась стоимость провоза пуда сахара от ст. Погребище, юго-западных жел. дор., до следующих торговых центров, в которых оптовая предельная цена, вместе с железнодорожной доставкой,

назначалась: в Харькове—5 р. 52 к., в Туле—5 р. 66 к., в Орле—5 р. 58 к., в Курске—5 р. 51 к., в Воронеже—5 р. 63 к., в Полтаве—5 р. 45 к., в Тамбове—5 р. 70 к., в Чернигове—5 р. 40 к.

Предельная цена на сахарный песок, уже доставленный и имевшийся на-лицо, устанавливалась в районах потребления, путем прибавки к основной цене, в 5 р. 10 к., стоимости провоза от ст. Погребище, юго-зап. ж. д., а также торговых расходов и торговой прибыли в размере 10%, т. е. 51 к. на пуд.

Что касается цены сахара-рафинада, то она устанавливалась правилами 9 октября на тот же срок повсеместно путем прибавления к цене песка 1 р. 10 к. на пуд головного рафинада, 1 р. 35 к. колотого рафинада и 1 р. 45 к.—пиленого.

Выше было указано, что установление твердых цен на сахар не остановило частных спекулятивных сделок, причем на рынке, на-ряду с твердой ценой, установились вольные, по которым продавались значительные количества сахара. Рядом мероприятий, о которых тоже говорилось выше, правительству удалось сосредоточить закупку сахара в руках определенных органов и, до известной степени, парализовать работу торговцев-спекулянтов. Возникло, однако, новое препятствие к проведению в жизнь установленных цен: недовольные низким уровнем их, сахарозаводчики всячески тормозили выполнение нарядов Центрального Бюро. Они настаивали на повышении твердой цены на сахарный песок и на увеличении разницы между песком и рафинадом, в виду того, что себестоимость сахара-песка и рафинада успела со времени издания правил 9 октября значительно возрасти. Домогательства их увенчались частичным успехом, и к заседанию Особого Совещания 18 и 19 марта 1916 г., в которых вопрос о повышении твердых цен был вторично подвергнут обсуждению, ими были представлены расчеты себестоимости, согласно которым выработка песка колебалась по отдельным заводам от 2 р. 36,1 к. до 3 р. 85,8 к., что давало среднюю арифметическую в 3 р. 01,4 к., а вместе с акцизом в 5 р. 01,4 к. Стоимость же выработки пуда рафинада составляла для периода 1915 — 16 г. 1 р. 28,45 к.; с прибавлением же к последней цифре предпринимательской прибыли, минимальная разница в цене песка и рафинада определялась в 1 р. 41,27 к.

Расчет средней себестоимости песка в 301,4 к. складывался из следующих данных:

1) Расходы по производству:

а) стоимость свеклы, включая расходы по приемке, хранению и доставке ее, 138,8 к.,

б) технические расходы—мастеровые и рабочие, топливо, освещение, известь, мел, известковый камень, смазочные материалы, мешки, кожа, упаковка и проч. 67,2 к.,

в) общие расходы — администрация, содержание конторы, школы, больницы, конюшни, ремонт, страхование зданий, машин и рабочих, аренда завода, государственные налоги и проч. 39,9 к.

2) Торговые расходы—доставка сахара на станцию железной дороги, страховка, содержание складов, комиссионные, куртажные и проч. 6,8 к.

3) Амортизация 15,5 к.

4) Дополнительный промысловый налог 12,4 к.

5) Прочие расходы, сопряженные с производством сахара,—проценты по займам, учет векселей, отчисления в пенсионный капитал, процентное вознаграждение директорам, членам правлений и ревизионных комиссий, наградные служащим, пенсии и пособия, потери на имуществе, пришедшем в негодность, и на разнице курса % бумаг, пропавшие долги, содержание военной охраны и др. 20,8 к.

Сахарозаводчики указывали в дополнение к представленным расчетам себестоимости, что из 39 заводов Юго-Западного края 21 завод имеют себестоимость свыше 3 р., и что поэтому, при повышении установленной твердой цены, необходимо исходить не из средней себестоимости в 3 р. 01,4 к., а

из несколько повышенной 3 р. 20 к., чтобы, таким образом, не пострадало значительное количество сахарных заводов. По мнению сахарозаводчиков, твердая цена на песок в Юго-Западном крае, с прибавлением предпринимательской прибыли в размере 10% и с некоторым округлением, могла бы быть установлена в 5 р. 50 к.

Далее, сахарозаводчики указывали, что твердые цены на сахар в других районах надлежало бы определить по соображению не с размерами тарифной платы от ст. Погребище, а с некоторой разницей фрахта, уравнивающего отдельные районы производства с Юго-Западным краем на каком-либо примерном рынке сбыта, каковым могла бы быть принята Самара. Тогда разница в ценах определилась бы путем вычитания из фрахта Самара—Погребище стоимости провоза от Самары до остальных районов производства.

Таким образом, согласно высказанным сахарозаводчиками пожеланиям, твердые цены для остальных районов производства определились бы: для Харькова в 5 р. 60 к., для Орла в 5 р. 70 к., для Курска в 5 р. 60 к., для Воронежа в 5 р. 73 к., для Полтавы в 5 р. 58 к., для Тамбова в 5 р. 83 к., для Чернигова в 5 р. 62 к.

Особое Совещание согласилось, однако, лишь с доводами относительно повышения разницы между твердыми ценами на песок и рафинад, и постановлением от 24 марта 1916 г. она была повышена до 1 р. 40 к.; твердые же цены песка были оставлены в прежнем размере.

С наступлением новой кампании $19^{16}/_{17}$ г. вопрос о назначении твердых цен на сахар-песок и рафинад был снова поставлен на очередь. Задача подготовки данных, которые могли бы лечь в основу пересмотра твердых цен, была возложена на Киевское Центральное Бюро. Исходным материалом для работ Ц. Б. послужили отчеты заводов за пятилетие с $19^{10}/_{11}$ г. по $19^{14}/_{15}$ г., а также данные за $19^{15}/_{16}$ г. и сметы на $19^{16}/_{17}$ г.

Общая себестоимость песка, по средним данным за пятилетие (1910—1915 гг.), определилась в 1 р. 97,94 к., причем первое место среди отдельных ее элементов заняла стоимость свекловицы (1 р. 21 к., т. е. 60%), второе—топливо (14,67 к.), третье — ремонт (11,70 к.), четвертое — амортизация (7,98 к.), далее—служащие (7,03 к.), упаковка (5,88 к.) и рабочие (5,78 к.). Остальные статьи не достигали 5 к.

Интересно отметить те значительные изменения, которые претерпела средняя себестоимость пуда сахара песка с $19^{10}/_{11}$ г. до 1916 г. Так, в $19^{12}/_{13}$ г., вследствие ранних заморозков и снега, погибло много свеклы невыкопанной, и себестоимость повысилась до 2 р. 43 к. В следующие затем периоды 1912—1914 гг. и $19^{14}/_{15}$ г. она опять пошла на понижение и упала до 1 р. 96 к. Со второго года войны, однако, вследствие ряда неблагоприятных факторов, течение расценки отдельных элементов ее повернуло снова вверх, и общая себестоимость песка, интенсивно повышаясь, достигла 2 р. 81 к.

Из отдельных статей себестоимости особенно сильно возросли расходы на топливо (с 14,67 к. в 1910—11 г. до 32,14 к. в 1915—16 г.); стоимость упаковки, подвоза и некоторых других, относящихся к этой категории, статей повысилась за тот же срок с 7,93 к. до 17,74 к.; расходы на рабочих возросли с 5,78 к. до 9,90 к.; жалованье служащим — с 7,03 к. до 9 р. 41 к. и, наконец, стоимость свеклы возросла с 1 р. 21,32 к. до 1 р. 52 к.

Таковы были данные, выясненные Центральным Бюро на основании отчетов истекших кампаний.

Что же касается исчислений Центрального Бюро на основании сметных предположений заводоуправлений на 1916 - 17 г., то себестоимость песка отмечена была в них дальнейшим резким повышением и достигала в среднем 3 р. 91,36 к. По отдельным районам средние затраты на производство 1 пуда сахарного песка в 1916 — 17 г. определялись в следующих размерах:

	Без накладных расходов.	Накладные расходы.	Итого.
Юго-западный	3 р. 71,54 к.	27,22	3 р. 98,76 к.
Заднепровский	3 „ 55,39 „	24,02	3 „ 79,41 „
Центральный	3 „ 58,40 „	22,11	3 „ 80,51 „
Средняя по всей России . . .	3 „ 65,79 „	25,57	3 „ 91,36 „

На-ряду с этими собранными Центральным Бюро данными, Особому Совещанию была представлена смета себестоимости сахара-песка, составленная Всероссийским обществом сахарозаводчиков по схеме проф. Зуева по среднему заводу, перерабатывающему 218 тыс. берковцев свеклы. Согласно этим данным, себестоимость определилась в 4 р. 64,5 к., т. е. превысила на 73 к. аналогичный расчет, составленный Киевским Центральным Бюро по сметным предположениям заводов.

Сопоставление полученных Ц. Б. итогов с данными В. О. С. представляется в следующем виде:

Ц. Б.	Итог расходов с накладными расходами, % на оборотный капитал и арендой.
1910—1915 гг.	1 р. 97,94 к.
1915—1916 „	2 „ 81,04 „
1916—1917 „	3 „ 91,36 „
В. О. С.	Расходы, за исключением выручки за жом и патоку.
1916—1917 „	4 р. 64,05 к.

Смета В. О. С. представляла наиболее заметные отклонения от полученных Ц. Б. данных по статьям—свекловица, топливо, рабочие, служащие, ремонт. Отклонения эти были довольно значительны: так, стоимость свекловицы, по расчету на пуд сахарного песка, определялась В. О. С. в 2 р. 25,81 к. против 2 р. 02,05 к. Ц. Б.; не менее существенная разница получалась и для рабочей силы по данным В. О. С. 20,32 к., по данным Ц. Б. 14,4 к. Особенно сильно разнились цифры, относящиеся к жалованью служащих (В. О. С. 24,52 к., Ц. Б. 14,56 к.) и стоимости топлива (В. О. С. 65,48 к., Ц. Б. 46,26 к.).

Вследствие настоятельных заявлений сахарозаводчиков, что исчисленная Ц. Б. смета себестоимости песка значительно ниже фактических расходов производства, что цены на рабочие руки дорожают с каждым новым призывом и что расценка топлива, стоимость доставки его на заводы, а также копка и возка свекловицы обойдутся дороже, чем первоначально предполагалось, — Центральное Борю признало необходимым несколько повысить исчисление себестоимости песка.

Установленная в окончательном виде в размере 4 р. 25,32 к., она распадалась на следующие основные элементы (в коп. за пуд песка):

Содержание территории	4,58
Ремонт завода	23,10
Амортизация	13,53
Свекловица	225,81
Рабочие	14,56
Служащие	18,50
Топливо	54,00
Известь	13,55
Освещение	0,87
Смазка машин	0,50
Очистка вод	0,38
Страхование	5,25
Повинность	11,17
Содержание лаборатории	0,58
Содержание ям	1,82
Остальные расходы	13,55
% на оборотный капитал	8,00
Упаковка и подводы	25,57
Всего	435,32
Исключая стоимость жома и патоки . . .	10,00
	425,32

В указанную цифру себестоимости включены были, таким образом, проценты на оборотный капитал, но не была принята во внимание производственная прибыль. Вследствие этого Особым Совещанием по продовольственному делу твердая цена на песок принята была, с округлением, в 4 р. 60 к. (без акциза).

Таковы были данные и соображения, положенные в основу определения уровня твердой цены на сахар - песок. Что же касается твердой цены на сахар-рафинад, то для определения стоимости рафинировки Центральным Бюро были приняты данные Бюро рафинеров, согласно которым отдельные статьи издержек рафинадного дела, по предположениям на 1916 — 17 г., представлялись в следующем виде (в коп. на пуд рафинада):

Ремонт машин и строений	8,47
Амортизация	7,51
Рабочие, служащие, больницы и т. д.	32,95
Топливо	31,17
Уголь, кожа, ультрамарин	6,82
Освещение, разн. расходы и хранение сахара	6,25
Налоги, патенты, почтовые расходы и т. д.	6,21
Обертка и шпагат	9,80
Упаковка, мешки и бочки	29,40
Расходы по доставке и приемке песков	13,20
Расходы торговые	18,90
	170,69

Особое Совещание нашло возможным принять себестоимость рафинировки в размере 1 р. 60 к. в пуде. Мотивом к некоторому понижению нормы себестоимости рафинада, сравнительно со сметой рафинеров, послужило, между прочим, соображение, что из сметы этой надлежит исключить стоимость мешков, так как мешки получаются рафинадными заводами бесплатно вместе с песками со свеклосахарных заводов. Равным образом представлялось необходимым сократить статью, касавшуюся торговых расходов, в виду того, в связи с деятельностью Центрального Бюро, отпадала необходимость содержать оптовые склады и прежние склады служащих.

В соответствии с заключениями, высказанными по данному вопросу Особым Совещанием, постановлением министра земледелия от 18 сентября 1916 г., твердая цена на сахарный песок выработки 1916—17 г. для всех районов производства (в противоположность 1915—16 г., когда действовали разные цены для отдельных районов производства) была назначена до 1 сентября 1917 г., вместе с акцизом (2 р.), в размере 6 р. 60 к. Твердая цена сахара-рафинада головного и прессованного была определена в 8 р. 20 к., рубленого и второпиленого в 8 р. 45 к., первопиленого и прессованного литого в 8 р. 55 к. Рафинадная пыль и брак расценивались, согласно этому постановлению, путем прибавления к твердой цене сахарного песка—для рафинадного брака 1 р. 20 к., для пыли—1 р.

Цены сахара-рафинада для рафинадных заводов, находившихся вне районов производства сахарного песка, определялись франко-станция отправления путем прибавления к ценам рафинада в районах производства сахарного песка: 1) 48 к. для петроградского рафинадного завода, 2) 28 к. для московских заводов, 3) 51 к. для самарских, 4) 12 к. для одесских и 5) 13 к. для тульского рафинадного завода.

Установленная до 1 сентября 1917 г. твердая цена на сахар была, однако, изменена в связи с последовавшим вслед затем 16 сентября 1916 г. повышением акциза с сахара, вызванным чрезвычайными военными расходами. Положением Совета Министров акциз с сахара был повышен на 80 к. с пуда, т. е. доведен до уровня 2 р. 80 к. В соответствии же с этим (постановлением министра земледелия от 20 октября 1916 г.) были повышены на 80 к. и твердые цены на сахар-рафинад (до 9 р.), рафинадный брак (до 8 р. 60 к.), рафинадную пудру (до 8 р. 40 к.) и на сахарный песок (до 7 р. 40 к.).

Цены эти сохранились в силе до конца отчетного года.

На местах потребления цены в мелкой оптовой и в розничной торговле должны были нормироваться при помощи особых такс, для разработки и издания которых составлена была особая инструкция.

Согласно этой инструкции, по обсуждении цен в местных совещаниях под председательством уполномоченного или его представителя, в составе представителей ведомств и общественных и торговых организаций, а также представителей местных кооперативных союзов и лиц, особо приглашенных (последние без права решающего голоса), таксы издавались высшей губернской властью (или главнокомандующими), на которой и лежала обязанность наблюдения за исполнением такс и преследования их нарушений. В случаях разногласия между губернскою властью и совещанием вопрос разрешался председателем Особого Совещания.

Все таксы должны были представляться в Особое Совещание по продовольственному делу, причем от председателя Особого Совещания зависело как в ревизионном порядке, так и по жалобам изменить или не изменить их (постановление от 12 февраля 1916 г.). Это право имело чрезвычайно важное значение, так как давало Особому Совещанию возможность согласовать и вносить известное единство в таксы, часто не согласованные и значительно рознившиеся по отдельным губерниям в отношении размера, составных частей и т. д.

Мероприятие это проводилось, однако, в жизнь чрезвычайно вяло. В большинстве губерний таксы разработаны не были, и на рынке удерживались в полной силе вольные цены.

В целях понуждения уполномоченных к скорейшему выполнению предписания, постановлением 24 марта 1916 г. и циркуляром в апреле 1916 г. им было предложено приступить во всех губерниях и областях к выработке оптовых и розничных такс на сахар в соответствии с твердыми ценами в районах производства. С этого момента установление такс на сахар стало получать несколько более широкое распространение. Отдельным уполномоченным, медлившим осуществлять эту меру, посылались Особым Совещанием отдельные предписания.

В качестве дальнейшего этапа на этом пути необходимо отметить выработку Особым Совещанием примерной инструкции по выработке такс на сахар, которая в наиболее существенных чертах сводилась к следующему:

Оптовые таксы на местах должны были составляться из твердых цен в районах производства, стоимости провоза, накладных расходов и торговой прибыли.

Соответственно этому, цены на песок слагались бы из твердой цены на песок в районах производства, стоимости провоза: а) если город находится на линии железной дороги—железнодорожный тариф плюс временный налог за перевозку песка в 6 к. с пуда, б) если город находится не на линии железной дороги—действительная стоимость гужевой доставки или действительная стоимость водных перевозок; из всех действительно произведенных накладных расходов по оптовой торговле, как-то: расходов по доставке сахарного песка на склад, по страхованию и хранению товара, вознаграждению Ц. Б. за посредничество (5 к. с пуда), комиссионных расходов оптовым организациям, процентов на затраченный капитал, расходов по содержанию служебного персонала и т. д. и, наконец, из торговой прибыли (обычная прибыль в оптовой торговле сахарным песком).

Что касается оптовых такс на сахар-рафинад, то они должны были определяться путем таких же исчислений, как и оптовые таксы на песок, с тем только отличием, что за основание таксы надлежало брать те твердые цены на сахар-рафинад, по коим Центральное Бюро предоставляло рафинад в распоряжение местного уполномоченного.

Такова была, согласно инструкции, система определения оптовых такс. Что касается розничных цен, то для исчисления их необходимо было лишь:

а) прибавить к оптовой таксе стоимость доставки товара из оптового склада в торговое помещение розничного торговца и накладные расходы по розничной торговле (содержание служебного персонала, стоимость упаковки при отпуске товара покупателям, провес и т. д.), б) вычесть побочные доходы, связанные с розничной торговлей, как, например, стоимость остающихся в пользу розничных торговцев мешков и т. д., и в) прибавить прибыль, обычную для розничной торговли сахаром.

Содействие сахарной промышленности.

Об'единив в своих руках продажу по твердым ценам всего вырабатываемого в стране сахара, сосредоточив в одном центральном органе—Киевском Центральном Бюро по об'единению закупок сахара—распределение сахара между отдельными потребительными рынками, правительство приняло, вместе с тем, меры к содействию сахарной промышленности в приобретении ею необходимых, обеспечивающих правильный ход сахарного производства, элементов.

Первостепенное значение принадлежит в этом отношении рабочему вопросу. В 1915—16 г. постановка его страдала многими весьма существенными недостатками: ощущалась недостача рабочих рук как при посевных работах, мотыжении, прореживании свеклы, возке и копке ее, так равно и на заводах при сокодобывании и производстве сахара. При этом наблюдался недочет как общих рабочих, так и специалистов-машинистов, токарей, слесарей, колеровщиков, фильтровщиков, паковщиков и т. д.

Центральным Бюро неоднократно возбуждались ходатайства перед соответствующими учреждениями об освобождении женщин и подростков от окопных работ в районах возделывания свекловицы, и ходатайства эти встречали весьма часто удовлетворение. Менее удачно обстояло дело с военно-обязанными рабочими-мужчинами: ходатайства о предоставлении им отсрочек удовлетворялись лишь в весьма немногих случаях.

С наступлением периода сахароварения 1916—17 г. рабочий вопрос достиг очень большой остроты. Вследствие недостатка рабочих рук и перевозочных средств, несмотря даже на чрезвычайно повышенную заработную плату, сбор свекловицы и доставка ее на заводы стали испытывать значительные задержки. Так, согласно данным Главного Управления неокладных сборов на 21 октября 1916 г., на заводы было доставлено 26.545.243 берк. свеклы и ожидалось 30.870.215 берк., тогда как в 1915 г. на то же число подвоз на заводы выражался в 46.267.995 берк., ожидалось же к доставке 22.542.016 берк.; в 1914 г. соответствующие цифры были 56.901.327 берк. и 20.587.725 берк. Из сопоставления этих цифр можно усмотреть, насколько медленно производилась доставка свеклы на заводы в отчетном году.

Впоследствии была получена возможность использовать для нужд сахарной промышленности труд военнопленных.

В июне 1916 г. потребность в военнопленных для сельско-хозяйственных работ по культуре свекловицы и для работ на заводах заявлена была сахарозаводчиками в размере 8.500 человек. В июле она определялась уже в размере 15.945 человек, в том числе для рафинадных заводов 10.460 и для песочных 5.485. По мере развития свекловодной кампании и нарастания темпа работ по уборке свекловицы, копке и возке, требования сахарозаводчиков шли усиливаясь: в августе они выражались в количестве 10—20 тыс. человек, в сентябре—в 25—30 тыс. человек.

Что касается, в частности, потребности в военнопленных в самом производстве сахара, то она, по первоначальным подсчетам представителей сахарозаводчиков, определена была в 16.270 человек для рафинадной и в 17.000 человек для песочной промышленности. В дальнейшем течении кампании выяснилось, однако, что цифры эти были несколько преуменьшены, так как расчеты сахарозаводчиков на помощь местного населения не оправ-

дались—в связи с возросшей материальной обеспеченностью, сельское население шло на работы весьма неохотно. Представлялось, таким образом, необходимым довести общую цифру потребного сахарной промышленности количества рабочих до двойного размера против первоначальных исчислений.

Что касается самого отпуска военнопленных, то он начался в июле, когда было предоставлено 4.970 человек по ходатайствам 14 отдельных заводов. Удовлетворение требований встречало значительные затруднения в виду того, что данные ведомством земледелия наряды на военнопленных для сельско-хозяйственных работ превышали на много тысяч имевшийся в пределах внутренних военных округов контингент трудоспособных пленных. Все вновь поступавшие требования удовлетворялись поэтому постепенно. Приходилось, кроме того, считаться с отливом значительного количества пленных для срочных работ железнодорожных и каменноугольных.

Острота, которой достиг рабочий вопрос в сахарной промышленности, побудила министра земледелия просить председателя Совета Министров внести вопрос относительно обеспечения сахарных заводов рабочими военнопленными на обсуждение Особого Совещания по об'единению мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла. 25 августа состоялось постановление Совета Министров, согласно которому в распоряжение Ц. Б. должны были быть переданы 15 тыс. человек военнопленных, снятых с сельско-хозяйственных работ в Харьковской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Подольской и Киевской губерниях.

Предоставленных 15 тыс. оказалось, однако, недостаточно, тем более, что снятие их с сельско-хозяйственных работ происходило с большими задержками, так что поступление их на заводы не могло осуществиться ранее начала или даже середины октября. Между тем, потребность в рабочих ощущалась незамедлительная. Министр земледелия обратился поэтому в половине сентября в Совет Министров с ходатайством о дополнительном отпуске хотя бы 15 тыс. рабочих военнопленных для сахарных заводов. Ходатайство это не получило удовлетворения. В октябре, однако, военное ведомство признало возможным сделать срочное распоряжение о безотлагательном командировании для сахарной промышленности выздоравливающих нижних чинов московского и одесского военных округов. Ходатайство относительно аналогичного распоряжения по киевскому военному округу было также удовлетворено. Вместе с тем, однако, по распоряжению военного ведомства, в некоторых губерниях (Волынь, Бессарабия и др.) с сельско-хозяйственных работ, а в том числе и со свекловичных плантаций было снято для надобностей военного ведомства до 30% общего числа рабочих.

В результате общее положение рабочего вопроса продолжало в октябре оставаться крайне напряженным. Особенно сильные затруднения испытывали владельцы свекловичных плантаций в Подольской, Киевской и смежных с ними губерний. Для спасения значительной части урожая свекловицы помощь требовалась незамедлительная. Новое ходатайство перед председателем Совета Министров и военным министром о предоставлении свекловичным плантациям и сахарным заводам потребного количества военнопленных перед всеми другими нарядами повело к тому, что из дарницкого распределительного лагеря разрешено было отпустить Центральному Бюро 35 тыс. человек. Передача военнопленных сахарным заводам продолжала, однако, происходить с большими задержками, так что за трехнедельный срок к 18 октября оказалось возможным сдать на сахарные заводы всего лишь 4.235 человек военнопленных.

Кроме приведенных цифр отпуска, в распоряжение Ц. Б. назначено было в октябре 1916 г. еще 7.500 человек военнопленных из Таврической и Волынской губерний.

В общей сложности за летние и осенние месяцы получено было, таким образом, разрешение на отпуск свыше 62.000 человек, не считая предоставленных выздоравливающих команд, что явилось бы вполне до-

статочной цифрой для удовлетворения нужд сахарной промышленности; между тем до конца октября 1916 г. из этого количества было отправлено на заводы всего 20.000 человек.

Согласно собранным Центральным Бюро данным, к концу ноября на песочных заводах работало 8.247 военнопленных, на рафинадных заводах 2.887 человек и на с.-хоз. работах по копке свекловицы было 9.367 человек. В общей сложности число переданных сахарной промышленности военнопленных определялось к началу декабря в 23.449 человек.

В деле содействия сахарной промышленности внимание Особого Совещания было, далее, привлечено вопросом об искусственных удобрениях. Сокращение площади свекловичных посевов, понижение выработки сахара ниже уровня наблюдавшегося спроса, необходимость ввоза сахара иностранного происхождения для покрытия в полной мере потребности внутреннего рынка—все это настоятельно выдвигало вопрос о необходимости мероприятий по улучшению культуры свекловицы и повышению урожайности посевов.

Достигнуть повышения урожайности возможно только путем усиленного применения минеральных удобрений, и в этом отношении наша сахарная промышленность оказалась, со времени открытия военных действий, в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Дело в том, что наши суперфосфатные заводы вынуждены были частью сократить, частью же совершенно прекратить свое производство, и в результате общее предложение суперфосфата понизилось на нашем внутреннем рынке весьма значительно.

До войны общее производство русского суперфосфата выражалось в приблизительной цифре 6 милл. пудов; ежегодное же потребление внутри страны составляло около 18 милл. пудов. Недостававшие 12 милл. пудов ввозились к нам из Германии. К началу войны на складах и заводах оставались незначительные запасы, которые были быстро израсходованы. Небольшое же количество суперфосфата, вырабатываемого из кислотных остатков на военных заводах взрывчатых веществ, не могло удовлетворить настоятельной потребности свекловичных хозяйств в удобрении, которая к тому же за годы войны сильно повысилась в связи со скудным удобрением полей минеральными туками. Сильно сократились также у сельских хозяев запасы навоза вследствие понижения количества скота в хозяйствах, примыкающих к фронтам, каковыми являются большинство свекловодных хозяйств. При этих условиях перспективы русского свекловодства представлялись в довольно неутешительном виде, в виду того, что отсутствие или недостаток применения минеральных удобрений понижали производительность свекловичных посевов, приблизительно, на 30%.

В общей сложности требовалось на 1917 г. не менее 6 милл. пудов суперфосфата и 5 милл. пудов томасшлака. Ожидалось, что наши суперфосфатные заводы могут выпустить на рынок, при самых благоприятных условиях, не более 3 милл. пудов, а томасфосфатные заводы, приблизительно, тоже 3 милл. пудов. Недостающие 3 милл. пудов суперфосфата представлялось желательным покрыть ввозом из Японии, недостающие же 2 милл. пудов томасшлака заменить, хотя бы в известной части, тоже японским суперфосфатом. Очевидно было, что, с точки зрения народно-хозяйственных интересов, предпочтительнее было произвести ввоз минеральных удобрений, повышающих производительность почвы, чем прибегать ко ввозу иноземного сахара с риском ослабить наш торговый баланс и увеличить сумму платежей заграницей.

Стоимость японского суперфосфата исчислялась в следующих цифрах (в. рублях и коп. за пуд):

Цена cif Владивосток	1 р. 85 к.
Пошлина	— „ 7,5 к.
Выгрузка с парохода и погрузка в вагоны . .	— „ 13 к.
Провоз от Владивостока до Киева по льготному провозу для искусственных удобрений . .	— „ 72 к.
Итого франко-станция назначения	2 р. 77,5 к.
Или франко-вагон Владивосток	2 „ 05,5 к.

Так как потребность свекловичных посевщиков в удобрении должна быть удовлетворена заблаговременно, причем крайним сроком является февраль, когда обычно в Киеве производились контракты, связанные с культурой свекловицы, и определились размеры свекловичных посевов, то закупки суперфосфата начались в Японии с начала кампании 1916—17 г. К концу сентября во Владивостоке скопилось уже до 1 милл. пудов японского суперфосфата и ожидались новые доставки до 2 милл. пудов. При крайней дороговизне хранения грузов во Владивостоке и отсутствии специальных помещений, что влекло за собою потерю суперфосфатом содержимой фосфорной кислоты, настоятельной являлась незамедлительная перевозка этих запасов на места назначения. Предоставленная распорядительным комитетом по железнодорожным перевозкам норма ежедневной погрузки из Владивостока, начиная с 1 октября в количестве 6 вагонов, оказалась далеко недостаточной: она давала возможность перевезти до февраля 1917 г. всего около 806 тыс. пудов. Разрешение это действовало к тому же только до ноября, а затем было отменено. В ноябре была разрешена перевозка 5 вагонов ежедневной погрузки сроком по 1 февраля 1917 г. с внеочередностью по группе Аз 4 с Самаро-Златоустовской жел. дороги от суперфосфатного завода земства и министерства земледелия в адрес общественных организаций, учреждений министерства земледелия и частных хозяйств. Но эта чисто местного характера перевозка не привела к разрешению вопроса. Общее положение продолжало оставаться затруднительным.

Во второй половине ноября, с накоплением во Владивостоке значительного количества закупленного суперфосфата и необходимостью обеспечить свекловодное хозяйство хотя бы минимальным необходимым количеством удобрительных веществ, Особое Совещание возбудило ходатайство об установлении до 1 февраля 1917 г. ежедневной нормы погрузки из Владивостока не менее 10 вагонов в адрес по указанию Киевского Центрального Бюро. Ходатайство это, однако, не было удовлетворено, и с начала ноября по конец 1916 г. погрузок суперфосфата из Владивостока больше не производилось.

Весьма много забот доставил в отчетном году, и особенно в последней трети его, органам, взявшим на себя задачу регулировать сахарную промышленность, вопрос о снабжении рафинадных заводов достаточным количеством песка.

Особое Совещание вошло во временный комитет по железнодорожным перевозкам с проектом плана подвоза песка, выработанным Центральным Бюро при участии общества сахарозаводчиков и бюро рафинеров. План этот охватывал, в общей сложности, перевозку песка для 39 заводов в количестве 70.080.000 пуд.; в частности, для начала кампании, с 15 сентября по 15 ноября 1916 г., план обнимал перевозку 15.595 вагонов по группе Аз 4.

В распорядительном комитете проект этот полного удовлетворения не получил: комитет утвердил на указанный срок план подвоза песка по группе Аз 4 в количестве только 7.210 вагонов, в том числе для Юго-Зап. жел. дорог 5.070 ваг., для южных под'ездных путей 1.380 ваг., для Подольской линии 413 ваг., Либаво-Роменской линии 300 вагонов, для Новозыбковского под'ездного пути 30 ваг.; что же касается подвоза песка по прочим железным дорогам, как-то: Южным, Московско-Киево-Воронежской, Северо-Донецкой, Юго-Восточной, Сызрано-Вяземской и Белгород-Сумской, то им предоставлена была внеочередность на срок с 16 октября по 1 декабря по Глаголю.

Такое решение вопроса вызвало большие затруднения в рафинадном производстве центрального района и внесло осложнения и задержку в дело снабжения сахаром населения ряда губерний. Дело в том, что внеочередность по группе Глаголь совершенно не обеспечивала регулярной погрузки песка. Частые запрещения погрузки ниже Аз 4 угрожали остановкой Даниловскому, Московскому, а также Харьковскому, Тульскому, Павловскому и ряду других рафинадных заводов. На заводах этих имелось топливо, были

рабочие, материалы и все прочее, необходимое для открытия кампании, не было лишь сахара-песка.

Средняя месячная выработка рафинада исчислялась для Даниловского завода в 150 тыс. пудов, для Московского завода в 175 тыс. пудов, для Харьковского завода в 210 тыс. пудов и для Тульского в 170 тыс. пудов. При столь значительной выработке дальнейшая задержка в погрузке песка угрожала серьезнейшими затруднениями в снабжении армии и населения рафинадом.

В виду приведенных соображений, комитетом по железнодорожным перевозкам внеочередность перевозки песка для рафинадных заводов была на остающуюся (с 11 октября) часть октября повышена до Аз 4 для дорог Южных, Киево-Воронежской, Северо-Донецкой, Юго-Восточных, Сызрано-Вяземской и Белгород-Сумской. Общий итог наряда по Аз 4 выражался для перечисленных дорог количеством в 2.096 вагонов.

Несмотря, однако, на указанное повышение внеочередности, погрузки на названных линиях, особенно же на линии Московско-Киево-Воронежской, продолжали испытывать в октябре значительные затруднения вследствие частых случаев неподачи вагонов и конвенционных запрещений.

Обстоятельство это не только сильно стесняло выработку рафинада, но вносило, вместе с тем, серьезные задержки и в работу песочных заводов, с коих по принятому плану назначался песок для рафинадных заводов, так как все складочные помещения этих песочных заводов были переполнены песком.

С прекращением 1 ноября внеочередности по Аз 4, погрузки по названным дорогам приостановились; 2 ноября последовало, однако, утверждение плана перевозок на срок до 15 ноября, причем для всех дорог, при общей сумме перевозок в 2.293 вагона, была предоставлена внеочередность по Аз 4. План, охватывающий дальнейший период—с 15 ноября 1916 г. по 15 января 1917 г.—тоже при условии предоставления всем дорогам внеочередности Аз 4, был утвержден распорядительным комитетом 12 ноября.

Перевозка песка для рафинадных заводов была, таким образом, в ноябре—декабре обеспечена. Между тем, выполнение ноябрьского плана оказалось далеко неудовлетворительным по своим результатам.

Особенно сильные задержки испытывала перевозка на Южных дорогах, отчасти вследствие запоздания утверждения плана, а отчасти и вследствие неоднократных случаев прекращения погрузок по Аз 4.

В общей сложности по этим дорогам в декабре могло быть использовано лишь половинное количество предоставленных вагонов. На Юго-Западных дорогах, в связи с размерами и условиями воинских перевозок, погрузка грузов местного сообщения также прекращалась в ноябре неоднократно до Аз 2. Таким образом, регулярное выполнение плана перевозок песка для рафинадных заводов, причисленных к 4 разделу группы Аз, было в ноябре крайне затруднено, а временами становилось и совершенно невозможным.

Особенно сильно страдали от неподачи песка в ноябре два одесских завода, а затем ряд других, как-то: Черкасский, Киевский, Гниваньский.

Помимо рабочего вопроса и перевозок, крупные осложнения в регулярное течение работ на сахарных заводах внес недостаток топлива. Значительное, по сравнению с предшествовавшим годом, сокращение выработки рафинада в 1915—16 г. было вызвано именно приостановкой снабжения рафинадных заводов минеральным топливом, вследствие уменьшения пропускной способности железных дорог и прекращения действия большинства рафинадных заводов еще в декабре 1915 г. Запрещение погрузки угля и подвоза к рафинадным заводам сохранилось в силе до марта 1916 г. Снабжение армии рафинадом переживало в это время один из наиболее затруднительных своих моментов. В марте 1916 г., в результате ряда ходатайств Центрального Бюро, Особое Совещание по топливу разрешило производить

доставку топлива на сахарные заводы, но лишь на те, которые вырабатывали рафинад для армии.

Во второй половине марта вопрос этот обсуждался снова в совещании пяти министров, причем признано было необходимым совершенно прекратить снабжение рафинадом населения с тем, чтобы все производство его шло исключительно на армию.

Не меньшие затруднения испытывало и снабжение топливом песочных заводов. В общем за полугодие январь—июнь 1916 г. сахарные заводы получили донецкого топлива меньше, чем когда бы то ни было за предшествующие годы. Следующая таблица, составленная техническим отделом при киевском уполномоченном по топливу, обрисовывает общее снабжение сахарных заводов топливом в первой половине 1916 г. (в миллионах пудов):

	Первая половина года: 1914	1915	1916
Антрацит	2,68	12,56	18,61
Уголь	37,09	11,08	18,61
Кокс	0,56	0,19	0,06
Брикеты	0,01	—	—
Всего	40,34	23,83	22,00

Характерным в приведенных данных является возрастание потребления антрацита за счет угля и кокса, перешедших к более привилегированным потребителям.

Из полученных заводами за первое полугодие 22 миллионов пудов минерального топлива значительная часть его была израсходована на текущие потребности—рафинировку, завершение кампании песочных заводов, а равно и на летний ремонт. Остаток, пошедший на образование запаса топлива для нового периода 1916—17 г., пришлось усиленно пополнять в течение последующих месяцев, начиная с июля.

Все дело распределения минерального топлива между сахарными заводами страны было во второй половине отчетного года сосредоточено в руках киевского районного уполномоченного по минеральному топливу. Всем сахарным заводам была разослана форма ежемесячных заявлений для выяснения необходимых при установлении нормы потребления топлива данных. Наиболее ценными в этих заявлениях данными должны были быть сведения о количестве свеклы, переработанной в 1915—16 г. и предполагаемой к переработке в 1916—17 г., и ожидаемый расход топлива. Ответов поступило 191, и заявленная на всю кампанию 1916—17 г. потребность этих 191 завода выразилась в 58.134.000 пуд. антрацита и 58.251.000 пуд. дров.

Насколько можно судить по нижеследующим цифровым данным, она явилась преувеличенною даже по сравнению с мирным временем.

	Топливо, в тыс. пуд.: Уголь и антрацит.	Дрова.	Свекла, в тыс. 12-пуд. берковц.
1913—14 г.	49.985	10.603	47.890
1915—16 „	35.952	72.746	48.549
1916—17 „	58.134	58.251	62.132

Прежде всего, являлось преувеличенным заявленное к выработке количество свеклы. Базироваться при распределении топлива только на заявленной заводами потребности возможным не представлялось.

Основываясь на фактическом расходе топлива в 1915—16 г., киевским уполномоченным была установлена норма для 191 завода, приславших заявления о потребности в топливе в 38.429.000 пуд., превосходящая фактический расход минерального топлива за 1915—16 г., примерно, на 10%. Принимая во внимание всю трудность массовых перевозок вследствие перегруженности путей сообщения, а также затруднения по заготовке и закупке

топлива в Донецком бассейне, было при этом принято как общее правило, что установленная для данного завода норма выполняется ежемесячными назначениями равными партиями до конца года, при том предположении, что запас, образовавшийся на заводе за летние месяцы, обеспечит производство от случайностей снабжения в течение самой кампании.

Исходя из величины запасов топлива на заводах на 1 июля в 11,87 милл. пуд., общая потребность доставки топлива на 191 завод до конца кампании 1916—17 г. выразилась в 24,08 милл. пуд., а ежемесячная потребность определилась в 4 милл. пуд.

Принимая во внимание, что общее число сахарных заводов страны (за исключением Привислинских губ. и Холмской губ.) составляло 240, норма доставки топлива на июль была повышена до 7 милл. пудов антрацита (из коих 6 милл. пудов для сахарных и 1 милл. пудов для рафинадных заводов).

В выработанный порядок месячных назначений топлива были внесены поправки в зависимости от присущих тому или иному заводу особенностей по снабжению или доставке; так, например, заводы, удаленные от станций железных дорог на 16—43 вер., получили на июль двойное назначение топлива, а те заводы, которые были удалены от станций на 10—15 верст гужевого пути, получили такие же двойные назначения, но уже по серии Буки. Далее, чтобы дать заводам, расположенным по близости р. Днепра, возможность воспользоваться смешанными железнодорожными и водными перевозками и, таким образом, способствовать разгрузке подвижного состава железных дорог, им были предоставлены двойные месячные нормы топлива. Наконец, было немало заводов, главным образом, из числа работавших на дровах, которым до выполнения нормы оставалось получить несколько вагонов; между тем, ежемесячные назначения по одному, двум вагонам частью плохо выполнялись, частью лишь загромождали распределительные списки. Таким заводам назначение давалось единовременное (на июль), после чего удовлетворенные топливом заводы снимались с учета.

Вот те основания, которые были приняты киевским районным уполномоченным при распределении топлива между сахарными заводами страны. Распределение было произведено при участии представителей Центрального Бюро, а также Всероссийского общества сахарозаводчиков.

Помимо перечисленных выше вопросов—транспортного, рабочего, топливного, удобрительного, чрезвычайные затруднения причинял нашей сахарной промышленности ремонт и оборудование мастерских и трудность приобретения разного рода необходимых для этой цели металлических предметов. Особенно остро обстоял вопрос с ремонтом тех машин и механических приборов, изготовление коих или всецело производится заграницей, или же требует материалов, составляющих предмет ввоза. К категории таких машин и приборов надо отнести паровые и электрические турбины, запасные части к ним, паровые котлы и материалы для их изготовления, диффузионные ножи и ряд мелких предметов, как, например, напильники, водомерные стекла и т. п.

Обычным порядком в деле приобретения всех подобного рода готовых металлических предметов, а также и невыделанных металлов являлось обращение сахарных заводов к Центральному Бюро за удостоверениями в том, что они работают на нужды обороны; удостоверения эти представлялись в подлежащие заводские совещания для исходатайствования разрешений на приобретение необходимых для ремонта или оборудования предметов. По ходатайству Особого Совещания по продовольственному делу, этот порядок был заменен распространением на сахарные заводы общей имперской разверстки металлов между промышленными предприятиями. Главный уполномоченный по снабжению металлами признал возможным, начиная с ноября 1916 г., принимать во внимание при общеимперском распределении металлов нужды сахарной промышленности согласно установленному для имеющих государственное значение отраслей промышленности порядку. Для

потребностей каждого довольствующего нужды обороны ведомства и для крупнейших потребностей государственного значения предоставлялось, согласно этому порядку, известное количество определенных сортов металла для распределения подлежащим ведомственным учреждением между отдельными потребителями.

В соответствии с составленной Центральным Бюро ведомостью, предоставленная главным уполномоченным по снабжению металлами доля ежемесячного участия сахарных заводов в общеимперской разверстке выразилась на период с декабря 1916 г. по февраль 1917 г. в количестве 22.650 пуд. железа. Вместе с тем, был передан соответствующий заказ Продамете, подробные технические условия которого сахарным заводам - потребителям предоставлялось сообщить районным уполномоченным и тем заводам, на которых должно было изготовляться потребное железо. Получение металла с заводов стало производиться по удостоверениям, которые выдавались Центральным Бюро, по определению соответствия потребности завода с заявленным им количеством железа и по выяснении неотложности удовлетворения нужд, на каковые испрашивалось железо.

В числе мероприятий по содействию сахарной промышленности необходимо, кроме того, упомянуть о мерах, предпринятых в связи со снабжением сахарных заводов мешками.

В этом направлении был произведен ряд реквизиций поступивших во Владивосток джутовых мешков и, кроме того, сделаны обширные заказы на мешки в Англии через посредство русского правительственного комитета в Лондоне.

Необходимо при этом отметить, что международной комиссией в Лондоне был установлен особый порядок закупок, устраняющий возможность повышения цен. В этих же видах правительством Индии был воспрещен вывоз джутовых мешков и тканей куда бы то ни было помимо Великобритании. При этом со стороны английского правительства было высказано, в качестве непременного условия, пожелание, чтобы все заказы направлялись установленным порядком, исключающим возможность сношений между производителями и частными подрядчиками.

В течение 1915 и 1916 гг. министерством земледелия было, таким образом, при посредстве английского правительства, помимо мешков для зерна и муки, заказано 4 милл. мешков, пригодных под насыпку сахара, размером 28 на 40 дюймов (или других размеров той же емкости), весом 36 пуд. в тысяче штук. Окончательная цена, по которой были заключены заказы (причем фрахт был исчислен в 0,547 пенс. за мешок, включая страховку от военного и морского риска), составила 5,83 пенса за штуку. Мешки были закуплены по курсу 9 р. 47 к. за ф. ст. Если же принять курс в 15 р. за ф. ст., стоявший в 1916 г., что составит 6,25 к. за пенс, стоимость мешков выразилась, таким образом, франко Владивосток в 34,44 к. за штуку. При увеличении на 20% (в порядке ст. 3309 „Собр. Узак. и Расп. Прав.“ от 14 декабря 1914 г., за № 347) стоимости при реквизиции их во Владивостоке, цена мешка определилась в 43,73 к. за штуку.

Доставка закупленных мешков шла весьма слабо. Согласно данным Центрального Бюро в Киеве, из 12.409.500 мешков, на которые был дан наряд для отправки из Владивостока, что составляло, приблизительно, 501 вагон, до октября 1916 г. было отправлено всего 288 вагонов, а прибыло в районы производства сахара 213 вагонов. По документам мешков, прибывших из Владивостока, значится 4.131.800 штук, из них принято заводами 3.994.791 штука, забраковано 130.657 штук и обнаружена недостача 6.052 штук.

В заключение обзора мероприятий, осуществленных в 1916 г. по содействию сахарной промышленности, необходимо остановиться еще на попытках организации финансовой поддержки сахарным заводам. Вопрос этот возник в связи с образованием Центрального Бюро в Киеве и сосредоточением в его руках всех закупок сахара.

Дело в том, что с момента, как выпуск сахара с заводов стал допускаться не иначе, как с разрешения Центрального Бюро, владельцы заводов лишились возможности реализовать запасы сахара по своему усмотрению и обязаны были держать его на заводах до того момента, когда, по плану снабжения страны сахаром, они получали от Центрального Бюро наряд на погрузку сахара. Лишь тогда производился с заводами наличный расчет против дубликата.

Лишившись обычного источника оборотных средств, сахарозаводчики вошли с ходатайством о выдаче им ссуд под залог лежавшего на заводских складах сахара.

Собственно, при нормальных условиях в до-военное время отношение Государственного Банка к операции выдачи ссуд под сахар было скорее отрицательное, в виду того обстоятельства, что, во-первых, отечественная сахарная промышленность находилась за ряд последних лет в исключительно благоприятных, созданных нормировочной системой, условиях, и что, во-вторых, сахарозаводчикам оказывалась Государственным Банком серьезная поддержка в форме учета и покупки векселей. В исключительных же случаях—как то наблюдалось в 1907 г. (правила 23 ноября 1907 г.)—Государственный Банк не отказывал сахарозаводчикам и в выдаче подтоварных ссуд. После открытия военных действий ссуды под сахар были разрешены в октябре 1914 г., но не достигли большого развития.

К данному ходатайству сахарозаводчиков Государственный Банк отнесся, однако, вполне сочувственно. Впрочем, при обсуждении проекта выдачи ссуд под сахар, вопрос осложнялся возникшим предположением о разрешении приема в залог сахара, не только находившегося на заводских складах, но и перевозившегося по железным дорогам в адрес местных уполномоченных председателя Особого Совещания по продовольственному делу. С этой целью Совет Государственного Банка полагал необходимым, в обеспечение интересов Банка, устранить возможность выдачи сахарных грузов получателю до погашения Центральным Бюро упадающей на них ссуды. Поэтому, и приняв во внимание невозможность замены именных дубликатов на сахар пред'явительскими, Совет Государственного Банка вошел в Особое Совещание по перевозкам с представлением об установлении порядка выдачи железными дорогами сахарных грузов, пересылаемых по именным документам в адрес уполномоченных, лишь по пред'явлении последними дубликатов накладных. Особое Совещание по перевозкам признало, однако, что положительное решение возбужденного Советом Государственного Банка вопроса требовало издания нового закона в отступление от действующих по сему предмету узаконений.

Вторичное обращение Особого Совещания по продовольственному делу к Государственному Банку с запросом, не представилось ли бы возможным разрешить вопрос о ссуде под заводские запасы вне зависимости от ссуд под перевозимый по железной дороге сахар, привело уже к положительным результатам, и 3 августа 1916 г. киевской конторой Государственного Банка было получено разрешение производить операцию ссуд под сахар.

Основные положения выработанных Советом Государственного Банка по этому вопросу правил сводились к следующему:

1. Ссуды под сахар (песок и рафинад) выдаются сахарозаводчикам в размерах, не превышающих действительной потребности заводчиков в оборотных средствах.

2. Ссуды под песок, не оплаченный акцизом, выдаются песочным и песочно-рафинадным заводам по правилам 23 ноября 1907 г.

3. Ссуды под рафинад выдаются рафинадным заводам по общим правилам ссуд под товары 22 декабря 1894 г. в лично-вещной форме.

4. Размер ссуд как той, так и другой категории не должен превышать 75% установленных Особым Совещанием по продовольственному делу твердых цен (без включения, однако, в стоимость песка акциза, в случаях, когда он еще не оплачен).

5. Срок ссуды не свыше 3 месяцев с допущением отсрочек без обязательного частичного погашения ссуды; общая продолжительность пользования ссудой не должна превышать 6 месяцев.

6. Ссудный процент взимается в общеустановленном для прочих, кроме сельско-хозяйственных, товаров размере, т. е., впредь до изменения, 7% годовых.

7. Предварительно выдачи ссуды, учреждение Банка отбирает от заемщика подписку о согласии его на сообщение о выданной ему ссуде Центральному Банку и на удержание последним означенной ссуды с процентами и другими расходами из причитающихся заемщику платежей за выпускаемый сахар.

8. Учреждение Банка, выдав ссуду, незамедлительно уведомляет о сем киевскую контору Банка, которая сообщает указанные сведения Центральному Бюро; такие же уведомления контора посылает Бюро и о ссудах, выданных собственным ее распоряжением.

9. Центральное Бюро, предварительно дачи заводчику наряда на выпуск заложенного в Государственном Банке сахара, вносит в киевскую контору причитающуюся Банку для освобождения сахара от залога сумму. По погашении таким порядком всей или части ссуды киевская контора, по ссудам, выданным собственным распоряжением, освобождает от залога надлежащее количество сахара, по ссудам же другого учреждения Банка уведомляет таковое для соответствующего уведомления.

10. От заемщика отбирается обязательство, в коем указывается, что выпуск заложенного сахара по наряду Центрального Бюро может быть произведен заемщиком лишь с разрешения учреждения Банка, выдавшего ссуду.

Кроме Киевской конторы, операция ссуд под сахар была разрешена Государственным Банком: Московской, Одесской, Самарской и Харьковской конторам, а также Армавирскому, Винницкому, Воронежскому, Житомирскому, Каменец-Подольскому, Кременчугскому, Курскому, Орловскому, Полтавскому, Роменскому, Сумскому, Тамбовскому, Тульскому, Херсонскому и Черниговскому отделениям.

Эта первоначальная стадия организации финансовой поддержки сахарной промышленности логически повлекла за собою стремление сахарозаводчиков развить ее по двум направлениям, определенно обозначившимся в Совещании при Центральном Бюро 8 августа 1916 г.: 1) облегчения владельцам сахарных заводов получения ссуд под сахар, помимо Государственного Банка, и в частных банках и 2) принятия на себя Центральным Бюро особых функций по обеспечению сделанных сахарозаводчиками займов.

Первое из этих пожеланий основывалось на том соображении, что Государственный Банк, сколь бы широко не развивал своей деятельности в пределах устава, не в состоянии был в полной мере разрешить поставленную перед ним организацией выдачи ссуд задачу. Участие его в финансировании сахарной промышленности испытало к тому же, с учреждением Центрального Бюро, значительное сокращение. Действительно, в до-военное время операции Государственного Банка по покупке векселей, выдаваемых рафинадными заводами песочным в уплату за купленный песок и в виде авансов, достигали десятков миллионов рублей. В связи же с покупкой песка через Центральное Бюро они значительно сократились.

Что же касается второго пожелания сахарозаводчиков, то оно естественно вытекало из того обстоятельства, что после сосредоточения всех расчетов за производимый заводами сахар в Центральном Бюро оно оказалось единственным плательщиком за сахар всем заводам страны. При таком положении оно было бы в состоянии, по совместному ходатайству, с одной стороны, Банка, с другой — владельца сахарного завода, выдавать Банку удостоверение в том, что определенная сумма бу-

дет им уплачена Банку в погашение выданной последним владельцу завода ссуды.

Оба эти ходатайства были внесены на обсуждение комиссии, образованной при министерстве финансов в составе представителей заинтересованных ведомств и некоторых коммерческих банков. В двух заседаниях (5 и 12 сентября) комиссия эта подробно обсудила один из поднятых сахарозаводчиками вопросов—относительно получения ссуд из частных банков— и наметила те формы кредитования частными коммерческими банками, при которых они могли бы придти на помощь сахарной промышленности в возможно широких размерах.

Таких форм кредитования комиссия выработала две:

Согласно первой — заводы, пользующиеся от банков авансами, совершают на их имя передачу прав на получение платежей, кои им причтутся за сахар, подлежащих передаче Центральному Бюро, с ведома и согласия коего должны совершаться все такого рода сделки. С своей стороны, Центральное Бюро выдает банкам удостоверение в том, что платежи, кои будут причитаться данному заводу, будут передаваться им непосредственно банку.

Вторая форма кредитования сахарных заводов, являясь дополнительной к первой, имела место в случаях кредитования более слабых в финансовом отношении предприятий. Сущность ее сводилась к тому, что кредитуемый завод выдает банку обязательство, по которому, соответственно оказанному кредиту, часть производства сахара поступает в залог к банку. Последний хранит сахар в заводских складах, снабженных видимыми знаками того, что товар состоит в закладе, и выпускает этот сахар не иначе, как по нарядам Центрального Бюро.

При обеих формах кредита банк определяет максимальный размер допустимого кредита и на позаимствованные суммы берет векселя с двумя подписями.

Засим, обратясь к вопросу о кредитовании сахарных заводов в тех случаях, когда таковое не могло бы иметь места в указанных формах (при отсутствии, например, второй подписи на векселях) или должно было превысить об'ем нормального кредита данного завода, комиссия, „в виду недопустимости, с точки зрения государственных интересов, оставления без оборотных средств сахарных заводов“, признавала необходимым, чтобы в таких исключительных случаях кредитование производилось в особом порядке киевскою конторою Государственного Банка совместно с частными банками на основании устанавливаемых для каждого кредита условий.

Наконец, имея в виду желательность возможного увеличения кредитоспособности сахарных заводов, комиссия остановилась на мысли изменить существующий порядок обеспечения уплаты сахарного акциза.

Разработав вопрос о формах возможного кредитования сахарной промышленности частными кредитными учреждениями, комиссия оставила, таким образом, неразрешенным второе, внесенное на ее обсуждение, пожелание сахарозаводчиков относительно принятия Центральным Бюро особых функций по обеспечению сделанных сахарозаводчиками займов.

В виду, однако, исключительной важности этого второго вопроса, председатель Особого Совещания по продовольственному делу признал необходимым, независимо от того, что вопрос остался в комиссии открытым, преподать Центральному Бюро раз'яснение в том смысле, что выдача им удостоверений банку является вполне целесообразной. В зависимости, однако, от состоявшегося между заводом и банком соглашения, от Бюро зависело выдавать удостоверения не только об уплате им банку определенной суммы, но и всех платежей, причитавшихся данному заводу, за исключением тех случаев, когда на суммы, подлежащие платежу Центральным Бюро, частным банком обращены взыскания со стороны кредиторов владельцев заводов.

Выше было упомянуто, что комиссия, работавшая при министерстве финансов по вопросу о кредитовании, указала на желательность изменения существовавшего порядка обеспечения уплаты сахарного акциза. Этот затронутый комиссией вопрос был снова поднят по ходатайству сахарозаводчиков и Центрального Бюро. Дело в том, что в августе 1916 г., при распределении нарядов на сахар между заводами, Центральным Бюро испытывались большие затруднения в виду того, что многие заводы не располагали достаточными обеспечениями акциза за сахар, подлежавший выпуску на рынок. Выдача же Центральным Бюро авансов сахарным заводам для увеличения их кредитоспособности вызывала значительное сокращение и без того недостаточных оборотных средств названного Бюро.

В виду этих соображений, министром земледелия и был возбужден вопрос о необходимости предоставления Центральному Бюро права давать заводам наряды на сахар также и в тех случаях, когда акциз с сахара не обеспечен представленными залогами или когда предположенный к выпуску сахар числится по заводам в залоге и обеспечивает акциз за выпущенные уже ранее с заводов партии сахара.

Осуществление этого мероприятия, сопряженного с изменением действующего законодательства, было проведено в порядке ст. 87 Основных Законов и получило утверждение 17 сентября 1916 г. Установленная, в виде временной меры, льгота по оплате акцизом выпускаемого с заводов сахара была обусловлена следующим порядком:

1. Выпуск сахара со свеклосахарных и рафинадных заводов может производиться с согласия Центрального Бюро и без предварительной уплаты или обеспечения залогами причитающегося акциза.

2. Причитающийся за этот сахар акциз вносится в казначейство Центральным Бюро по расчету за все количество, удостоверенное выдаваемою акцизным надзором накладною; уплата эта производится за счет имеющих поступить от покупателей платежей.

3. В случае выпуска с завода указанным порядком сахара, состоящего в залоге по обеспечению акциза за сахар, Центральным Бюро уплачивается полностью, одновременно со взносом причитающегося за выпущенный сахар акциза, также сумма акциза, обеспеченная залогом этого сахара.

Ввоз и вывоз сахара.

Вопрос о необходимости ввоза иностранного сахара в Россию возник с наступлением новой кампании 1916—17 г., когда выяснилось, что для покрытия, в пределах даже крайней необходимости, потребности армии и внутреннего рынка ожидается нехватка в 8—9 милл. пудов. Расчет был следующий (в пудах):

I.	Предполагавшаяся выработка 1916—17 г.	70—73 милл. пуд.
	Сахар в местах торговли и временного хранения	1.177.915 „ „
	Остаток свободного сахара на заводах на 1 сент 1916 г.	7.003.145 „ „
	Общая наличность в 1916—17 г.	78—82 милл. пуд.
II.	Предполагаемый расход на население и армию	88.075.000 „ „
	Вывоз заграницу (Финляндию, Персию, Румынию)	2.000.000 „ „
	Сахар в неокончат. выделанных продуктах	1.000.000 „ „
	Общая потребность в 1916—17 г.	91.075.000 „ „
III.	Недостающее количество	8—9 милл. пуд.

Таким образом, для покрытия нужд страны до новой кампании 1917—18 г. надлежало выписать из заграницы около $8^1/_2$ милл. пудов сахара; принимая, однако, во внимание, что сахар новой выработки обычно поступает в достаточном количестве только к 15 сентября, приходилось добавить еще хотя бы полумесячный запас, т. е. еще около 3 милл. пуд.

Надлежало, таким образом, допустить ввоз из заграницы в количестве не менее 12 милл. пудов. Последовавшее 10 октября 1916 г. разрешение установило в качестве предельной цифры ввоза для периода 1916—17 г. 20 милл. пудов.

Для обсуждения вопросов, связанных со ввозом сахара, было созвано междуведомственное совещание и образована особая комиссия, которая в результате своих работ пришла к следующим основным заключениям:

1. Беспошлинный ввоз сахара должен допускаться не иначе, как по отдельным разрешениям министерства земледелия, по обсуждении в междуведомственной комиссии, с участием представителя Особенной Канцелярии по кредитной части, причем в каждом отдельном случае должны быть точно установлены как порядок и способ расчета с заграницей, так и условия, которые должны быть поставлены импортеру в целях обеспечения своевременного использования разрешения на ввоз сахара.

2. Ввозимый сахар должен поступать в распоряжение уполномоченных председателя Особого Совещания по продовольственному делу и подчиняться порядку распределения, установленному для сахара внутреннего производства.

3. Разрешенное ко ввозу количество (20 милл. пудов) не может быть использовано полностью, потому что: а) перевозки из Владивостока на дальние расстояния невозможны, и б) ввоз в северные порты возможен лишь с начала июня. Практически представляется осуществимым ввезти около 1½ милл. пудов во Владивосток и Николаевск на Амуре для распределения в Приморской и Амурской областях и 8—10 милл. пудов с 1 июня в Архангельск для северных губерний (конечные пункты — Петроград, Москва, Екатеринбург).

Комиссия особенно отметила необходимость применения такого способа закупки сахара заграницей, который бы не требовал выбрасывания русских рублей на мировой рынок до конца войны, поэтому признала необходимым отвергать предложения отдельных частных лиц и коммерческих предприятий продавать сахар в русской валюте или доставлять иностранную валюту против краткосрочных обязательств Государственного Казначейства. Так как в заседаниях комиссии было особенно подчеркнуто, что иностранная валюта совершенно не может быть предоставлена министерством финансов, то комиссия полагала, что частные торговцы и фабриканты могли бы под контролем Особенной Канцелярии по кредитной части изыскать такие способы расчета с продавцами сахара, которые были бы приемлемы с точки зрения валютной политики правительства.

В соответствии с этим постановлением комиссии, в управление делами Особого Совещания по продовольственному делу 1 ноября 1916 года было подано ходатайство о ввозе сахара от имени московского общества кондитеров и группы петроградских крупных бисквитно-шоколадно-конфектных фабрикантов. В ходатайстве выставлялись следующие условия ввоза:

1) для экономии в провозе сахара, ходатайствовавшие промышленники полагали бы произвести обмен ввезенного сахара на сахар внутреннего производства с тем, чтобы разница в стоимости того и другого была отнесена на их счет;

2) пункты сдачи ввезенного сахара и количество его для каждого пункта должны были находиться в зависимости от указаний управления делами Особого Совещания;

3) расчет за ввезенный сахар должен был производиться по соглашению с Особенной Канцелярией по кредитной части;

4) сдача ввезенного сахара должна была производиться уполномоченным председателя Особого Совещания пуд за пуд сахара внутреннего производства;

5) акциз за иностранный сахар должен был оплачиваться промышленниками по прибытии в порт назначения;

6) для удобства местного населения, ходатайство полагало необходимым ввезти рафинад, который бы обменивался на песок.

Ходатайство это было подвергнуто обсуждению в той же, упомянутой выше, междуведомственной комиссии, которая в принципе признала его приемлемым, причем установила необходимость:

1) чтобы 600 тыс. пудов сахара были отправлены конфектно-шоколадно-бисквитным промышленникам немедленно с тем, чтобы означенное количество было ввезено во Владивосток не позднее 1 января 1917 г.;

2) чтобы, независимо от сего, названные промышленники представили не позже 1 января 1917 г. документы, удостоверяющие закупочные и фрахтовые сделки на все разрешенное количество сахара, гарантированные солидными банками;

3) чтобы отпуск сахара промышленникам производился с таким расчетом, чтобы разность между количествами отпущенного и неполученного в обмен иностранного сахара не превышала ни в коем случае 3 милл. пудов, т. е. контингента, определенного статистическою комиссиею Особого Совещания. Комиссией этой было установлено, что в 1914 г. на конфектных и т. п. фабриках было переработано $4^1/_2$ милл. пудов сахара, а за 8 месяцев 1916 г. количество переработанного сахара составило, приблизительно, 4 милл. пуд., из чего представлялось возможным вывести заключение, что до конца 1916 г. количество этого сахара должно было достигнуть 6 милл. пуд. Исходя из указанных цифр в $4^1/_2$ и 6 милл. пуд., статистическая комиссия признала целесообразным отпустить в 1917 г. на нужды предприятий, перерабатывающих сахар, до 3 милл. пудов;

4) чтобы крайним сроком ввоза этого сахара было принято 1 августа 1917 г.

Кроме того, в целях освобождения Центрального Бюро в Киеве от расходов по закупке сахара для отпуска конфектным фабрикантам, междуведомственной комиссией было постановлено обязать последних уплачивать против дубликата за получаемый сахар, каковая плата им должна была соответственно возмещаться из сумм, долженствовавших поступить от продажи вывезенного иностранного сахара.

В отчетном 1916 г. все отмеченные мероприятия по ввозу сахара в Россию не выходили, однако, из сферы предположений. Соответственные правила, определявшие время, порядок и условия осуществления означенных мер, были опубликованы только 26 января 1917 г. Однако, не ожидая издания этих правил, заинтересованные лица и организации стали направлять в управление делами Особого Совещания по продовольственному делу ходатайства о разрешении ввезти сахар из заграницы, через Владивосток и другие пункты Д. Востока. При этом некоторые из возбуждавших ходатайства указывали на фактическое поступление того или иного количества иностранного сахара во Владивостокскую таможню или на ст. Маньчжурия. Так, например, 6 декабря 1916 г. получено было сообщение от Приамурского т-ва кооперативов о прибытии во Владивосток на имя товарищества 14 вагонов сахара из заграницы для потребления на месте; некий Железняков уведомлял о поступлении на его имя во Владивосток 40 вагонов сахара; другой коммерсант—Фишер—о 160 мешках и т. д.

Согласно телеграфному сообщению Приамурского генерал-губернатора, во Владивостокской таможне скопилось, таким образом, к 28 января 1917 г. уже около 110.000 пуд. ввезенного сахара, который, однако, таможня не имела права выпустить без оплаты пошлиной в виду того, что издание „Правил“, как указано выше, задержалось до 26 января 1917 г.

Вторым, после московских и петроградских промышленников, крупным предложением ввоза сахара в Россию, также с принятием всего излишка стоимости его, по сравнению с русским сахаром, на свой счет, явилось ходатайство Русского Учетно-Ссудного банка в Персии об отпуске

ему до 1.500.000 пудов сахара через Центральное Бюро в Киеве, для продажи в Персии, в целях из‘ятия с персидского рынка части обращавшихся на нем русских бумажных денег и приобретения персидских кранов, т. е. в целях улучшения русско-персидских торговых отношений. Означенное количество русского сахара банк ходатайствовал предоставить ему на условиях ввоза соответствующего количества иностранного сахара за счет банка.

По обсуждении этого ходатайства в междуведомственной комиссии приняты были следующие положения:

1. Предоставить Русскому Учетно-Ссудному банку в Персии право получить через Центральное Бюро в Киеве до 1.500.000 пудов сахара, по возможности марсельских головок, для ввоза в Персию, с обязательством ввезти в Россию из заграницы соответственное количество сахара-песка или рафинада с уплатою за него ввозной пошлины.

2. Ближайшее определение сроков вывоза и ввоза, пунктов сдачи сахара и условий расчета за него определить в договоре министерства земледелия с вышеназванным банком, в соответствии с соглашением по этому вопросу министров земледелия и финансов.

3. Признать желательным сосредоточить весь, без исключения, ввоз сахара в Персии в руках Учетно-Ссудного банка, с упразднением Особого Совещания по вывозу сахара в Персию и с приостановлением действия особых правил о ввозе сахара в Персию по удостоверениям русских консулов, начальников военных отрядов и т. д.

Учетно-Ссудному банку в Персии предоставлено было, таким образом, право ввоза сахара, но с уплатою за него ввозной пошлины. Это последнее обосновывалось тем соображением, что цена на сахар на персидском рынке стояла на весьма высоком уровне, и что банк мог получить от продажи русского сахара весьма солидную выгоду.

Переходя к вывозу нашего сахара заграницу, необходимо остановиться прежде всего на тех изменениях, которые были введены в отчетном году в снабжении сахаром финляндского рынка.

Наравне с Персией, Финляндия считалась издавна нашим естественным импортным рынком, и ввоз в нее русского сахара, согласно положению Совета Министров от 7 апреля 1909 г., определялся наперед на каждый период сахароварения соответственно фактической потребности страны в сахаре. Эти заранее определяемые контингенты вывоза распределялись между нашими сахарными заводами пропорционально их производству в предшествующем периоде, причем заводчики имели право переуступки друг другу своих долей участия в вывозе. Так как, при этом, вывоз сахара в Финляндию представлял известные выгоды, то переуступка вывозных прав („финляндские права“) производилась за известную плату, размер которой определялся общей кон‘юнктурой сахарного рынка и соотношением цен сахара в России и в Финляндии в каждый данный момент. Эти „финляндские права“ являлись удобным об‘ектом спекулятивных операций, причем базировалась спекуляция именно на ограничении вывоза определенным контингентом. Резкое повышательное течение расценки финляндских прав обнаружилось в связи с возникшими осложнениями на нашем внутреннем рынке в 1915 г.; права, стоившие в начале 1915 г. $41^1/_2$ к. с пуда вывозимого сахара, дошли к 15 января 1916 г. до 2 р. 70 к. В результате получилось столь ненормальное положение, что сахар, обложенный внутри России акцизом в 2 р. с пуда, стал обходиться дешевле, чем безакцизный сахар, вывозимый в Финляндию, хотя последний должен бы был обходиться финляндскому обывателю, уплачивающему лишь небольшую таможенную пошлину, дешевле на всю сумму слагавшегося акциза.

Обстоятельство это заставило Финляндский Сенат признать более целесообразным, чтобы свидетельства на разрешение вывоза в Финляндию не выдавались непосредственно сахарозаводчикам, а оставались в распоряжении Центрального Бюро, которое и выдавало бы их сахарозаводчикам по мере приобретения у них сахара и выдачи нарядов на его перевозку.

Цена же на вывозимый в Финляндию сахар должна бы была, по мнению Сената, назначаться согласно действовавшей в России твердой цене за вычетом акциза.

В связи с приведенными соображениями Финляндского Сената и аналогичными, высказанными Особым Совещанием по продовольственному делу, министерство финансов признало необходимым внести существенные изменения в условия и порядок вывоза русского сахара в Финляндию: 23 октября 1916 г. установленный ст.ст. 509 и 973 уст. акц. сб. возврат акциза за вывозимый в Финляндию сахар был отменен, в виду общего недостатка сахара в стране. Мера эта была проведена в порядке ст. 87 Основных Законов. Далее, контингент вывоза в Финляндию на период 1916—17 г. был назначен в 1.500.000 пудов, с тем, чтобы сахар отпускался с заводов только по пред'явлении нарядов Центрального Бюро в Киеве и чтобы сахар направлялся в адрес Финляндского Сената.

По вопросу о величине финляндского контингента надо отметить, что за предшествовавшие периоды контингент назначался в размере 3,3 милл. пудов, фактический же вывоз русского сахара в Финляндию составлял, согласно данным финляндского генерал-губернатора, в 1912—13 г. 2,8 милл. пудов, в 1913—14 г. 2,9 милл. пудов, в 1914—15 г. 3 милл. пудов.

Назначение контингента в прежние годы в размере 3,3 милл. пудов не отражалось ущербом на внутреннем русском рынке, потому что при нормальных условиях русского сахарного производства внутренний рынок был вполне обеспечен сахаром. С последовавшим в 1914—15 г. сокращением выработки сахара контингент на 1915—16 г. был назначен в размере только 3 милл. пудов. Для периода 1916—17 г. цифра эта была, как указано выше, сокращена до 1.500.000 пудов, причем министерство финансов руководствовалось при назначении этой цифры нормами душевого потребления, установленными Особым Совещанием по продовольственному делу в заседании 24 мая 1916 г.: 4 ф. для столиц, $2^{1}/_{2}$ ф. для городов с населением свыше 150 тыс. человек, $1^{1}/_{2}$ ф. для прочих городов и $^{5}/_{6}$ ф. для остальных местностей. Так как, по данным на 31 декабря 1914 г., население Гельсингфорса исчислялось в 161.981 чел., население прочих городов Финляндии в 343.246 чел., а население внегородских местностей в 2.764.916 чел., то общее годовое потребление Финляндии определялось, согласно приведенным нормам, в 1.039.000 пудов сахара. Так как, однако, обычная потребность Финляндии в прежние годы превышала эту цифру, то министерство финансов и нашло необходимым повысить ее до 1,5 милл. пудов.

В связи с организацией ввоза сахара в Финляндию на новых началах, Финляндским Сенатом учрежден был центральный сахарный комитет, в задачу которого входило принимать от продовольственной комиссии Сената весь ввозимый в страну сахар-сырец, распределять его между заводами и доставлять городским и сельским общинам края, а равно учреждениям и лицам сырец и готовый продукт, согласно нормам, установленным продовольственной комиссией. Центральному комитету было предоставлено право следить за запасами сахара у торговцев, осматривать склады и торговые заведения, наблюдать за правильным распределением сахара и продажею его не свыше предельных цен и сообщать о злоупотреблениях на предмет возбуждения вопроса о закрытии подлежащих промышленных или торговых заведений.

Вторым по значению естественным экспортным рынком для нашего сахара считалась Персия, причем вывоз в нее был также контингентирован. Для периодов 1912—13 г., 1913—14 г. и 1914—15 г. контингент был определен в размере 5,5 милл. пуд., фактически же было вывезено в 1912—13 г. 5.329.672 пуда, в 1913—14 г. 5.189.062 пуда и в 1914—15 г. 3.399.618 пуд.

Для кампании 1915—16 г. контингент был назначен, в связи с сокращением количества сахара в стране, в размере всего 2.500.000 п. Однако,

и этого небольшого, сравнительно с потребностями персидского рынка, количества вывезено не было, так как запрет и разрешение вывоза сменяли друг друга несколько раз.

Баку является самым крупным транзитным пунктом и центром всего нашего персидского экспорта, и вот под давлением бакинского биржевого комитета в конце 1915 г. разрешение вывоза русского сахара в Персию ставится в тесную зависимость от снабжения местного бакинского рынка сахаром: экспортная фирма, желавшая продать пуд сахара для вывоза в Персию, предварительно должна была отпустить на внутренний рынок два пуда сахара по предельной цене.

В начале отчетного года, в связи с обострением сахарного вопроса в стране, постановление это было видоизменено в том смысле, что каждой экспортной фирме предоставлялось право вывоза, но при условии, что вместо пуда вывезенного сахара ею будет осуществлен привоз двух пудов нового сахара.

Таким образом, получилось положение, по которому вывоз сахара в Персию стал находиться уже в зависимости не от потребностей в снабжении местного населения сахаром, а от привоза нового рафинада.

С об'единением всех закупок и отправок рафинада в Центральном Бюро в Киеве вывоз экспортными фирмами должен был фактически прекратиться, и 21 апреля 1916 г. последовало, в подтверждение этого обстоятельства, запрещение вывоза сахара в Персию. В небольших количествах вывоз продолжал все же производиться из бакинских запасов одного только марсельского сахара. Разверстка норм вывоза марсельского сахара производилась между всеми фирмами. Вследствие этого, те фирмы, которые получили право вывоза известного количества, стали торговать своим правом на вывоз, чем создали новое стеснение вывоза и ненужный ажиотаж, приведший к необычайному вздорожанию экспортного сахара („В. Сах. Пр.“ № 45, 1916 г.).

Между тем, запрещение вывоза нашего сахара ставило нашу закавказскую армию в крайне тяжелые в отношении приобретения довольствия условия. Без заготовки в Персии скота представлялось невозможным удовлетворить мясом закавказский фронт. Разменом же русских денег пользоваться было опасно в виду возможности сильного падения курса рубля. Для получения притока персидских кранов необходимо было срочно разрешить вывоз некоторых наиболее выгодных для сбыта на персидском рынке продуктов, как-то: сахара, керосина, спирта, муки. Другого способа для получения необходимого запаса персидских кранов не предвиделось. С этого момента, относящегося ко второй половине отчетного года, экспорт сахара в Персию был возобновлен и стал производиться через Учетно-Ссудный банк в Персии, который продавал этот сахар в Баку в персидской валюте, т. е. на условиях сдачи его в Персии и уплаты за него кранами.

В конце отчетного года Учетно-Ссудному банку, как указано выше, было предоставлено право вывезти в Персию 1.500.000 п. сахара при условии расплаты за него кранами и ввоза соответствующего количества иностранного сахара в пределы России.

Общая сумма вывезенного в Персию в 1915—16 г. русского сахара составила 1.210.707 п. С сентября по конец декабря 1916 г. вывоз в Персию составил 10.080 п.

Помимо Финляндии и Персии, небольшие количества русского сахара вывезены были в отчетном году в Афганистан и в Китай.

По отдельным странам назначения вывоз в кампанию 1915—16 г. и за первые 4 месяца 1916—17 г. распределялся следующим образом (в пудах):

	1913—14 г.	1914—15 г.	1915—16 г.
Финляндия	2.692.086	2.728.391	2.891.746
Персия	5.189.062	3.399.618	1.210.707
Афганистан	103.138	75.303	56.529
Китай	149.448	150.185	97.283
Турция	150.856	—	—
Всего вывезено	8.666.036	6.502.078	4.256.265

Общая сумма русского сахара, вывезенного с сентября по конец декабря 1916 г., составила 362.363 п., против 1.550.761 п. соответствующего времени 1915—16 г. и 2.406.752 п. 1914—15 г. Из этого количества 296.245 п. отправлено было в Финляндию, 10.080 п. в Персию, 52.409 п. в Китай и 3.629 п. в Афганистан.

А. Изенберг.

Снабжение маслом и положение масляного рынка.

Ненормальные условия масляной торговли, наблюдавшиеся в 1915 году, в 1916 году еще более обострились.

Главными факторами, влиявшими на положение масляного рынка, оставались попрежнему—недостаток снабжения—с одной стороны—и усиленный спрос на масло и прочие молочные продукты—с другой.

Общее снабжение молочными продуктами, как у нас, так и заграницею, отмечено было в 1916 году дальнейшим сокращением не только против нормального, до-военного, времени, но даже и против 1915 года.

В большинстве стран, принимавших участие в войне, производство молочных продуктов сократилось под влиянием усиленного убоя скота для продовольствия армии и ряда других, связанных с военным временем, обстоятельств. Однако, мировая война не могла не отразиться, во многих случаях, и на положении молочного хозяйства в нейтральных странах, в которых тоже наблюдалось сокращение производства и даже, частью, недостаток товара.

Размеры производства молочных продуктов, за отсутствием точных данных, трудно поддаются учету; показателем же снабжения международного рынка являются, главным образом, цифры ввоза и вывоза главных стран потребления и снабжения маслом.

Однако, за время войны, многие страны перестали опубликовывать эти цифры, и, таким образом, сведения о снабжении международного рынка получаются далеко не полные.

Имеющиеся за 1916 г. данные сведены в следующую таблицу ввоза и вывоза масла (в двойных центнерах, равняющихся 100 клг., равняющиеся 6,1 пуд.):

	Ввоз:				Вывоз:			
	1913.	1914.	1915.	1916.	1913.	1914.	1915.	1916.
Англия	2.104.623	2.023.832	1.959.299	1.106.439	59.227	51.857	53.493	37.250
Германия . . .	542.394	—	—	—	2.732	—	—	—
Дания	141.041	97.500	—	—	1.023.107[1])	1.031.827[2])	1.016.000	—[3])
Франция . . .	59.121	62.104	8.359	3.454	193.839	202.479	228.900	95.462
Голландия . .	30.100	19.230	7.430	4.500	385.850	385.490	427.990	364.320
Бельгия . . .	65.872	—	—	—	9.693	—	—	—
Швеция . . .	1.961	844	—	—	196.543	189.785	16.360	—
Норвегия . . .	7.937	—	—	—	10.640	7.140	—	—
Австро-Венгр.	71.168	—	—	—	13.787	—	—	—
Италия	4.277	880	434	616	27.371	42.230	33.966	3.594
Швейцария . .	50.420	40.264	25.830	4.292	248	602	332	12
Россия	15.354	13.480	11.232	26.896	780.809	540.186	541.830	98
Финляндия . .	15.118	13.422	22.297	1.256	126.403	111.560	90.759	40.642
Соед. Штаты .	16.899	32.671	7.019	3.133	14.120	16.732	80.640	12.047
Канада	—	—	—	—	413	1.601	12.395	515
Австралия . .	—	—	—	—	344.525	255.282	151.308	713
Н. Зеландия .	—	—	—	—	153.949	220.591	213.519	1.682

[1]) В том числе 910.633 двойн. центн. масла датского и 112.474 дв. центн. иностранного.

[2]) В том числе 949.827 дв, центн. датского и 82.000 иностранного.

[3]) Цифр за календарный год не имеется, за сельско-хозяйственный год, т. е. с 1 октября 1915 г. по 30 сентября 1916 г., вывезено 850 тыс. дв. центн. масла, против 710 тыс. за соответственный период 1915 г.

Как видно из этой таблицы, большинство стран отправило на международный рынок значительно меньшее количество масла, нежели в 1915 году, исключение составили только С.-А. Соединенные Штаты и Канада, увеличившие вывоз масла в Англию. Особенно сильно сократился вывоз из Франции, Голландии, Италии, Австралазии, не говоря уже о России, совершенно прекратившей экспорт масла, что, конечно, не могло не отразиться на снабжении иностранного рынка, т. к. Россия занимала второе, после Дании, место по количеству вывозимого масла.

Снабжение маслом Германии.

Обращаясь в отдельности к странам, игравшим до войны руководящую роль на международном рынке, приходится констатировать полное отсутствие цифровых данных о Германии. Указанием на недостаток масла в этой стране может служить лишь то обстоятельство, что норма потребления масла, установленная в начале марта 1916 года в 125 гр. в неделю, понижена была к концу года до 50 гр. Для пополнения недостатка снабжения, Германия прибегала к закупкам масла, где представлялась возможность, но более или менее крупные количества она могла получать только в Дании и Голландии, так как Швеция и Норвегия сами испытывали недостаток в масле.

Ввоз масла в Англию.

Ввоз масла в главную страну потребления этого продукта — Англию выразился в 1916 году, по оффициальным данным, в следующих цифрах (в английских центнерах, равняющихся 50,8 клгр.):

Из:	1914.	1915.	1916.
России	616.380	1.017.507	34.542
Швеции	270.138	128.294	992
Дании	1.749.072	1.327.100	1.134.801
Голландии	183.999	44.341	36.202
Франции	273.819	352.090	130.249
Соед. Штатов	7.844	77.135	131.618
Аргентины	55.704	82.947	117.597
Австралии	433.938	371.417	140.505
Нов. Зеландии	357.920	374.892	331.162
Канады	3.128	24.401	101.531
Пр. стран	32.262	53.625	18.825
Всего	3.984.204	3.853.857	2.178.029

Большинство европейских стран доставило в отчетном году в Англию значительно меньше масла, нежели в 1915 году. Большое влияние на сокращение снабжения оказало и запрещение вывоза из России, вследствие чего на английский рынок лишь в начале года поступили небольшие партии сибирского масла, залежавшиеся в Архангельске. Сильно сократился подвоз из Франции и Швеции.

Кроме сокращения снабжения из европейских стран, Англия в отчетном году получила меньшие количества масла и из своих южных колоний, где, вследствие неблагоприятной погоды, отметилось сильное сокращение выработки масла; особенно сильно сократился привоз из Австралии, упавший на 62%. Известную роль в сокращении привоза сыграл и недостаток тоннажа. Наоборот, подвоз из Канады заметно увеличился. Необходимо, кроме того, отметить, что Англией сделаны были, в отчетном году, попытки получения масла из Южно-Африканских владений—попытки, оказавшиеся вполне удачными.

Сильно увеличился также подвоз из Соединенных Штатов иАргентины.

Несмотря, однако, на все это, в общем итоге, ввоз масла в Англию сократился в 1916 году, против 1915 года, на 43,4%.

Для пополнения недостатка в масле в отчетном году происходил усиленный ввоз маргарина, и развитие потребления этого продукта способствовало отсутствию спекулятивного спроса на масло и воспрепятствовало особенно сильному росту цен.

Производства масла в Дании.

Что касается стран экспортирующих, то в Дании, в отчетном году, условия погоды благоприятствовали выработке масла; однако, все же производство его оказалось меньше, чем в 1915 году, вследствие сокращения наличности молочного скота, вызванного в значительной степени недостатком кормов, получавшихся обычно из заграницы.

Несмотря, однако, на это, количество вывезенного из Дании в 1916 году масла несколько превысило данные 1915 года. Всего за сельско-хозяйственный год (с 1 октября 1915 года по 30 сентября 1916 года) вывезено было 85 милл. клгр., против 71 милл. клгр. в 1914—15 г. Увеличение об'ясняется, отчасти, тем, что, в виду высоких цен на масло и хорошего спроса на мировом рынке, потребление его внутри страны значительно сократилось.

Вывоз масла из Голландии.

Вывоз масла из Голландии, заметно увеличившийся в 1915 году, в отчетном году опять сократился. Большая часть голландского масла была вывезена в Германию, причем этот экспорт превысил почти вдвое отправки до-военного периода. В Англию отправлено было масла лишь немногим меньше, чем в 1915 году, но все же значительно меньше, чем вывозилось в эту страну до войны. Вывоз в Бельгию упал до ничтожных размеров.

Детали вывоза масла из Голландии видны из следующей таблицы, составленной по данным голландской статистики (в тысячах килогр.):

	1914.	1915.	1916.
Вывезено: Всего	38.525	42.799	36.432
В том числе в Бельгию.	7.346	1.615	640
„ „ „ „ Великобританию	9.541	2.463	2.194
„ „ „ „ Нидерландские владения	1.374	1.435	1.447
„ „ „ „ Германию	19.721	36.679	31.413

Внешняя торговля маслом России.

Вывоз масла из России, а также и из Финляндии, был в 1916 году совершенно воспрещен, и, таким образом, страны эти не принимали обычного участия в международной торговле. Что же касается ввоза масла в Россию, то он, наоборот, несколько увеличился против прежних лет, причем, по обыкновению, большая часть масла была получена из Финляндии.

По оффициальным данным, ввоз масла в Россию представляется в следующем виде:

Ввезено масла [1]:	1914.	1915.	1916.
Всего, тыс. пуд.	58	42	164
Всего, тыс. руб.	918	638	4.867
В том числе из Финляндии:			
тыс. пуд.	57	41	148
тыс. руб.	909	637	4.126

Финляндия.

Вследствие запрещения вывоза масла из Финляндии, весь выработанный продукт был в 1916 году отправлен в Россию. Однако, в виду сильного сокращения производства, вывоз оказался значительно меньше прежних лет.

Вывезено масла, в килограммах:

	1914.	1915.	1916.
В бочках:			
Всего	10.751.549	8.480.201	2.009.787
В том числе в Россию	227.223	311.746	2.009.787
„ „ „ „ Швецию.	2.039.225	8.168.455	—
В иной посуде:	704.455	598.761	2.054.404
В том числе в Россию	680.146	598.761	2.054.404
Итого	11.156.004	9.078.962	4.064.191

[1] По Европейской границе.

Ввезено масла:

	1914.	1915.	1916.
Всего	1.342.202	2.229.713	1.256
В том числе из России	1.315.405	2.226.909	1.256

Производство масла и молочных продуктов в России.

За отсутствием точных данных, судить о размерах производства молочных продуктов в России можно лишь по цифрам перевозок их по железным дорогам. Цифры эти не охватывают, конечно, полностью всего количества, вырабатываемого в стране и поступающего на рынок, т. к. часть его идет водным путем или подвозится на лошадях из ближайших местностей. Тем не менее, данные железнодорожной статистики дают ясное представление о росте перевозок, а, следовательно, и производства, до начала войны, и выясняют роль разных районов в снабжении рынка.

Главными районами производства масла являются Сибирь, работавшая до войны, главным образом, для вывоза заграницу, и Северный район, снабжавший наши внутренние рынки.

Значительные количества масла вырабатывались в Прибалтийском крае, а также в Привислинском и Полесском районах. Эти три района поставляли на внутренний рынок, кроме масла, еще и значительное количество прочих молочных продуктов.

Размеры отправок из всех перечисленных районов видны из следующей таблицы, составленной по данным железнодорожной статистики:

Перевозка молочных скопов по русским железным дорогам (в тыс. пуд.):

РАЙОНЫ и ДОРОГИ:		В среднем за 1909—1912 гг.	В 1913 г.
Сибирь:			
Алтайская, Богословская, Троицкая, Уссурийская, Забайкальская, Сибирская и Омская.	масло.	4.651	5.670
	молоко и сливки .	7	8
	остальн. прод. . . .	36	104
Северный район:			
Пермская и Северные	масло.	973	1.317
	молоко и сливки .	127	578
	остальн. прод. . . .	232	275
Северо-Западный район:			
а) Московско-Виндаво-Рыбинская и Николаевская	масло.	357	423
	молоко и сливки .	631	1.228
	остальн. прод. . . .	337	482
б) Северо-Западные и Риго-Орловская	масло.	550	640
	молоко и сливки .	2.864	6.024
	остальн. прод. . . .	720	884
Центральный район:			
Московско-Казанская, Московско-Нижегородская, Московско-Курская и Сызрано-Вяземская	масло.	199	174
	молоко и сливки .	463	771
	остальн. прод. . . .	294	384
Южный район:			
Владикавказская, Ейская, Екатерининская, Южные, Белгород-Сумская, Северо-Донецкая и Юго-Восточн.	масло.	119	147
	молоко и сливки .	7	16
	остальн. прод. . . .	143	175
Юго-Западный район:			
Юго-Западные	масло.	183	158
	молоко и сливки .	6	13
	остальн. прод. . . .	219	357

РАЙОНЫ и ДОРОГИ:		В среднем за 1909—1912 гг.	В 1913 г.
Полесский район:			
	масло.	201	204
Полесские, Либаво-Роменская, Александровская и Московско-Киево-Воронежская	молоко и сливки .	394	926
	остальн. прод. . . .	362	406
Привислинский район:			
	масло.	222	219
Привислинские, Варшаво-Венская, Лодзинская и Гербы-Келецкая	молоко и сливки .	2.082	4.324
	остальн. прод. . . .	119	81
	масло.	177	194
Прочие дороги:	молоко и сливки .	35	704
	остальн. прод. . . .	247	305
	масло.	7.632	9.146
Общая перевозка:	молоко и сливки .	6.616	14.582
	остальн. прод. . . .	2.709	3.453

В 1914 и 1915 гг. общие итоги отправок молочных скопов по железным дорогам выразились в следующих цифрах (в тыс. пудов):

Отправлено:	1914.	1915.
Масла	8.339	8.628
Молока и сливок	11.357	8.399
Пр. молочных продуктов	3.435	2.980

Общих данных, а тем более детальных, за 1916 год не имеется, но общее положение дел с производством молочных продуктов в России указывает на сильное сокращение его.

Сокращение производства масла в 1916 году произошло вследствие ряда неблагоприятных для маслоделия и, вообще, для молочного хозяйства условий, вызванных, главным образом, войною; так, в районах, попавших в сферу военных действий, производство масла и прочих продуктов прекратилось совершенно. Затем большую роль сыграло повсеместное сокращение наличности молочного скота, вследствие продажи его на убой и реквизиции его для нужд армии. Уменьшение выработки масла вызвано было также понижением удоев, вследствие недостатка сильных кормов (жмыхов) за невозможностью, во многих местах, их подвоза. Кроме того, в 1916 году запрещен был убой телят, и мера эта, весьма важная для сохранения молочного скота, отразилась тоже неблагоприятно на производстве масла, так как часть молока пришлось употреблять на выпойку телят, вследствие чего количество молока для выделки масла подверглось дальнейшему сокращению.

Много способствовали также сокращению молочного хозяйства недостаток и дороговизна рабочих рук, а также дороговизна кормов и недостаток опытных мастеров, призванных в ряды армии. Наконец, не остался без влияния и недостаток клепки, пергамента, соли и т. п., что сильно затрудняло и удорожало выработку масла.

Не могло не отразиться на снабжении рынка и расстройство транспорта и, в частности, недостаток вагонов для перевозки масла.

Таким образом, при повсеместном сокращении выработки масла и, вообще, молочных продуктов, снабжение большинства рынков Европейской России было ниже обычного.

Подвоз из Привислинского и Польского районов отсутствовал совсем, а в прежние годы районы эти доставляли на внутренний рынок свыше 400 тыс. пуд. масла.

Необходимо, кроме того, упомянуть, что последовавшее в 1916 году запрещение вывоза молочных продуктов из Лифляндии и Эстляндии тоже имело влияние в смысле сокращения снабжения внутреннего рынка вообще и петроградского в частности.

Дефицит этот в первой половине года пополнялся, до некоторой степени, увеличением ввоза из Финляндии, но в течение лета вывоз этот был сильно сокращен.

Сибирского масла поступало в 1916 году на рынок немного, так как масло закупалось в Сибири для армии, и продажа его в частные руки была воспрещена.

Все перечисленные обстоятельства сильно повысили значение нашего северного района, сделавшегося если не единственным, то, во всяком случае, главным источником снабжения внутренних рынков.

Производство масла в Северном районе.

В северном районе сокращение производства наблюдалось в сравнительно меньшей степени, чем в других, так как, под влиянием высоких цен на масло и при обильном урожае кормов в 1915 году, население сохранило на зиму 1915—16 г. порядочное количество скота. Однако, не надо забывать, что, вследствие неурожая кормов в течению ряда предшествовавших лет, наличность скота в данном районе в 1914 году была сокращена до минимума, и стремление к увеличению ее в 1916 году не могло дать особенно существенных результатов, тем более, что и здесь ощущалось влияние многих неблагоприятных условий, а в частности чувствовался недостаток сильных кормов, отсутствие мастеров и т. д.

Для выяснения размеров снабжения маслом из северного района обратимся к цифрам жел.-дор. отправок (в пудах):

	Всего отправлено.	В том числе в: Петроград.	Москву.	Балтийск. порты.	Архангельск.	На станции своей дор.	Прочее назначение.
1911 г. . .	924.022	313.202	216.265	81.476	248	186.923	126.156
1912 „ . . .	958.638	320.800	217.640	57.197	606	193.136	161.308
1913 „ . . .	923.346	326.319	237.030	23.233	433	210.378	126.386
1914 „ . . .	868.129	260.083	268.639	17.146	2.177	192.331	129.930
1915 „ . . .	1.357.534	307.762	259.414	—	306.807	255.775	227.675
1916 „ . : .	801.704	226.811	292.833	—	245	168.038	113.777

Как видно из этой таблицы, сокращение отправок, а, следовательно, и выработки масла в этом районе отметилось уже в 1913 и 1914 гг., причем об'яснилось оно недородом кормов в 1912 и 1913 гг. Отправки в 1915 г. возросли не вследствие увеличения производства, а лишь благодаря включению в их число сибирского масла, переотправлявшегося со станций Северных дорог частью для экспорта в Англию, частью же для пополнения недостатка в соленом масле на внутреннем рынке и даже в самом северном районе.

Таким образом, в 1916 году сокращение отправок против 1915 года выразилось в 40%, но в то же время составило всего 7,7% отправок 1914 года.

Наиболее сильное сокращение представляли отправки масла в Петроград, тогда как, наоборот, отправки в Москву сильно увеличились, отчасти благодаря более высоким ценам на московском рынке.

Некоторую роль в сокращении снабжения из северного района сыграла и задержка масла на маслодельнях со спекулятивными целями.

Заготовка масла для армии в Сибири.

В виду необходимости обеспечения армии жирами, а в том числе и коровьим маслом, отдел заготовок бывшего Министерства Земледелия осенью 1914 года приступил к закупке масла в Сибири и заключил с правлением союза сибирских маслодельных артелей специальный договор. Масло заку-

палось по всей западной Сибири и в смежных с нею уездах Пермской и Оренбургской губерний. В 1916 году район заготовок был распространен на всю Оренбургскую и большую часть Пермской губернии, и, таким образом, в него вошел весь Сибирский район промышленного маслоделия.

В начале заготовок предполагалось, что привлечение Сибири к поставкам на армию не отразится на снабжении внутренних рынков, так как обычно сибирское масло шло, главным образом, заграницу, внутренний же рынок получал масло, вырабатывавшееся в Европейской России. Однако, вследствие упомянутых выше причин, на рынках России сказался сильный недостаток масла и отделу заготовок пришлось принять меры к пополнению этого недостатка путем отпуска масла отдельным учреждениям и организациям. Для обеспечения получения возможно большего количества масла, особое совещание по продовольственному вопросу наложило с 24 сентября 1915 года по 1 мая 1916 года запрет на вывоз масла заграницу, воспретив, одновременно с этим, в районе заготовок и свободную продажу и сдачу на хранение сибирского масла в частные руки и предоставив право покупки исключительно бывшему ведомству земледелия. 19 марта 1916 года запрещение вывоза масла и продажи в частные руки было продлено на неопределенное время. Вместе с тем, бывший отдел заготовок начал отпускать из запасов некоторые количества масла организациям Красного Креста, Всероссийского Земского и Городского Союзов, а также столичным и некоторым крупным городам.

Однако, в виду сказавшегося сильного недостатка в животных жирах на фронте, отпуск масла, помимо нарядов интендантства, был сокращен в 1916 году до минимума.

С начала операций по 1 мая 1917 года отделом заготовлены были следующие количества масла (тыс. пуд.):

С начала войны по 15 июня 1915 г. . . .	1.227
С 16 июня 1915 г. по 1 июня 1916 г. .	1.905
С 1 июня 1916 г. по 1 июня 1917 г. . .	3.163

Производство масла в Сибири.

В Сибири в 1916 году отмечалось дальнейшее сокращение производства масла. Большую роль в этом сокращении сыграли неблагоприятные условия погоды.

Скот во многих районах, и в особенности в Барнаульском уезде, сильно пострадал от бескормицы; много скота продано было на убой или погибло, и много маслоделен было закрыто из-за недостатка молока. Массовое закрытие маслодельных заводов наблюдалось к осени 1916 года. Не остался без влияния при этом и недостаток рабочих рук и, главным образом, мастеров и маслоделов, а также дороговизна и недостаток необходимых для маслоделия предметов—пергамента, клепки, соли и т. п.

Главную же роль в сокращении производства сыграло то обстоятельство, что, при сильном повышении себестоимости масла, цены на него в Сибири, установленные осенью 1915 года, представлялись крестьянам убыточными, и продажа скота на убой оказывалась более выгодной, чем переработка молока на масло.

Во многих местностях опасным конкуррентом для маслоделия явилось производство сыра, цены которого не были нормированы.

На состоявшихся в конце июля 1916 года совещаниях по вопросу о ценах выработаны были более выгодные расценки, которые и были введены с 1 сентября, но мера эта принята была слишком поздно и не могла уже вызвать увеличения производства. В общем, производство сократилось в 1916 году на 30—40%.

Общая цифра отправок масла со станций Сибирских железных дорог не достигла и 4 миллионов, против—5,6 миллионов пудов в 1915 году, 4,8 миллионов пудов в 1914 году и 5,5 миллионов пудов в 1913 году.

В том числе отправлено со специальными масляными поездами (большою скоростью) около 2 ½ миллионов пудов. Сокращение отправок, против прежних лет, видно из следующей таблицы (тыс. пуд.):

	1913.	1914.	1915.	1916.
Всего	4.828	3.443	4.567	2.470
В том числе:				
В Петроград	239	163	606	84
В Москву	54	72	203	207
В порты Балтийского моря и заграничные станции	4.381	2.825	—	—
В Котлас, Архангельск	—	—	2.732	—

Отправки уменьшились, против предшествующего года, на 45,8%, но исключительно за счет экспорта заграницу. В 1915 году из 4½ миллионов пудов масла 2,7 миллионов пудов, или 60%, имели своим конечным назначением вывоз в Англию и только 1,8 миллионов пудов, или 40%, пошло в Европейскую Россию.

В 1916 году, вследствие запрещения экспорта, все отправленное из пределов Сибири масло осталось в стране, но большая часть его пошла на довольствие армии, а на долю внутреннего рынка пришлось лишь небольшое количество.

Нельзя, впрочем, не упомянуть, что, в обход запрещения частных закупок, некоторая часть масла приобреталась в Сибири и отправлялась контрабандным путем в Россию, но количество это не могло быть особенно велико.

Финляндия.

Производство масла в Финляндии было значительно ниже обычного из-за неблагоприятных условий погоды, и недостаток масла в стране заставил сильно сократить вывоз этого продукта. В сокращении вывоза масла сыграло известную роль и увеличение производства других молочных продуктов и потребления молока в чистом виде. Так, например, в отчетном году сильно увеличился вывоз молока в Россию. С января по 1 августа 1916 г. отправлено было 28 миллионов литров, тогда как в 1913 году отправки за весь год составили только 16 миллионов литров.

Нельзя также не упомянуть об усилении сыроварения и об увеличении отправок сметаны, творога и сливок, производство которых в прежние годы, при вывозе масла по высоким ценам в Англию, особенной выгоды не представляло. Повлияла на производство масла и усиленная выпойка телят. Далее, сильно сократился ввоз масла из России, что заставило пустить на потребление в стране значительную часть масла, шедшего прежде на экспорт.

В целях обеспечения страны необходимым ей продуктом, Финляндский Сенат в течение 1916 года издал несколько постановлений, ограничивающих вывоз масла и других молочных продуктов. Так, в конце 1915 года было постановлено допускать к вывозу лишь то количество масла, которое останется по удовлетворении потребностей самой Финляндии. В начале 1916 г. разрешено было вывозить в Россию до 60% всего продававшегося в Финляндии масла. К весне это разрешение было отменено, и вывоз разрешался лишь по удовлетворении потребности самой страны в масле.

Осенью Сенат воспретил также и вывоз сливок, творога и сметаны. С 1 октября ограничен был и свободный провоз молока, допускаемый только с разрешения маслоиспытательной станции.

Потребление масла.

Как видно из всего приведенного, 1916 год в отношении снабжения сложился весьма неблагоприятно. Потребность же в масле ощущалась большая. Кроме влиявших раньше на усиление спроса условий (спрос для лазаретов, армии и т. д.) увеличению спроса способствовал еще и недостаток других пищевых продуктов, вздорожавших более сильно, нежели масло и молоко, а также и введение мясопустных дней, сильно увеличившее потребление молока как в городе, так и в деревне. Недостаток предложения оказывал сильное влияние на настроение рынка и создавал благоприятную почву для спекуляции.

Начался 1916 год при значительном недостатке товара и высоких ценах. Наименее напряженное состояние рынка наблюдалось, как и в 1915 г., весною, то есть в период обычного увеличения выработки масла, с которым совпало и увеличение подвоза из Финляндии и поступление некоторого количества масла из Сибири. С увеличением снабжения понизились цены, державшиеся всю зиму на очень высоком уровне.

В течение лета положение опять стало крепнуть, а в августе вопрос о снабжении особенно обострился, в товаре ощущался крайний недостаток, и цены начали сильно повышаться. При сократившемся снабжении и стремлении торговцев запастись товаром, спрос стал сильно превышать предложение, тем более, что многие маслодельни северного района, пользуясь своим выгодным положением, задерживали товар в расчете на дальнейшее повышение. Сильному росту цен способствовало и отсутствие запасов на потребительском рынке, заставлявшее торговцев платить какие угодно цены, лишь бы достать необходимый товар; таким образом, постепенно цены дошли до необычайных размеров, превышая во много раз не только цены прежних лет, но даже и цены, стоявшие на заграничных рынках.

Для борьбы с повышением, вызванным, в значительной степени, конкурренцией покупателей на местах производства и несогласованностью цен на разных рынках, Комитеты Петроградской и Московской масляных бирж, по соглашению с некоторыми другими организациями, установили в конце года предельные цены на масло. Кроме того, Петроградская биржа, по предложению датских фирм, приобрела некоторое количество датского масла, цены которого с доставкой в Торнео оказались ниже, чем цены в Вологде. К этому времени, благодаря разрешению вывоза масла из Лифляндии и возобновившемуся подвозу из Финляндии, снабжение петроградского рынка несколько увеличилось, и повышение цен в конце декабря приостановилось.

Характерною чертою 1916 года явился крайний недостаток предложения соленого масла, главным образом, средних сортов, что об'яснялось недостаточным подвозом из Сибири и выработкою в северном районе и Финляндии более дорогих высших сортов; вследствие этого цены на соленое масло держались временами на одном уровне с ценами высших сортов.

В Сибири, как упомянуто выше, масло закупалось бывшим Отделом Заготовок, и продажа его частным лицам была запрещена. Заготовки производились, главным образом, через Союз Сибирских Маслодельных Артелей.

С прочими молочными продуктами дело обстояло не лучше, чем с маслом. При усилившемся спросе и сократившемся производстве, снабжение в большинстве случаев оказывалось далеко недостаточным. Наиболее сильно ощущался при этом недостаток молока. В отношении снабжения петроградского рынка большую роль в этом случае играло сокращение подвоза из Финляндии и запрещение вывоза сметаны и творога из Эстляндской и Лифляндской губерний, лишившие Петроград значительного количества продуктов. Впрочем, и на других крупных потребительских рынках тоже наблюдался временами сильный недостаток снабжения.

Особенно обострился недостаток товара осенью и зимой.

Цены.

При крайне ненормальном положении масляной торговли точно установить цены, державшиеся во второй половине отчетного года, весьма затруднительно. Оффициальная котировка отсутствовала, сделки заключались по различным ценам, зависящим от условий данного случая. В общем, они доходили на потребительских рынках до 120 — 125 руб. за пуд в оптовых сделках и до 144 руб.— в розничных. На местах закупок в Вологодской губернии были случаи сделок по 143 руб. за пуд. Наиболее низкий уровень наблюдался в мае, когда за лучшие сорта масла платили 33—36 руб., после этого момента цены стали непрерывно расти вплоть до декабря 1916 г., когда повышательная тенденция временно приостановилась.

Предельные колебания цен в отчетном году составили: от 33—36 руб. до 120—125 руб., против 15—17 руб. и 40—45 руб. в 1915 году.

В Сибири не наблюдалось такого сильного повышения, так как масло закупалось для казны по твердым ценам, которые были установлены для начала года в размере 17—18 руб. 50 коп. за пуд; для марта—апреля в размере 17 руб. 50 коп.—19 руб. и, наконец, для периода до сентября— 18—20 руб. В виду слишком низкого уровня этих цен, в июле 1916 года местными совещаниями были выработаны новые расценки, которые и вступили в силу с 1 сентября. Цены эти, в зависимости от района, были назначены в 27—29 руб. за пуд высшего сорта.

В ценах прочих молочных продуктов и, в частности, молока во второй половине отчетного года тоже отметилось сильное повышение. Так, поставщиками молока на петроградский рынок повышены были к зиме расценки до 3 руб.—3 руб. 20 коп. за пуд, тогда как до войны за молоко платили 1 руб. 30 коп. К концу года цена доходила уже до 4 руб. Цены на сыр финляндский и русско-швейцарский достигли 60—65 руб., голландский—52 руб. По сравнению с высшею ценою 1915 года, цены масла в 1916 году повысились на 180%. Если припомнить, что и в конце 1915 г. на рынке ощущался чуть не масляный голод, то, даже принимая во внимание все наблюдавшиеся условия (вздорожание производства, общее вздорожание жизни и т. д.), нельзя не признать, что подобное повышение цен является чрезмерным и об'ясняется, в значительной степени, ажиотажем, вследствие благоприятного для продавца момента. Предположение это было подтверждено на различных совещаниях, происходивших в ряде городов Сибири; совещания были созваны с целью рассмотрения вопроса о необходимости повышения цены на сибирское масло.

Стоимость масла, принимая в расчет стоимость содержания коров, стоимость обработки, амортизации скота и орудий производства с 10% предпринимательской прибыли, исчислена была в 28—29 рублей за пуд.

По сравнению с ценами, стоявшими на масло в Сибири в соответствующее время 1915 года, данная расценка представляет повышение на 60%, что ясно указывает на чрезмерность повышения цен в Вологодской губернии.

Так как, помимо действительного недостатка товара и несоответствия между спросом его и предложением, в повышении цен играла большую роль спекуляция, то был принят ряд мер для борьбы с этим злом, а также, вообще, для упорядочения торговли маслом. Но меры эти, в большинстве случаев, не достигали цели.

Так, установление такс вызывало сильное сокращение поступления товара на рынок, так как при установлении цен местной администрацией они зачастую оказывались столь невыгодными и даже убыточными, что торговцы прекращали закупку на местах производства. Кроме того, при несогласованности такс на разных рынках, товар, в большинстве случаев, отвлекался в районы, в которых цены были выше.

Для устранения этого зла, в конце года, как уже упоминалось, между Петроградской и Московской биржей и некоторыми другими учреждениями

состоялось соглашение о введении единообразной предельной цены, которая и была установлена в размере 118 рублей за пуд в оптовой продаже и в 120 рублей—в розничной.

Много голосов раздавалось и за введение твердых цен в маслодельных районах по примеру Сибири. Так, на состоявшемся в Вологде 2 октября с'езде пайщиков коммерческого отдела Вологодского общества сельского хозяйства большинство участников высказалось за необходимость установления твердых цен на масло, при условии, впрочем, введения твердых цен и на прочие продукты потребления.

С'езд, созванный в Омске в октябре 1916 года для выяснения вопросов, связанных с заготовкою масла и др. предметов, высказался за установление, в целях борьбы со спекуляцией, единообразных цен на масло и за передачу всего масла, вырабатываемого в Сибири и в Европейской России, Отделу Заготовок, с тем, чтобы, по удовлетворении потребности армии, остаток масла распределялся бы между потребительскими центрами России.

Н. Кулибина.

Кожевенная промышленность и кожевенный рынок.

Обзор кожевенного рынка и кожевенной промышленности появляется всего второй раз в „Народном Хозяйстве“ [1]). Поэтому, на-ряду с материалами, так сказать, отчетного характера, нам, как и в первом очерке, придется попутно касаться вопросов, относящихся к общим условиям кожевенного промысла в России. Мы считаем это тем более полезным, что наша литература по данной отрасли необыкновенно бедна, и всякий новый штрих, новая проверенная цифра представляют известную ценность.

В общем, кожевенное дело за 1916 г. отмечено сугубым влиянием войны. Лозунг „все для войны“ едва-ли в какой-нибудь отрасли был так планомерно и тщательно проведен в жизнь, как в кожевенной. Гражданское население с его нуждами было отодвинуто на второй план, и кожевенные заводы — крупные и мелкие, даже кустарные, обувные фабрики и мастерския, шорно-седельные мастерския обратили свою выработку целиком, за ничтожными исключениями, на нужды армии. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть, оно имело последствия большие и весьма многосторонние. Некоторые из этих последствий уже достаточно выявились и ниже, попутно, будут нами указаны, но несомненно, что очень многие еще скрыты от нас и дадут себя чувствовать современем, позже. Здесь лишь укажем на одну отрицательную сторону: понижение качества товара и обуви. Громадный спрос, выражавшийся в миллионах пар обуви, в сотнях тысяч штук всевозможных других изделий, требовал быстроты производства — на нее уходили все силы и внимание — в чувствительный ущерб качеству. Интендантство, выработавшее по началу весьма строгие условия приемки готового товара и обуви, вынуждено было постепенно отступать от них и формально и тем больше на практике. С одной стороны, как сказано, это вызывалось напряженной быстротой производства, с другой, — что также весьма существенно—весьма ощутительным недостатком на рынке заграничных дубильных материалов и недостатком квалифицированных рабочих, отозванных на фронт. Соответственно с „упрощением“ выделки, причем не трбовалось особо тщательной ручной работы, остановился прогресс техники производства. И не только остановился, но пошел назад, потому что новейшие завоевания техники перестали применяться, а вместе с тем стали постепенно забываться лучшие приемы обработки, дорогие заграничные машины оставались без дела и забрасывались; словом, оказалось обременительным многое, на достижение чего затрачено было столько времени, средств и усилий. Кожевнику и, вообще, человеку, стоящему в курсе техники нашего кожевенного производства, достаточно этих немногих слов, чтобы понять, какой ущерб понесла русская кожевенная промышленность от лозунга „все для войны“. Потребуется длинный ряд лет, напряженная работа, самая деятельная помощь государства для того, чтобы воссоздать хотя бы то, что было.

Впрочем, война оказала и некоторое положительное влияние на кожевенное дело: вследствие обилия опойков и отсутствия их вывоза, заметно

---

[1]) Первый обзор был напечатан в „Народном Хозяйстве“ за 1915 г.

расширилось производство хромового товара. Об этом более обстоятельно будет сказано ниже.

Переходя к характеристике положения кожевенной промышленности в отчетном году, необходимо, прежде всего, остановиться на общих условиях рынка и промышленности. Они были весьма тяжелы.

Импорт заграничного сырья сократился, вернее, почти прекратился, запасы на складах и заводах истощались, а спрос неимоверно возрастал. К тому же после эвакуации Царства Польского и некоторых местностей Западного края значительно сузились и запасы живого сырья. Все это вызвало дальнейшее повышение цен и привело к нормировке, наравне с ценами на выделанный товар, и цен на сырье (11 ноября 1915 г.). Нормировка сырья была встречена заинтересованными кругами крайне несочувственно. Главными недостатками ее считали, во-первых, сравнительно низкую расценку, не соответствующую условиям рынка, и, во-вторых— отсутствие точной классификации сортов, именно то, что кожи слишком различных качеств подводятся под одну цену. Впрочем, комитет по делам кожевенной промышленности сам признал, что нормировка по существу нисколько не понизила цен на сырье против тех, которые были до нормировки. Градация цен в связи с весом кож была такова: до 70 ф. — 10 р. 50 к., от 70 до 100 ф. — 15 р. и свыше 100 ф. — 20 р. Сырьевщики настаивали на более детальной градации. Однако, огромный спрос на сырье, в связи с усиленною деятельностью кожевенных заводов, держал сырьевой рынок в крепком настроении; почти то же можно сказать и о выделанном товаре, спрос на который значительно превышал предложение. Между тем, в некоторых районах, как, например, в восточном сырьевом, а также в Сибири, усиленный спрос почти вовсе не оказал влияния на сырьевые цены, вследствие трудности доставки сырья в центры кожевенного производства. В пунктах же центральных и лучше обслуживаемых железными дорогами установилось повышательное настроение рынка (в Харькове сухие бычьи кожи с рогами и хвостами делались по 26 р. 50 к. п.). Недостаток сырья, в особенности в столицах, обусловливаемый, помимо прочих причин, сокращением ставок скота на площадки, особенно ощутительно сказался с начала 1916 года.

Особая разверсточная комиссия, начавшая свои функции введением нормировки цен, хотя и старалась равномерно распределять сырье между заводчиками, естественно, не могла удовлетворить даже в небольшой доле потребности: заводчики, которые раньше снимали с площадки 150—200 кож, стали получать не больше 30—40. Тогда у столичных заводчиков явилась мысль закупать сырье в других районах — на юге, в Сибири, на Урале. Одновременно возникла мысль об организации совместной закупки обществом кожевенных заводчиков сырья в Америке. Кстати отметим, что, вследствие отсутствия необходимых машин и приспособлений, введенное некоторыми заводами хромовое дубление налаживалось с большим трудом.

К посту сокращение убоя скота (как на площадках крупных городов, так и в деревнях) еще более отягчает положение. Крупные сырьевщики, не будучи в состоянии удовлетворить спрос на кожи собственными запасами, командируют своих агентов для скупки кож в провинции. Одним из крупных поставщиков сырья на внутренний рынок, кроме армии, явилась Сибирь. Так, в одном лишь Омске, по сведениям на 15 марта, состояло: крупных кож 86.785 шт. и мелких 256.978 шт.

Недостаток крупного тяжелого сырья, потребляемого, главным образом, для нужд заводов, работающих на армию, вызвал, таким образом, поиски его в провинции. Что касается легких кож, то в них недостатка за весь весенний сезон 1916 г. не замечалось; их довольно много поступало прежде всего с театра военных действий, а затем достаточные рессурсы имелись и на внутреннем рынке. В особенности много замечалось опойковых кож, которые часто даже не находили применения во внутреннем производстве и являлись предметом самой широкой спекуляции. Отсутствие

на них нормировки, с одной стороны, и часто циркулирующие слухи о возможности вывоза их заграницу, с другой, порождали по временам невероятный рост цен, ничем, кроме спекуляции, не об'яснимый.

В отношении выделанного товара весенний сезон прошел необыкновенно оживленно и при небывалом под'еме цен. Правда, нормировка цен на некоторые виды готового товара и запрещение продажи подошвы с заводов на частный рынок влияли угнетающим образом на этот последний, тем не менее товары, которых не коснулись пока правительственные организации, расценивались чрезвычайно высоко. Цены на кожу, а вместе с тем и на обувь, поднимались чуть ли не каждую неделю, превышая для некоторых сортов обуви в 2—$2^1/_2$ раза цены конца 1914 г.

В то время, как на центральных рынках и в производительных центрах наблюдался резкий недостаток сырья, в омском, северо-кавказском и др. заготовочных рынках привоз кож превышал их вывоз. Эта причина, в связи со многими другими, о которых уже упомянуто выше, привела к тому, что торговые обороты с сырьем сильно сократились. Что касается заводчиков, то они старались раздобыть товар повсюду, где возможно, лишь бы он соответствовал требованиям, пред'являемым интендантством. Что касается рынка готовых товаров, то на главных из них, как, например, петроградском, московском, вятском, нижегородском, одесском, запасов готового товара почти вовсе не было, и, как всегда, наиболее острый недостаток ощущался в выделанной подошве, цены на которую поднимались до 275—300 р. за пуд. Вместе с тем, несколько раз настоятельно возбуждался вопрос о выписке готового подошвенного товара из Америки, где имелись в это время порядочные запасы подошвенных кож. Заводы, в особенности крупные, запасы которых подходили к концу, а производство было расширено до крайних пределов, очутились в очень тяжелом положении. Многие заводчики возбудили ходатайство о разрешении свободного вывоза кож из Монголии. Одни заводы вынуждены были прекратить сырьевую обработку, другие сократили значительно производство. Одновременно некоторые заводчики стали закупать сырье через Англию и Францию на американском рынке, возбуждая одновременно ходатайство о выдаче им валюты. Сделки с американским сырьем заключались довольно интенсивно, причем цены определялись за лучший товар Рио-Гранде до 38 — 39 р. п. франко - Москва, вторые сорта обходятся до 34 — 35 р. за п. мокросоленого товара. Положение кустарной кожевенной промышленности было облегчено закупкой крупной партии в 100 тыс. штук кож, преимущественно яловки, на Ирбитской ярмарке, которая и поступила в распоряжение вятских, кунгурских и др. заводчиков.

В июле открылась Нижегородская ярмарка. Являясь в мирное время крупнейшим центром, где обычно сталкивались спрос и предложение, уже в 1915 г. Нижегородская ярмарка при усиленном спросе отметила невысокое предложение товаров. К обычным факторам, обусловливающим высоту спроса, война прибавила еще несколько—наличность в деревнях свободных денег, в связи с запрещением продажи водки, и спрос на целый ряд товаров со стороны армии и общественных организаций, отпадение польского и прибалтийского промышленных районов. Вместе с тем, предложение сократилось настолько, что создалось явление, известное под именем бестоварья. На характеристике ярмарочного торга мы позволим себе остановиться несколько подробнее, причем начнем с сырьевого товара.

Яловка, идущая с армейских боен, передавалась в распоряжение Комитета по делам кожевенной промышленности, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Общества кожевенных заводчиков, откуда поступала непосредственно на кожевенные заводы, минуя, таким образом, руки торговцев. Поступление скота для убоя на вольные бойни сильно сократилось, что уменьшило значительно и выход кож на рынок. Имевшийся у

торговцев товар подвергался непрестанным реквизициям. Передвижение его из одной губернии в другую было чрезвычайно стеснено рядом изданных губернаторами воспрещений вывоза ялового сырья. Осенью 1915 г. были установлены предельные цены на это сырье. Все эти мероприятия не могли не сократить сильно вольной торговли яловкою и не уменьшить весьма значительно привоза этого товара на Нижегородскую ярмарку. Правда, в конце июля 1916 г. министрами военным и торговли и промышленности были опубликованы новые обязательные постановления, установившие некоторую свободу торговли яловкою и отменившие собою целый ряд стеснений и ограничений, изданных местными властями. Вместе с тем, в начале августа председателем Комитета по делам кожевенной промышленности было дано Нижегородскому Ярмарочному комитету формальное заверение, что яловка, привезенная на Нижегородскую ярмарку, не будет подвергаться реквизициям. Ярмарочный комитет немедленно поставил об этом в известность торговцев. Однако, и то и другое распоряжения не могли оказать заметного влияния на ярмарочную торговлю, так как они сделались известными слишком поздно для отправки товара с места на Нижегородскую ярмарку. Последняя вышла в отчетном году беспримерною по незначительным размерам привоза на нее яловки.

В столь же стесненном положении находилась и вольная торговля другим крупным кожевенным товаром — овчиною. Изготовление теплых вещей для армии отдано было военным ведомством в монополию Всероссийского Земского Союза, который пользовался правом накладывать запрещение на всякую партию овчины, производить ее досмотр и, в случае пригодности ее для армии, представлять властям о реквизиции. От наложения запрещения до осмотра партии и выяснения вопроса о том, будет ли она реквизирована, проходило обычно немало времени, иногда целые недели. Медлительность, с которою работали органы Всероссийского Земского Союза, являлась страшным тормозом коммерческого оборота с овчинным товаром, и торговцы боялись этих проволочек больше, чем самой реквизиции. Поэтому они решались отправлять товар с места лишь после больших колебаний и во многих случаях предпочитали вовсе оставить его дома. Таким образом, угроза реквизициею препятствовала поступлению овчины на рынок и вызвала сокращение привоза ее на Нижегородскую ярмарку 1916 г. вдвое против уменьшенного привоза ее сюда в предыдущем 1915 г.

Сокращение привоза на Нижегородскую ярмарку коснулось, однако, не только яловки и овчины, но также и конины. Конина крупная в значительной степени разделяла судьбу яловки, недостаток которой вызывал необходимость заменять ее, где возможно, кониною. Конина так же, как и яловка, поступала непосредственно с мест на заводы, работающие на армию, и таким образом уходила с вольного рынка.

Малым, сравнительно с обычными годами, был привоз на Нижегородскую ярмарку опойка, жеребка и козлины. Товары эти до войны шли в огромных количествах заграницу, и Нижегородская ярмарка служила рынком для закупки этих товаров заграничными экспортерами. Хотя, с прекращением вывоза заграницу, на означенные виды кожевенного сырья успел развиться спрос внутри России, однако, внутренний спрос далеко не мог достигнуть емкости прежнего заграничного, а потому и требование этих товаров и ярмарочный привоз их были ослаблены.

Вот те причины, которые, на-ряду с затруднениями в доставке товара, обусловили собою тот небывало малый привоз кожевенного сырья на Нижегородскую ярмарку, который наблюдался в 1916 году, как это видно из сопоставления размеров привоза всех главнейших видов кожевенного сырья в Нижний-Новгород и на Нижегородскую ярмарку за время с 15 июля по 20 сентября 1916 г., сравнительно с двумя предыдущими годами:

Вид кожевенного сырья:	Привезено с 15 июля по 20 сентября в Н.-Новгород и на Нижегородскую ярмарку: число кож:		
	в 1914 г.	в 1915 г.	в 1916 г.
Яловка	599.000	534.700	87.400
Опоек	853.900	171.100	193.000
Конина	273.800	253.400	113.700
Жеребок	127.300	72.400	52.200
Верблюд	53.400	28.800	34.800
Козлина	328.100	148.500	163.200
Овчина всякая	3.414.500	2.098.200	1.092.200

Цифры привоза кожевенного сырья в Нижний и на Нижегородскую ярмарку в 1916 г. следует сравнивать не столько с привозом 1915 г., на котором успело уже чрезвычайно сильно сказаться военное время, сколько с привозом 1914 г. Последний ближе подходил к обычным размерам привоза сырых кож на Нижегородскую ярмарку, хотя все же он был значительно ниже обычного, так как об'явление войны и воспрещение вывоза сырейного товара заграницу задержали в пути и на местах часть товара, предназначенного на Нижегородскую ярмарку. Если сравнить привоз в Нижний и на Нижегородскую ярмарку 1916 г. с привозом на нее в 1914 г., то окажется, что яловки и выростка доставлено сюда было в отчетном году всего 1/7 привоза 1914 г., опойка немного более 1/5 (23%), овчины—менее 1/3 (32%), конины и жеребка—2/5 (41%), козлины—1/2, верблюжьих кож—2/3 (67%). Таково влияние войны на размеры торга кожевенным сырьем в Нижегородской ярмарке. Смело можно утверждать, что никогда не было такой пустоты на ярмарочных сырейных дворах, как в 1916 г.

Еще нагляднее влияние войны на привоз кожевенного сырья в Н.-Новгород и на Нижегородскую ярмарку выступает при сравнении данных о размерах привоза за 11 мес. (с 1 января по 1 декабря) 1916 г., 1915 г. и 1914 г. с привозом 1913 года, являющегося последним до-военным годом. Такое сравнение дает следующая табличка:

Виды кожевенного сырья:	Размеры привоза в Н.-Новгород: Число кож.				
	1913 г. (12 мес.)	1914 г. (11 мес.)	1915 г. (11 мес.)	1916 г. (11 мес.)	в % к абсол.
Яловка и выросток	1.461.300	8985.00	1.222.000	330.200	22,6
Опоек	1.501.100	1.060.800	261.500	489.900	32,6
Конина	1.021.200	414.500	345.200	182.400	17,9
Жеребок	457.000	199.900	100.300	83.100	18,1
Верблюд	77.300	57.500	31.750	39.300	50,6
Козлина	477.400	560.300	193.000	206.680	43,4
Овчина	5.074.400	4.154.300	2.840.000	1.667.600	32,8

Приведенная табличка рисует картину постепенного сокращения, под влиянием войны привоза кожевенного сырья в Н.-Новгород и на Нижегородскую ярмарку. Сокращение это коснулось всех, без исключения, кожевенных товаров—как тех, которые идут на нужды армии, так и тех, которые непригодны для этой цели, являясь товаром преимущественно экспортным.

Яловка. Ярмарочный рынок яловки представлял в отчетном году совершенно необычную картину. До войны Нижегородская ярмарка притягивала к себе огромные партии яловки из Западной и Восточной Сибири, из Киргизского края (Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской обл.), из Закаспийской обл., Туркестана и Семиречья, из Оренбургской и Уфимской губ., из Камско-Вятского края. Война, вызвав, с одной стороны, прекращение на ярмарке закупок яловки заграницу, а с другой, создав усиленную закупку ее для целей обороны непосредственно на местах, отвлекла еще в 1915 г. от Нижегородской ярмарки товар восточных окраин. На смену ему на ярмарке 1915 г. появилась так называемая

позиционная яловка, поступавшая с боен западного фронта нашей армии. Однако, с передачей кожевенного сырья с армейских боен в руки организаций, распределяющих его непосредственно между кожевенными заводами, позиционная яловка также исчезла с вольного рынка и на Нижегородской ярмарке 1916 г. она уже почти отсутствовала. Опасение реквизиций яловки на ярмарке или в пути заставляло торговцев прятать товар на местах и не вывозить его на нижегородское торжище, а транспортные затруднения также немало препятствовали доставке его сюда. На ярмарке в Тюмени сибирскою яловкою расторговались вчистую и обычного привоза остатков от Тюменской ярмарки на ярмарку Нижегородскую в отчетном году не было. Все это, вместе взятое, обусловило собою необычайно малый привоз яловки на Нижегородскую ярмарку. По данным ветеринарного надзора, за ярмарочный период времени, с 15 июля по 20 сентября, было доставлено в Н.-Новгород яловки в 1914 г. 599 тыс. кож, в 1915 г. 535 тыс. кож, а в 1916 г. всего только 87 тыс. кож. Товар быстро расхватывался на ярмарке по мере поступления, главным образом, заводчиками села Богородского, Нижегор. губ., по ценам выше установленных предельных цен. Пресный сибирский товар покупали от 28 р. до 33 р. и даже до 34 р. за пуд при предельной цене в 26 р. за пуд.

По районам своего происхождения яловка, доставленная в 1916 г. на Нижегородскую ярмарку и в Нижний-Новгород за ярмарочный период времени, с 15 июля по 20 сентября, распределялась по районам своего происхождения следующим образом:

Районы происхождения:	Число кож.
Сибирь Восточная и Западная	28.700
Киргизский край	17.200
Оренбургская и Уфимская губ.	13.000
Поволжье и Пензенская губ.	13.200
Центральный промышленный район	4.900
Юг	4.100
Прочие районы	6.300

Опоек. Торговля опойком, являвшимся до последнего времени, главным образом, экспортным товаром, особенно сильно испытала на себе влияние войны и вызванного этою последнею воспрещения вывоза. Всякие дела с опойком прекратились, и в течение двух первых лет войны настроение рынка с этим товаром оставалось, в общем, безжизненным, и только к концу второго года проявились некоторые проблески оживления рынка. В виду отсутствия сбыта не было основания вывозить опоек с мест его сбора на рынок, вследствие чего привоз опойка в Н.-Новгород из главных районов его происхождения в течение войны сильнейшим образом сократился, как то наглядно показывают нижеследующие цифры:

Привоз опойка в Н.-Новгород из важнейших районов:

Районы происхождения:	1913 г. (12 мес.)	1914 г. (с 1 янв. по 1 дек.)	1915 г. (с 1 янв. по 1 дек.)	1916 г. (с 1 янв. по 1 дек.)
	Число	кож:		
Восточная и Западная Сибирь	474.900	319.700	109.000	113.300
Киргизский край	79.700	122.300	5.300	13.300
Закаспийская обл., Туркестан и Семиречье	26.600	15.600	3.600	—
Уфимская и Оренбургская губ.	57.100	18.000	500	13.800
Пермская губ.	98.200	218.600	5.400	10.600
Вятская губ.	238.000	118.200	7.700	9.700
Поволжье и Пензенская губ.	322.600	162.800	27.200	46.700
Всего из указанных районов	1.297.100	975.200	158.700	207.400

Приведенные цифры показывают, что главнейшие районы, поставляющие в Н.-Новгород опоек, доставили сюда в 1915 г. и 1916 г. не более $1/6$ привоза этого товара за последний год перед войною. В частности, вятский опоек почти совсем не доставлялся за эти два года в Нижний-Новгород, привоз сибирского опойка сократился до $1/5$, из поволжских губерний было доставлено в 1916 г. не более $1/7$ привоза 1913 года и т. д.

Общие размеры привоза опойка в Н.-Новгород в течение года были следующие:

Годы.	Число кож.
1913	1.501.100
1914	1.060.800
1915	261.500
1916	489.900

Что касается привоза в Н.-Новгород собственно за ярмарочный период времени (с 15 июля по 20 сентября), то, сравнительно с двумя предыдущими годами, размеры его представлялись в 1916 г. в следующем виде:

Годы:	Число кож.
1914	853.900
1915	171.100
1916	193.000

Указанные размеры привоза опойка в 1916 г. представляются совершенно незначительными сравнительно с теми запасами товара, которые скопились на складах в Н.-Новгороде за два предыдущих года. Здесь имелись как непроданные остатки от прежних лет, так и тот опоек, который был эвакуирован в Н.-Новгород в 1915 г. из Западного края. Таким образом, ярмарочный торг опойком шел в 1916 г., главным образом, старым товаром.

Тогда как в течение первого года войны рынок с опойком оставался безнадежно мертвым, на втором году стали замечаться, как указано выше, проблески некоторого оживления дел с этим товаром, и цены на последний начали вслед за под'емом цен на другие виды кожевенного сырья постепенно расти. Хотя на разрешение вывоза опойка заграницу до окончания войны надежды было весьма мало в виду отрицательного отношения к такому вывозу со стороны военного ведомства, однако, начались спекулятивные покупки опойка в расчете на возможность вывоза его заграницу тотчас вслед за заключением мира. Изобилие денег на рынке и обесценение их, вследствие усиленных выпусков кредитных билетов, заставляли фирмы стремиться помещать свободные средства в товары. На-ряду с другими товарами свободные капиталы вкладывались, между прочим, и в опоек, что создавало некоторый спрос на этот последний. Следует также отметить, что вызванный войною недостаток яловки заставил некоторых русских кожевенных заводчиков начать работать тяжелые сорта опойка. Так, опоек начали работать в Вятке, в Богородском, в Тубанаевке, под Москвою, в Одессе, а одна крупная экспортная фирма, оказавшаяся к началу войны с громадными партиями опойка на руках, в целях использовать этот товар, приступила к сооружению в Вятской губ. завода для переработки опойка в количестве около 6.000 кож ежедневно.

В ярмарке 1916 г. сделки с опойком носили, главным образом, спекулятивный характер, товар переходил из рук одного торговца к другому. Один из банков купил до ярмарки по заграничному приказу у крупной экспортной фирмы опойка на очень большую сумму. Освободившись от части своих запасов, фирма эта начала в ярмарке снова скупать опоек. Некоторый спрос на опоек пред'явили также богородские, тубанаевские и южные заводчики, стремившиеся, в виду отсутствия других сырейных товаров, запасти хотя бы опоек. Цены на опоек успели в течение ярмарки подняться на 2 р. в пуде. Они подходили близко к ценам, стоявшим в Нижегородской ярмарке 1913 г., несколько превышая последние, как то показывает нижеследующее сопоставление:

	Цена, за пуд, в ярмарках: 1913 г.	1914 г.
Опоек резной вятский	33 р. — к.	35—36 р.
„ „ центральных губ.	31 „ 25 „	33—34 „
„ „ сибирский	30 „ 50 „	33—34 „
„ палый „	21 „ — „	23—24 „

Таким образом, критическое положение держателей опойка, вызванное падением цен на этот товар (с воспрещением его вывоза) до 22—24 р. за резной и до 12—14 р. за палый, к Нижегородской ярмарке 1916 г. миновало. Рост цен на опоек дал им возможность выручить вложенные в товар деньги и внести банкам погашение по выданным ссудам.

Конина крупная. По своему положению на сырейном кожевенном рынке конина разделяет обычно в торговле судьбу яловки, на замену которой она идет, т. е., когда в предложении мало яловки, то усиливается тотчас спрос на конину, и запасы последней на рынке начинают истощаться, и обратно.

Привоз конины в 1916 г. в Нижний-Новгород и на Нижегородскую ярмарку представлялся, сравнительно с 1913 г. (последним годом перед войной), незначительным, он сильно уступал даже привозу двух предыдущих лет, как то видно из следующих цифр:

Годы.	Привезено конских кож.
1913	1.021.200
1914	414.500
1915	345.200
1916	182.400

Если сопоставить привоз в Нижний-Новгород конины в 1916 г. и в 1913 г. по главнейшим районам, то получается следующая картина:

Районы происхождения:	Число кож, прибывших в Нижний-Новгород: 1913 г.	в % ко всему привозу	1916 г. (11 мес.) абсол.	в % ко всему привозу
	1913 г. абсол.	в % ко всему привозу	1916 г. (11 мес.) абсол.	в % ко всему привозу
Восточная и Западная Сибирь	293.700	28,8	56.900	31,1
Киргизский край	234.800	23,0	20.800	11,4
Уфимская и Оренбургская губ.	105.200	10,3	19.700	10,5
Поволжье и Пензенская губ.	153.100	15,0	25.800	14,1
Всего по указанным районам	786.800	77,1	123.200	67,1

Таким образом, четыре района, поставлявшие в 1913 г. в Н.-Новгород $3/4$ всего привоза конины в течение года, показывают в 1916 г. огромное сокращение привоза товара—в общем, по всем районам в $6^{1}/_{2}$ раз.

В частности, в ярмарочный период времени, с 15 июля по 20 сентября, привоз в Н.-Новгород в 1916 г. представлялся, сравнительно с двумя предыдущими годами, в следующем виде:

Годы.	Привоз с 15 июля по 20 сент.
1914	273.800
1915	253.400
1916	113.700

Ярмарочный привоз конины 1916 г. упал, таким образом, сравнительно с двумя предыдущими годами, более, чем вдвое.

При небольшом привозе конины на ярмарку 1916 г. спрос на нее здесь был огромный—главным образом со стороны местных богородских и тубанаевских заводчиков. Наличного товара не хватило и много конины покупалось на ярмарке в отчетном году заглазно, чего в прежние годы никогда не бывало. Купленный на ярмарке товар проходил к заводчикам непосредственно с мест. Цены на конину стояли в Нижегородской ярмарке на 20% выше Тюменской ярмарки. Сравнительно с ярмарками прошлых годов, цены на конину были следующие:

Сорта конины:	Вес в коже:	Цены на ярмарках: 1914 г.	1915 г.	1916 г.
Русская . . .	19—20 ф.	5 р. 75 к.—6 р. 50 к.	7 р. 50 к.—9 р. 50 к.	11 р. 50 к.—12 р. 50 к.
Сибирская . .	18 ф.	5 р. 50 к.—5 р. 75 к.	7 р. — к.—7 р. 50 к.	10 р. 50 к.—11 р. 50 к.

Конина мелкая (жеребок). Воспрещение вывоза кожевенного сырья заграницу сильно сказалось на торговле жеребком, являвшимся до войны товаром, по преимуществу, экспортным. Выход жеребка на рынок значительно сократился, о чем наглядно свидетельствуют, между прочим, цифры привоза жеребка в Н.-Новгород в 1914—1916 гг. сравнительно с последним годом перед войной, т. е. 1913 г.

Годы.	Привезено в Н.-Новгород жеребка (число кож).
1913	457 тыс.
1914	200 „
1915	100 „
1916	83 „

Как сократился за время войны привоз жеребка из главнейших районов, являющихся поставщиками его в Н.-Новгород, показывают нижеследующие цифры:

Название районов:	Привоз жеребка в Н.-Новгород: 1913 г. Число кож.	В % ко всему привозу.	1916 г. Число кож.	В % ко всему привозу.
Поволжье и Пензенская губ.	119.700	26,2	14.000	16,8
Центральный промышл. район.	81.500	17,8	8.800	10,5
Восточная и Западная Сибирь	56.200	12,3	14.200	17,1
Пермская и Вятск. губ. . . .	44.300	9,7	11.800	14,2

При малом привозе спрос на жеребка был невелик, преимущественно только на цветной товар. Цены, по сравнению с ярмарками предыдущих лет, стояли следующие:

	Цена в ярмарках (за штуку): 1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Жеребок сибирский . . .	1 р. 55 к.	не было	75 к.—1 р.	1 р. 50 к.—2 р. 50 к.
Жеребок русский	2 р. 10 к.	не было	1 р. 15 к.—1 р. 30 к.	2 р. 25 к.—3 р.

Таким образом, несмотря на незначительные размеры спроса, цены на жеребок в ярмарке 1916 г. стояли выше существовавших до войны.

Козлина. Так как до войны козлина являлась товаром преимущественно экспортным, то запрещение заграничного вывоза коснулось ее чувствительно. Спрос на козлину сократился в огромной степени, а ослабление спроса имело своим последствием сильное уменьшение выхода товара на рынок. В связи с этим упал и привоз козлины в Нижний-Новгород:

Годы:	Привоз козлины в Н.-Новгород (число кож):
1913	477 тыс.
1914	560 „
1915	193 „
1916	207 „

Крупный привоз козлины в 1914 г. об'ясняется тем, что война, вспыхнувшая одновременно с открытием Нижегородской ярмарки 1914 г., не успела остановить подвоза товара, часть которого пришла в Н.-Новгород еще и до начала войны.

Насколько сократили в 1916 г. отправку козлины в Н.-Новгород те районы, которые являются главнейшими ее поставщиками сюда, показывает нижеследующее сопоставление привоза 1916 г. с привозом до-военного 1913 г.:

Районы происхождения товара:	Привоз козлины в Н.-Новгород: 1913 г. Число кож.	В % ко всему привозу.	1916 г. Число кож.	В % ко всему привозу.
Западная и Восточная Сибирь	112.500	23.623,6	21.500	10,4
Киргизский край	104.600	21,9	50.600	24,5
Закаспийская обл., Туркестан и Семиречье	68.800	14,4	21.900	10,6
Кавказ и Астраханская губерния	37.800	7,9	83.000	40,2
Всего по указанным районам	323.700	67,8	177.000	85,7

Таким образом, по сравнению с последним до-военным годом, привоз козлины из Сибири упал более, чем в 5 раз, из Киргизского края (Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской обл.) — вдвое, из Средней Азии— втрое. Значительный в 1916 г. привоз козлины с Кавказа об'ясняется случайным обстоятельством—прибытием двух партий козлины по 30 тыс. кож из Ахдаша, Елизаветпольской губ.

Что касается привоза козлины в Н.-Новгород собственно в течение ярмарочного периода, с 15 июля по 20 сентября, то он достигал в 1914 г. 328 тыс. кож, в 1915 г. 149 тыс. и в 1916 г. 163 тыс. кож. Однако, и эти 163 тыс. кож едва-ли пришлись целиком для торговли на ярмарке, вернее— часть указанного количества была в Н.-Новгороде транзитом, на ярмарку же козлины поступило меньше.

Степная козлина до войны являлась товаром, главным образом, экспортным, вследствие чего воспрещение вывоза оказало на торговлю им гнетущее влияние. Однако, к концу второго года войны настроение со степною козлиною заметно улучшилось. Хотя весь товар оставался в России, однако, экспортеры стали приобретать его в расчете на вывоз заграницу по окончании войны. С другой стороны, козлиною стали интересоваться и русские заводчики, начавшие развивать выделку из нее имитации шевро. Козлину с успехом работают в московском районе, и перед ярмаркою было куплено для Москвы свыше 100 тыс. козлин в Семипалатинске и в Уральске. На ярмарке 1916 г. козлину покупали богородские и тубанаевские заводчики. Цены на крупную степную козлину, стоявшие до войны 1 р. 30 к.— 1 р. 40 к., с воспрещением вывоза упали до 90 к., но перед Нижегородскою ярмаркою 1916 г. они опять уже стояли на местах около 1 р. 30 к. В ярмарке козлина степная весом 8—9 п. в сотне шла 1 р. 35 к.—1 р. 50 к., средовик на 40% дешевле. Цены на степную козлину возросли как под влиянием улучшения настроения с нею на рынке, так и в виду роста цен, вообще, на кожевенное сырье.

Гиберлинг. Казанской экспортной (не пуховой) козлины было привезено на ярмарку мало. Цены на мелкий гиберлинг (весом около 4 пуд.) стояли 1 р. 50 к.—1 р. 60 к. шт.

Хлебной козлины, по словам одного из торговцев, было в привозе на ярмарку немного, не свыше 20 тыс. кож, причем большая часть ее привоза падала на казанскую хлебную козлину. Цены на нее стояли: 1 сорт (весом $7^1/_2$—8 пуд. в сотне) 1 р. 80 к., вторые сорта 1 р. 35 к.— 1 р. 40 к. за шт.

Верблюжьи кожи. Верблюжьи кожи являлись товаром, которого война коснулась, сравнительно, слабее других видов кожевенного сырья. С одной стороны, воспрещение вывоза заграницу не имело для верблюда такого значения, как, напр., для опойка и козлины, в виду того, что он пользовался и до войны сбытом преимущественно внутри Империи. С другой стороны, находя себе применение преимущественно в сыромятном деле,

верблюд менее шел для работы на оборону, нежели яловка. Однако, недостаток этой последней поддерживал сильное требование и на верблюжьи кожи, их закупали еще на местах, и привоз верблюда в Н.-Новгород, подобно другим сырейным товарам, испытал за время войны сокращение.

Годы:	Привезено верблюжьих кож в Н.-Новгород (число кож).
1913	75 тыс.
1914	58 „
1915	32 „
1916	39 „

Таким образом, по сравнению с последним до-военным годом, привоз верблюда в Нижний-Новгород сократился вдвое.

Насколько успели возрасти за время войны цены на верблюжьи кожи, показывает следующее сопоставление цен на пресного сухого верблюда в Нижегородских ярмарках:

в 1913 г.	11 р.—12 р.
„ 1914 „	14 р. 50 к.—16 р. 50 к.
„ 1915 „	18 р.—19 р.
„ 1916 „	в начале 22 р., а в конце 30 р.

Овчина. Нижегородская ярмарка является в обычные годы поистине огромным рынком овчины, привлекающим к себе огромные партии товара со всех концов Империи. В виду этого влияние войны на торговлю сырою овчиною едва-ли где могло проявиться нагляднее, нежели в Нижегородской ярмарке.

Когда вспыхнула война, начало которой почти совпало с открытием Нижегородской ярмарки 1914 г., то настроение рынка с сырою овчиною в первые недели заметно ослабело в виду прекращения вывоза кожевенного сырья заграницу и затруднений с отправкою товара по железным дорогам. Вскоре же, однако, стало обнаруживаться огромное требование на овчину для работы полушубков на армию и на возникшие организации помощи раненым воинам. В дальнейшем, в отношении к различным сортам овчины, настроение рынка стало резко различным. Русская овчина продолжала находиться под влиянием прекращения экспорта и, будучи, в общем, по малошерстности своей мало пригодна для полушубков, она отошла на рынке далеко на задний план. Спрос, притом очень оживленный, сосредоточился около шерстных сортов овчины, каковыми являются сибирская, монгольская и средне-азиатская овчина. Война создала на эти товары небывалое требование, которое повело к усиленной закупке их прямо на местах и к сильному под'ему цен на них. В целях обеспечения поставщикам полушубков на армию правильных цен на сырье, в марте 1916 г. были установлены твердые цены на шерстные сорта овчины, а Всероссийскому Земскому Союзу, об'единившему в своих руках поставку теплых вещей на армию, предоставлено налагать арест на овчину и, по выяснении ее пригодности для полушубков, представлять властям о реквизиции ее по твердым ценам.

Как малый спрос на русскую овчину, так и огромный спрос на ордынскую и средне-азиатскую овчину отражались на Нижегородской ярмарке одинаковым образом в сторону сокращения привоза сюда товара. Русскую овчину везли на ярмарку значительно меньше против прежнего в виду слабого спроса не нее. Наоборот, привоз степной шерстной овчины на ярмарку сократился, под влиянием усиленных закупок ее на местах до ярмарки, к чему в 1916 г. присоединилась еще боязнь реквизиции этой овчины и всех связанных с такою реквизициею стеснений торговли. Насколько успел упасть за время войны, вообще, привоз овчины в Нижний-Новгород в течение года, показывает следующая табличка:

ПРИВЕЗЕНО В НИЖНИЙ-НОВГОРОД ОВЧИНЫ:

Категории овчины:	1913 г. Абсолютно (число штук).	1913 г. В % ко всему привозу.	1914 г. Абсолютно (число штук).	1914 г. В % ко всему привозу.	1915 г. Абсолютно (число штук).	1915 г. В % ко всему привозу.	1916 г. Абсолютно (число штук).	1916 г. В % ко всему привозу.
Степная.	2.811.500	55,4	2.889.100	69,5	1.932.100	73,2	1.110.600	66,6
Русская	2.262.300	44,6	1.265.200	30,5	702.500	26,8	557.000	33,4
Общий привоз . . .	5.073.800	100,0	4.154.300	100,0	2.634.600	100,0	1.667.600	100,0

Таким образом, если сравнить отчетный 1916 г. с последним годом перед началом войны — с 1913 г., то оказывается, что привоз овчины в Н.-Новгород успел за время войны сократиться втрое — с 5 милл. штук до 1,7 милл. штук. При этом привоз русской овчины сократился сильнее привоза степной овчины: по отношению к привозу 1913 г. привоз русской овчины составлял в 1913 г. 1/4 (24,6%), а привоз степной — 2/5 (39,5%). В соответствии с этим доля русской овчины в общем привозе сократилась с 44,6% в 1913 г. до 33,4% в 1916 г.

Степная овчина. Размеры привоза степной овчины в Н.-Новгород в 1916 году, сравнительно с тремя предшествующими годами, указаны в нижеследующей табличке:

Размеры привоза в Нижний-Новгород (число штук):

Откуда привезено:	1913 г.	1914 г. (11 мес.).	1915 г. (11 мес.). Абсолютно.	1915 г. (11 мес.). В % ко всему привозу 1913 г.	1916 г. (11 мес.). Абсолютно.	1916 г. (11 мес.). В % ко всему привозу 1913 г.
1. Восточная и Западная Сибирь	749.000	763.800	343.000	45,8	98.400	13,1
2. Киргизский край	519.500	415.400	201.800	38,8	250.200	48,2
3. Закаспийская обл., Туркестан, Семиречье . . .	983.700	1.130.700	866.800	88,1	419.500	42,7
4. Кавказ и Персия.	559.300	579.200	520.500	93,0	342.500	61,2
Всего. . . .	2.811.500	2.889.100	1.932.100	68,7	1.110.600	39,5

В 1914 г. война еще не успела оказать влияния на размеры привоза степной овчины в Н.-Новгород и сюда пришло этого товара даже несколько более против предыдущего 1913 г. Однако, уже в 1915 г. привоз степной овчины сократился, в общем, почти на 1/3: вместо 2.890 тыс. овчин в 1913 г. было доставлено всего лишь 1.932 тыс. шт. В частности привоз овчины из Сибири упал в 1915 г., по сравнению с 1913 г., более, чем вдвое, а привоз из Киргизского края (из Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской обл.) почти на 2/3. Напротив того, привоз кавказской овчины лишь незначительно уступал привозу 1913 г.

В отчетном 1916 г. обнаружилось резкое дальнейшее сокращение привоза степной овчины. Вместо 1.932 тыс. шт., в 1915 г. ее было доставлено сюда лишь 1.110 тыс. шт., т. е. лишь 2/5 привоза 1913 г. Из Сибири не пришло в 1916 г. даже и 100 тыс. овчин. Из Средней Азии привезено всего 420 тыс. овчин, против 867 тыс. шт. в предшествующем году. Привоз кавказской и персидской овчины, державшийся в течение трех предыдущих лет на одном уровне, в 1916 г. также обнаружил заметное сокращение. Влияние войны сказалось на третьем году ее весьма резким образом.

Русская овчина. О привозе в Н.-Новгород русской овчины за 1914, 1915 и 1916 гг., в сравнении с последним до-военным годом, дает представление нижеследующая табличка:

Откуда привезено:	Размеры привоза в Нижний-Новгород (число штук): 1913 г.	1914 г.	1915 г. Абсолютно.	1915 г. В % ко всему привозу 1913 г.	1916 г. Абсолютно.	1916 г. В % ко всему привозу 1913 г.
1. Поволжье и Пензенская г.	1.006.400	730.000	394.400	39,0	259.100	25,7
2. Оренбургск. и Уфимская г.	503.600	234.200	114.000	22,6	83.000	16,5
3. Вятская и Пермская г.	122.300	72.800	2.300	1,6	9.100	7,4
4. Центрально - промышленный район (в том числе Москва)	187.000	73.000	70.000	36,9	101.800	54,4
5. Центрально-черноземный район	172.500	46.600	75.500	43,8	40.800	23,7
6. Степной юг (Таврическая, Херсонская и др.)	44.700	37.100	31.700	70,9	32.800	73,4
7. Малороссия	83.400	34.600	10.300	12,3	200	0,2
8. Прочие районы	142.400	36.900	4.300	0,3	30.200	21,2
Итого русской овчины	2.262.300	1.265.200	702.500	31,5	557.000	24,6

Как видно из этой таблички, война сказалась значительным сокращением привоза русской овчины еще в 1914 г.

Возвращаясь вновь к внутреннему рынку, нужно отметить, что недостаток сырья, ставший в 1916 г. явлением хроническим, продолжал служить предметом самого тщательного обсуждения со стороны заводчиков, которые напрягают все усилия и делают всевозможные попытки урегулировать вопрос о снабжении заводов. В Москве организуется хозяйственно-операционный отдел, в задачу которого входит распределение сырья между заводчиками. Но невыясненность вопроса о праве тех или иных организаций распоряжаться и распределять сырье, — с одной стороны, и реквизиционные правила, согласно которым может быть реквизирован товар, закупленный заводчиком, всецело работающим на оборону,—с другой,— всячески тормозили работу отдела. Лишь в самые последние месяцы положение дел в смысле снабжения сырьем столичных кожевенных заводов несколько улучшилось. В частности, что касается Москвы, то более успешная работа кожевенных заводов об'ясняется здесь тем, что, согласно постановлению комитета по делам кожевенной промышленности, все сырье от скота, поступающего на московский рынок, распределяется хозяйственно-операционным отделом комитета между московскими заводчиками, тогда как раньше это сырье поступало в распоряжение городского управления и, отчасти, земского союза. Вместе с тем за последнее время увеличилось поступление скота на московский рынок. Кроме этих рессурсов московские заводы получают в небольших размерах сырье, распределяемое обществом кожевенных заводчиков из армейских запасов северного фронта. Эти обстоятельства сразу повысили производительность московских заводов, которые перешли на двухсменную работу, т. е. на 20 час. в сутки, вместо 10. Единственным недостатком является здесь то, что сырье, поступающее на московский рынок, преимущественно легковесное, не свыше 40—50 ф. в коже.

Что касается Петрограда, то и здесь положение несколько улучшилось. Так, в распоряжение заводчиков, кроме кож с северного фронта, стали поступать кожи со скота, забиваемого для нужд городского продовольствия. К концу года организация Всероссийского общества кожевенных заводчиков предприняла обследование сибирского сырья в целях привлечения его для нужд центральных рынков. В виду исключительного интереса этой операции мы считаем необходимым остановиться на ней подробнее.

Сибирь и в мирное время занимала видную роль в деле снабжения Европейской России кожевенным сырьем, как-то: бычиной, яловкой, выростком, кониной, бараньими и козьими шкурами. На-ряду с этим, значительное количество сырых кож и, главным образом, опойка, конины, бараньих и козьих шкур вывозилось из Сибири заграницу. Главными потребителями сибирского сырья являлись вятский, казанский и нижегород-

ский районы, которые вывозили из Сибири ежегодно около 3 милл. кож. Война поставила этому вывозу, вследствие перевозочных неурядиц, некоторые затруднения, хотя вывоз продолжался. Вместе с тем, в Сибири стала чрезвычайно быстро возникать своя кожевенная промышленность, которая лишь в самой незначительной степени работала на оборону. Однако, вывозившееся даже во время войны сырье из Сибири распределялось далеко неравномерно и притом не учитывалось комитетом по делам кожевенной промышленности. С другой стороны, увеличившийся спрос на сырье в Сибири со стороны народившихся здесь в громадном количестве новых заводов (во время войны в Сибири возникло не менее 100 новых заводов), вступивших в конкурренцию в отношении закупки сырья с заводами Европейской России, вызвал весьма сильную спекуляцию на сырье, поднявшую цены на него на 40—50% выше нормированных таксой. При таких обстоятельствах большая часть сырья попадала в руки сибирских заводчиков, главным образом, работавших на вольный рынок, что позволяло им сбывать свой товар по повышенной цене и, таким образом, с избытком окупать переплату на сырье. Заводы же Европейской России, поставлявшие большую часть своего производства на нужды армии по определенной расценке, понятно, не могли переплачивать на сырье, и, таким образом, это последнее оставалось немобилизованным для нужд армии.

На эти то обстоятельства Общество кожевенных заводчиков и обратило внимание комитета по делам кожевенной промышленности в августе 1916 года, указывая на необходимость вывоза и правильного распределения излишков сибирского сырья между заводами Европейской России. Однако, комитет, согласившись принципиально с соображениями Всероссийского общества кожевенных заводчиков, не вынес на первых порах никакого по этому поводу решения. Лишь 30 сентября этот вопрос был снова поставлен на обсуждение комитета, на этот раз по предложению назначенного „по Высочайшему повелению", для обследования кожевенной промышленности, члена Государственного Совета Н. П. Муратова. Результатом обсуждения явилось единогласное постановление комитета, согласно которому Всероссийскому обществу кожевенных заводчиков поручались закупка и распределение всех имеющихся в Сибири запасов сырья, принадлежащих частным лицам и учреждениям. Это постановление было утверждено Министерством Торговли и Промышленности 12 октября.

Согласно первоначальному плану осуществления сырьевой операции в Сибири, Всероссийское об-во кожевенных заводчиков полагало устроить в главных пунктах свои собственные склады, иметь своих скупщиков, приемщиков и пр., но по ближейшем обсуждении дела найдено более отвечающим цели привлечь к делу местных скупщиков, так как налаженная у них организация позволяла перейти к делу немедленно же. Для этой цели обществом, по указанию заводчиков, которым был хорошо известен сибирский сырьевой рынок, главным образом вятский, были вызваны известные своей солидностью местные сырьевые фирмы, между которыми были распределены 28 сибирских сырьевых районов от Кургана до ст. Маньчжурия, кит. вост. жел. дор., и только в том случае, когда об-во не могло найти на местах подходящего сырьевщика, данный район вверялся иногородней фирме.

Со всеми означенными фирмами обществом были заключены тождественные договоры, в силу которых эти фирмы брали на себя закупку в своих районах по нормированным ценам сырья, за счет и от имени общества, причем общество уплачивало им 6% с суммы закупленного сырья. Для контроля над правильностью действий скупщиков сырья обществом были приглашены 7 контролеров по рекомендации членов общества, а также помощники контролеров.

Финансовая сторона дела была организована следующим образом: общество вошло в соглашение с тремя банками—русским для внешней торговли, сибирским и первым обществом взаимного кредита—об оказании кредита по специальному текущему счету, обеспеченному векселями завод-

чиков, выданными ими обществу на сумму, соответствующую заказу заводчика на сибирское сырье, сделанному им обществу. Таких обеспечений, в виде векселей, $\%\%$ бумаг и, отчасти, наличных денег, было внесено заводчиками на сумму около 32 милл. руб. на заказы свыше $3\frac{1}{2}$ милл. кож. При этом общество вовсе не брало на себя ответственности за полное исполнение заказа, так как, помимо невыясненности вопроса, какое количество сырья будет вывезено из Сибири, сырье это распределяется по указаниям комитета по делам кожевенной промышленности.

Отправка сырья со всех железнодорожных станций Сибири и Средней Азии должна была производиться по внеочередным нарядам или же литерным предложениям, причем все накладные и дубликаты должны были выписываться на имя общества заводчиков, которое и оплачивает провоз сырья до станции назначения. Согласно плану, выработанному Министерством Путей Сообщения, ежемесячно должны быть отправляемы 300 вагонов, что составляет 120—150 тысяч кож в месяц.

Всероссийское общество кожевенных заводчиков о всем вышеизложенном поставило в известность своих членов, усиленно рекомендуя не производить самостоятельных закупок, ибо наличность конкурренции чрезвычайно повышает цены и тем вредит общему делу.

Вместе с тем общество обязалось продавать кожевенным заводчикам закупаемое им сибирское и средне-азиатское сырье по нормированным ценам, принимая во внимание дополнительные расходы.

Этот план был почти всюду одобрен представителями местных военно-промышленных комитетов. Лишь омский и ново-николаевский, а отчасти и томский военно-промышленные комитеты высказались против этого плана.

Представители названных военно-промышленных комитетов находили, что общество кожевенных заводчиков является не общественной организацией, а синдикатом заводчиков. В доказательство приводилось то соображение, что закупщиками сырья назначены не лица, выбранные местными учреждениями, а уполномоченные общества. По инициативе омского комитета, была отправлена особая делегация в Петроград, имеющая целью добиться отмены „вредной монополии синдиката кожевенных заводчиков". В результате этого ходатайства последовала телеграмма комитета по делам кожевенной промышленности от 10 ноября на имя председателей западно-сибирских и восточно-сибирских районных комиссий, являющихся отделениями комитета в Сибири, коей раз'ясняется, что местные заводчики могут самостоятельно, помимо обществ, закупать потребное им сырье. Местные заводчики, с открытием операций общества, значительно сократившие покупки сырья в ожидании такового в случае надобности от общества, теперь вновь стали в усиленном размере скупать его, что сразу возродило спекуляцию. Правда, уже в 20-х числах ноября последовало новое телеграфное раз'яснение Комкожа западной и восточной районным комиссиям, предписывающее выдавать заводчикам особые разрешения на покупку и притом с тем расчетом, чтобы они не покупали больше того, что им необходимо на 6 мес. Это предписание осталось лишь на бумаге, и заводчики продолжали скупать огромные количества сырья по ценам выше таксы.

Однако, и этот порядок не долго сохранился. Вскоре состоялось соглашение между обществом кожевенных заводчиков и делегацией сибирских военно-промышленных и биржевых комитетов, в силу которого военно-промышленные комитеты взяли на себя закупку сырья для сибирских заводчиков, а общество кожевенных заводчиков обязалось закупать сырье только для заводчиков Европейской России, причем действия этих двух организаций должны быть вполне согласованными. Что касается общественных организаций в роде земского и городского союзов, равно как и иных, работающих на оборону, то как и по первоначальному плану, они в праве были производить самостоятельные закупки.

На состоявшемся затем в Омске 4 и 5 декабря с'езде всех контролеров общества оказалось, что доверенными общества до 1 декабря было заку-

плено 271.616 шт. кож, в том числе конины было 30.000 шт., бычины 15.000 шт., остальное—яловка. Правда, в означенное количество, вследствие непоступления сведений, не вошли покупки в отдаленных степных пунктах Семипалатинской и Акмолинской областей.

Что же касается будущих закупок, то, по опросу доверенных и контролеров, можно расчитывать на общий вывоз, включая уже и купленное сырье, всего на 750—800 тыс. кож рогатого скота и конины, что составляет лишь половину того количества, которое предполагалось к вывозу.

Действительность буквально подтвердила предположения контролеров. Закупки закончились около 1 апреля 1917 г., и тогда оказалось, что об-ву удалось собрать, в общем, 800 тыс. шт. сырья (в том числе 100 тыс. шт. конины, собранных в Туркестане). Из этого количества 100 тыс. штук об-вом было оставлено сибирским заводчикам, а остальные 700 тыс. шт. хотя и с большими трудностями были транспортированы в Европейскую Россию.

Для полноты картины рынка необходимо упомянуть в двух словах об Ирбитской ярмарке.

Ирбитская ярмарка. Ирбитская ярмарка, вообще, в отчетном году бестоварная и нелюдная, была в особенности скудна предложением обуви и кожевенных товаров—выделанных кож и сырья. Обувью и готовым кожевенным товаром обычно Ирбитская ярмарка снабжала всю Сибирь, сырьем—Урал, но в отчетном году многие сибирские купцы вынуждены были уехать, не выполнив своих сезонных закупок даже в незначительной их части.

Ярмарка прошла под знаком высоких цен и сокращенных предложений. Оба явления находят себе об'яснение в ряде причин, из которых укажем главнейшие: понижение деятельности фабрик и заводов для удовлетворения потребности частного рынка, расстройство железнодорожного транспорта, правда, компенсированное до известной степени гужевой перевозкой товаров на ярмарку и использованием водных путей, но все же на высоту цен повлиявшее; наконец, обилие значительной свободной денежной наличности в деревне, влившейся в крестьянскую среду под влиянием сильного повышения цен на продукты крестьянского хозяйства и прекращения продажи спиртных напитков.

Цены были повышены не менее как на 60%, а некоторые сорта обуви в цене повысились вдвое и втрое против прошлого года (от 100% до 200%). Повышение цен на обувь на ярмарке об'яснялось, кроме вышеуказанных причин, чрезмерным повышением таковых на московском рынке, да плюс еще провоз почтой, так как иначе товар на ярмарке во время не получился бы. Спрос на готовую обувь был громадный, фабриканты не были в состоянии удовлетворить всех требований полностью за недостатком товара, и в конце ярмарки была в преимущественном спросе обувь парусиновая. Вздорожание кожаной обуви, вообще, не поддается учету. Приблизительные цены на сапоги были от 27 р. и дороже, на штиблет и ботинки от 13 р. и выше.

Цены на шорный товар были повышены от 30 до 40%. Товара было привезено небольшое количество, при большом спросе.

Что касается готового кожевенного товара, то предложение небольших партий его на ярмарке носило случайный характер. После издания нормировочных цен заводчики ставят в настоящее время всю кожу исключительно на интендантство, случайные партии ее продавались на ярмарке с высоким повышением против нормировки, и такие сделки тщательно замалчивались. При нормировочной цене в 65 р. подошвенный товар на рынке проходил от 80 до 100 р. за пуд, а полувал 50—60 руб.

Привоз сырья на ярмарку следует признать слабым. В первые дни ярмарки было в привозе лишь 70 возов кожи. О железнодорожной перевозке сырья и думать не приходилось—товар лежал в больших количествах по Сибири на складах, где так и остался незапроданным.

Кожи яловые сухие проходили на ярмарке по 13—14 р., верблюжьи по 10 р., калмыцкие овчинки по 1 р. 20 к.—2 р.

И. Когонховский.

Рабочее законодательство.

После почти полного застоя в ходе развития рабочего законодательства в России в течение 1915 г. за отчетный год возможно отметить снова некоторые признаки проявления интереса к улучшению быта рабочего класса. Преступное пренебрежение нуждами трудового люда, за которое в конце концов правительству пришлось жестоко поплатиться под ударами грозной революции, сменилось намерением пойти этим нуждам несколько навстречу, и в министерских канцеляриях стали сочинять проекты соответствующих мероприятий. В 1915 г., в сущности, ничего ровно не было сделано на пути развития рабочего законодательства: смешно сказать—за весь год было издано только два закона, да и те обозначали отнюдь не улучшение и без того довольно отсталого нашего рабочего законодательства, а, наоборот, вносили даже заметное в него ухудшение, так как один закон 9 марта 1915 г. отменял воспрещение ночных и подземных работ лиц женского пола и малолетних рабочих, не достигших 15-летнего возраста, в отношении каменноугольных копей Европейской России, а по второму закону 1 октября того же года министру торговли и промышленности было предоставлено право разрешать отступления от требований закона о работе малолетних, подростков и женщин для всяких предприятий, работающих на нужды государственной обороны. Издание этих двух законов мотивировалось тем обстоятельством, что усиленный спрос на труд женщин, подростков и малолетних в промышленных предприятиях, работающих на оборону страны, вызвал яко-бы необходимость устранения тех законодательных ограничений, которые являлись помехой к использованию этой рабочей силы в полной ее мере. Надо, однако, отдать справедливость, что на практике министр торговли и промышленности в самом ограниченном числе случаев использовал предоставленные ему по закону полномочия, и таким образом жестокий закон в отношении нуждающейся более всего в охране группы трудящихся получил, к счастью, самое узкое применение.

В 1916 г. рабочее движение усилилось. Кроме того, в составе центрального военно-промышленного комитета образовалась весьма деятельная рабочая группа, влиянию которой следует приписать, что означенный комитет стал уделять больше, чем прежде, внимания рабочему вопросу. В результате почин в области развития рабочего законодательства из рук правительственной власти перешел к общественной организации. На втором Всероссийском с'езде военно-промышленных комитетов был поставлен на очередь вопрос о необходимости проведения в срочном порядке некоторых неотложных мероприятий, которые могли бы внести известное улучшение в положение рабочего класса. Были вынесены резолюции о необходимости проведения проекта примирительных камер, об учреждении биржи труда в целях урегулирования рабочего рынка, приведенного в расстройство под влиянием возраставшей безработицы, и, наконец, о необходимости осуществления изданных еще в 1903 г. правил об учреждении на фабриках и заводах института старост.

Однако, даже столь скромная программа законодательных работ встретила оппозицию в правительственных кругах. Введение примирительных камер было признано несвоевременным, о чем с соответствующим заявле-

нием выступил перед Государственной Думой представитель бывш. министерства торговли и промышленности. Что касается двух других законодательных предположений, то в этом министерстве были изготовлены соответствующие проекты, которые, однако, так и остались проектами и дальше канцелярий не пошли. Характерно отметить, что те чрезвычайно скромные попытки введения некоторых улучшений в крайне стеснительные правила о старостах на фабриках и заводах, которые были главнейшей причиной слабого применения на практике этого института, так как для введения его требовалось в каждом отдельном случае особое разрешение администрации, встретили резкую оппозицию со стороны департамента полиции. Последний, при обсуждении нового проекта, настаивал на включении таких поправок, которые еще ухудшили и без того неудовлетворительные правила.

Помимо этого бывш. министерством торговли и промышленности разрабатывались еще и другие законопроекты, затрагивавшие область труда. Был изготовлен проект закона об установлении правил о найме торговых служащих. Содержавшиеся в уставе торговом правила „о найме приказчиков и торговых поручениях", которыми нормировались взаимные отношения владельцев торговых предприятий и их служащих, были основаны на уставе цехов, происхождение которого относится еще к 12 ноября 1799 года. Понятно, что этот архаический устав никоим образом не мог отвечать изменившимся в течение более столетнего периода условиям жизни. Поэтому бывш. министерство торговли и промышленности выработало проект более современных правил, которыми определялись бы взаимоотношения владельцев торгово-промышленных заведений и их служащих. В проекте устанавливалось, какие лица признаются торговыми служащими, на которых должны были распространяться постановления проекта. Самые постановления имели целью: 1) нормировать порядок заключения договора о найме; 2) установить главнейшие нормы, относящиеся до исполнения договора, с определением вытекающих из договора прав и обязанностей как хозяев, так и торговых служащих, и 3) нормировать порядок расторжения договора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Любопытно отметить, что действовавший к тому времени закон не знал даже обязательства заключения договора о найме торговых служащих в письменной форме. Не трудно себе представить, какое широкое поприще для разного рода злоупотреблений со стороны владельцев торговых предприятий открывалось при таких условиях. Поэтому проект, прежде всего, предусматривал обязанность хозяев заключать с торговыми служащими при приеме их на службу письменный договор, который мог, но не должен был сопровождаться выдачей служащему расчетной книжки. В договоре должны быть указаны подробно все условия найма: срок найма, обязанности, возлагаемые на торговых служащих, размер и срок уплаты жалованья и пр.

Далее в проект включены некоторые до-нельзя скромные требования, обеспечивавшие улучшение быта торговых служащих, в роде таких, что помещение как торговое, так и жилое, если оно предоставляется служащему, должно соответствовать условиям, необходимым для сохранения здоровья служащих, что им, в случае болезни (а женщинам и в родовой период), должен предоставляться отпуск с сохранением содержания и, кроме того, на таких же условиях—ежегодный отпуск прослужившим более года. Дети, не достигшие 12-летнего возраста, не могут быть допускаемы к обучению и работам.

На-ряду с описанным проектом, бывш. министерством торговли и промышленности был поставлен на очередь вопрос об урегулировании положения еще и другого класса тружеников, а именно ремесленников, положение которых нормировалось точно так же, как и положение торговых служащих, давно отжившими законоположениями древнего происхождения, а, правильнее говоря, совсем не нормировалось, за отсутствием каких-либо органов надзора, так что ремесленники-работники были отданы всецело на

произвол хозяев. При предпринятом бывш. министерством торговли и промышленности пересмотре устава о ремесленной промышленности имелось в виду организовать ремесленный класс на новых, более современных, началах—профессиональных, а не сословных, положенных в основу действовавших в то время правил. Далее, предполагалось установить ряд правил относительно ремесленных учеников и регламентировать порядок заключения договора ученичества, права и обязанности хозяина и ученика и условия расторжения договора. Намечалось учреждение особых комитетов по ученическим делам, в задачу которых входило бы общее наблюдение за правильной постановкой ремесленного обучения. Затем, проектом нормировались взаимные отношения ремесленных служащих и хозяев, как-то: порядок заключения и расторжения договоров и пр. В целях обеспечения надлежащего исполнения закона, в проекте предусматривалось учреждение органов ремесленного надзора. Наконец, в виду выяснившейся необходимости в представительных органах по ремесленной промышленности, проект предоставлял ремесленникам право образовать ремесленные общества с исполнительным органом — ремесленной управой, причем намечалось обязательное участие в этих организациях всех ремесленников данной местности.

Кроме изложенных проектов, бывш. министерством торговли и промышленности был выдвинут еще вопрос об урегулировании положения о трудовых артелях и об издании дополнительной новеллы к закону о страховании рабочих. Последний вопрос был вызван тем соображением, что многие участники войны, оправляясь после полученных в сражениях ран и увечий, с существенными физическими недостатками, напр., отсутствием пальцев на руке, встречали затруднения при приискании себе работы на фабриках и заводах. Хотя эти физические недостатки и не служат прямым препятствием для предоставления работ, но промышленные предприятия избегали привлечения такого рода служащих и работников единственно из опасения, что, по закону, они, при несчастных случаях с этими рабочими, рисковали ответственностью и за повреждения и физические недостатки, происшедшие не в условиях фабричной жизни. Находя, что такое положение чрезвычайно невыгодно отражается на интересах бывших участников войны, не утративших своей работоспособности, бывш. министерство торговли и промышленности имело в виду ввести в страховые законы корректив в том смысле, что на владельцев фабрик и заводов нельзя возлагать ответственности за случаи физического ущерба, не зависящие от непредусмотрительности владельцев предприятий.

Как уже отмечалось выше, ни один из этих проектов силу закона не получил; они представляют собою только некоторый исторический интерес, как характеристика направления законодательного мышления и узости понимания задач обеспечения нужд рабочего класса.

Из выдвинутых в 1916 г. проектов по рабочему законодательству остается еще упомянуть про думский законопроект об учреждении женской фабричной инспекции, построенной на автоматическом включении в институт фабричной инспекции сорока фабричных инспектрис с возложением на них тех же обязанностей, какие, по закону, несут фабричные инспектора.

Впрочем, не одними законопроектами ограничилась работа 1916 г. в области рабочего вопроса. Было издано все же несколько законов в развитие действовавшего рабочего законодательства. Так, было распространено действие правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности на Закаспийскую и Семиреченскую области, так что указанные правила охватили уже пространство всей России, за исключением лишь местностей, где уже абсолютно никакой фабрично-заводской промышленности не имеется.

В области социального страхования утверждены были основания для исчисления страховых взносов судоходного Петроградского страхового това-

рищества, а также правила и формы денежной отчетности окружных страховых товариществ.

Затем, в обозреваемом году было еще издано несколько законодательных актов, касавшихся специально железнодорожных рабочих и служащих, в числе их—положение о сберегательно-вспомогательной кассе для служащих, мастеровых и рабочих казенных железных дорог и временные правила для пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс, действующих на частных железных дорогах. Кассы эти должны были быть построены на обычном для того времени начале участия в них своими взносами рабочих и служащих с известной долей участия в образовании средств кассы управлений железных дорог.

Кроме того, в целях устранения затруднений, связанных с квартирным вопросом для рабочих и служащих на железных дорогах, в бывш. министерстве путей сообщения был поставлен на очередь вопрос о сооружении жилищ для рабочих и служащих средствами железных дорог как казенных, так и частных. Имелось в виду поставить жилищное дело так: 1) чтобы квартиры обходились не дороже, чем квартиры, нанимаемые у частных лиц в 1916 г., что имело значение в виду несомненного роста квартирных цен в будущем, и 2) чтобы жилища сооружались в первую очередь в тех местностях, где жилищная нужда чувствовалась с особой остротой. Средства на постройку жилищ должны были быть позаимствованы из свободных капиталов действовавших на железных дорогах пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс. Поясненные предположения путейского ведомства были одобрены бывш. советом министров.

В заключение остается еще упомянуть о законоположениях, вызванных исключительно обстоятельствами войны. Сюда относятся: закон об обеспечении пострадавших от неприятельских действий мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих государственных предприятий, а равно их семейств; правила о вознаграждении пострадавших вследствие несчастных случаев служащих, мастеровых и рабочих на железных дорогах, находившихся на занятой по праву войны территории, каковые правила с некоторыми изменениями, вызывавшимися особыми условиями их применения, совпадали с правилами, установленными для русских железных дорог; далее, положение о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев служащих, мастеровых и рабочих владивостокских сборочно-вагонных мастерских и правила о найме и перевозке рабочих желтой расы. К числу тех же законов военного времени относятся: 1) об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях; 2) о воскресном отдыхе для военнопленных.

Согласно правилам 17 марта 1916 г. об отпуске военнопленных для работ в частных предприятиях горной и фабрично-заводской промышленности, военнопленные подлежали подчинению общим правилам о найме рабочих, как-то: выдаче расчетных книжек, продолжительности рабочего времени и т. д. Что же касается законов о страховании от несчастных случаев и вознаграждении увечных рабочих, то эти законы на военнопленных не подлежали распространению на общем основании, как на иностранных подданных. В правилах особо оговаривалось, что военнопленные подлежали отпуску на работы не иначе, как за плату, размер которой устанавливался применительно к существовавшим на местах ценам для отдельных видов работ. Означенная плата, однако, не выдавалась в непосредственное распоряжение военнопленных, а $1/3$ ее отчислялась в особый фонд. Из остальной же части заработной платы покрывались: 1) все расходы предприятий по доставке, содержанию, обмундированию, продовольствию и окарауливанию пленных, и 2) издержки по выдаче особо усердным в работе военнопленным денежного отпуска на улучшение пищи, в размере не свыше 20 к. в день на человека. Такой порядок распоряжения заработной платой вызвал справедливые жалобы как самих военнопленных, так и работодателей, так

как лишал военнопленных всякого стимула к проявлению интенсивности труда.

Воскресный отдых военнопленных был урегулирован соглашением между русским правительством и правительствами Германии и Австро-Венгрии. По этому соглашению всем военнопленным, на началах взаимности, должен был обязательно предоставляться отдых в воскресные дни. Из'ятие сделано было в отношении пленных, занятых в предприятиях, работавших беспрерывно: таковые имели право, вместо воскресенья, отдыхать в один из будних дней. Это соглашение имело значение только для военнопленных, занятых в иных, кроме частных горных и фабрично-заводских, предприятиях, так как в отношении занятых в этих предприятиях вопрос о воскресном отдыхе был уже урегулирован упомянутыми выше правилами 17 марта 1916 г.

Перечисленными законами, правилами и законодательными предположениями исчерпывается последний год деятельности правительства самодержавного режима в области социальной политики. Закончился тридцатипятилетний период, если считать началом законодательного урегулирования наемного труда первый в этом смысле закон 1882 г. о работе малолетних; с 1917 г. наступила новая эра для рабочего законодательства, порвавшего с прежними заветами преклонения перед интересами предпринимательского класса и соображениями полицейского характера.

В. Громан.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ИЗДАНИЯ
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:

Вышли из печати:

1. **Яков Таргулов.** — Краткий курс финансовой науки. 1919 г.
2. **А. И. Потяев.** — Финансовая политика Советской власти. 1919 г.
3. **А. И. Потяев.** — Социалистическое строительство и финансы. 1919 г.
4. **Р. Арский.** — Производительность труда. 1919 г.
5. **Р. Арский.** — Заработная плата и тарифная политика. 1919 г.
6. **Н. Н. Любимов.** — Единовременный чрезвычайный революционный налог. 1919 г.
7. Начисления в пользу государства. 1919 г.
8. **Л. Л. Оболенский (Л. Красов).** — Краткий курс организации финансовых учреждений. 1920 г.
9. **С. Л. Рашкович.** — Удобрительная промышленность в России. 1920 г.
10. **Академик В. Ипатьев.** — Работа химической промышленности на оборону во время войны. 1920 г.
11. **К. В. Томпсон.** — Научная организация производства (опыт Америки). 1920 г.
12. Сборник декретов и распоряжений по финансам. Том I. 1917—1919 гг.
13. „ „ „ „ „ „ „ II. 1919—1920 гг.
14. „ „ „ „ „ „ „ III. 1920—1921 гг.
15. Сборник декретов о финансах. 1917—1920 гг.
16. Народное Хозяйство за 1916 г. Выпуск I. 1920 г.
17. „ „ „ „ „ II. 1920 г.
18. „ „ „ „ „ III. 1920 г.
19. „ „ „ „ „ IV. 1921 г.
20. Труды Института № 1. **Проф. К. Богданович.** — Железные и марганцовые руды Сибири. 1921 г.
21. „ „ № 2. **Проф. К. Богданович.** — Обеспечена ли Россия медью? 1921 г.
22. Обзор финансового законодательства 1917—1921 гг.
23. Труды секции промышленности и товарообмена, т. I. 1920 г.
24. Труды Всероссийского С‘езда Заведующих Финотделами, т.т. I и II.
25. **Преображенский, Е. А.** — Финансы в эпоху диктатуры пролетариата. 1921 г.
26. Сборник. — Социальная революция и финансы. 1921 г.
27. „Известия Н. К. Ф.“ — 1921 г. №№ 1—4, 5—10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16.
28. „Бюллетень Цен“ Комитета Цен при Н. К. Ф. 1921 г., №№ 1 и 2.
29. Труды сельско-хозяйственной секции, т. I. 1921 г.
30. Народное Хозяйство за 1916 г. Выпуск V—VI. 1921 г.

Готовятся к печати:

1. Труды Института № 3. Сборник. — Финансовые проблемы.
2. „ „ № 4. **П. В. Оль.** — Иностранные капиталы в России.
3. „ „ № 5. Сборник. — Некоторые вопросы внешнего товарообмена.
4. „ „ № 6. Сборник.—Россия и окраинные государства.
5. „ „ № 7. Сборник. — Наш Север.
6. „ „ № 8. **С. П. Сигов.** — Уральская промышленность за время революции.
7. „ „ № 9. **Ф. Капелюш.** — Трестирование германской промышленности после войны.
8. „ „ № 10. Проф. **В. Н. Твердохлебов.** — Федеральные и местные финансы.
9. Народное Хозяйство за 1916 г. Выпуск VII (статистический сборник).

СКЛАД ИЗДАНИЯ
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПЕТРОГРАД, проспект 25 октября, 42.
МОСКВА, Мясницкая, 24, „Экономист“.